Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Яковенко Артём Алексеевич

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор

Шишмарева Татьяна Петровна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **3**

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ КОНКУРСНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ **17**

1. Понятие, основания возникновения и субъектный состав конкурсных правоотношений **17**

2. Понятие конкурсной ответственности и её соотношение с другими видами ответственности **28**

ГЛАВА 2. ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ КОНКУРСНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ **75**

1. Деликтная ответственность лиц, участвующих в деле о банкротстве **75**

2. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего **87**

3. Ответственность контролирующих должника лиц **115**

4. Ответственность конкурсных кредиторов **139**

ГЛАВА 3. НЕТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ И ВИДЫ КОНКУРСНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ **160**

1. Введение процедуры банкротства как самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности должника **168**

2. Субординация требований кредиторов как форма конкурсной ответственности **182**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **204**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК **210**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Развитие рыночной экономики в Российской Федерации сопровождается тем, что отдельные участники гражданского оборота оказываются неспособными исполнить свои обязательства перед кредиторами. Такая ситуация характерна не только для России, но и для других государств с рыночной экономикой[1]. Вместе с тем особенностью российского права можно назвать несистемное и непоследовательное формирование конкурсного законодательства. С начала 1990-х гг. было принято три закона, регулирующих отношения несостоятельности (банкротства), в том числе действующий Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[2] (далее — Закон о банкротстве), существовавший по состоянию на февраль 2025 г. в пятидесятой редакции[3].

Одной из важных составляющих правоотношений несостоятельности (конкурсных правоотношений) является привлечение их субъектов к гражданско-правовой ответственности, о чем свидетельствуют как доктринальные источники[4], так и обширная судебная практика.

Однако, несмотря на развитие законодательства о несостоятельности, правовое регулирование ответственности субъектов конкурсных

---

[1] См.: *Brunstad G. E., Jr.* The Three Faces of Bankruptcy Law: Doctoral thesis: J.S.D. New Haven : Yale Law School, 2014. P. 1.

[2] Парламентская газета. 02.11.2002. № 209–210.

[3] Список редакций см.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527 (дата обращения: 10.02.2025).

[4] См., например: *Агеев А. Б.* Банкротство в гражданском праве, проблемы теории : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9 ; *Медведев Д. А.* Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1990. С. 192 ; *Тарасенко А. А.* Ответственность в правоотношениях несостоятельности (банкротства): понятие и механизм правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024.

правоотношений сохраняет фрагментарный характер, будучи преимущественно сконцентрированным на контролирующих должника лицах.

Такое состояние регулирования не в полной мере отражает особенности процедур банкротства, для которых характерен широкий круг разнородных субъектов: должник, конкурсные кредиторы (как обеспеченные, так и необеспеченные), работники должника, арбитражный управляющий, уполномоченные органы, контролирующие должника лица (учредители, бенефициары, связанные лица) и др. Каждый из указанных субъектов руководствуется собственными, зачастую противоречивыми интересами, что неизбежно провоцирует конфликты и способствует совершению правонарушений. Согласно статистическим сведениям Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц за 2024 год, соотношение количества поданных и удовлетворенных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности впервые за пять лет превысило 50 %, а количество привлеченных к ответственности лиц увеличилось с 2 587 до 5 331; более чем на 30 % увеличилось количество публикаций о взыскании убытков с арбитражных управляющих[1].

Подобная ситуация в совокупности с отмечаемой в юридическом сообществе недоработанностью конкурсного законодательства[2] активизировала судебное правотворчество: Верховный Суд РФ в практике последних лет расширил и дифференцировал перечень оснований и форм ответственности контролирующих должника лиц, конкурсных кредиторов и

---

[1] См.: Статистический бюллетень Федресурса за 2024 год // URL: https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%202024.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

[2] Видеозапись сессии «Роль суда в контроле над делом о банкротстве» на XIII Петербургском международном юридическом форуме 21.05.2025 // URL: https://legalforum.info/programme/business-programme/7800/#broadcast (выступление А. В. Варварина, см. 58:05-01:05:49) (дата обращения: 25.05.2025).

арбитражных управляющих. Однако вырабатываемые практикой подходы к сходным между собой нарушениям зачастую опираются на методологически разнородные основания: так, ответственность конкурсных кредиторов за злоупотребление конкурсным контролем базируется на общих основаниях гражданско-правовой ответственности, тогда как правовой режим взыскания причиненных кредиторам убытков — на специальном регулировании, установленном Законом о банкротстве.

Российская правовая доктрина также характеризуется фрагментарностью исследований ответственности лиц, участвующих в деле о банкротстве. Самостоятельные исследования затрагивают, например, правовую природу субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и соотношение такой ответственности с убытками, отдельные аспекты ответственности арбитражных управляющих. Иным вопросам ответственности, таким как отстранение арбитражного управляющего, кредиторские убытки или ответственность конкурсных кредиторов, уделено значительно меньше внимания. Недостаточно исследованным остается и вопрос о соотношении различных видов ответственности, реализуемых в делах о банкротстве.

При этом анализ исследований, посвященных наиболее изученным видам ответственности субъектов конкурсных правоотношений, выявляет принципиальные расхождения в понимании их оснований и правовой природы, что препятствует формированию цельной теории ответственности субъектов правоотношений несостоятельности.

Приведенные примеры иллюстрируют, что судебная практика вынуждена активно развивать новые формы ответственности, зачастую опережая законодательные новеллы и заполняя доктринальные пробелы. Подобные обстоятельства придают теоретическому осмыслению проблемы особенное значение: только установление и систематизация всех видов и форм ответственности лиц, участвующих в деле о банкротстве, позволит

обеспечить единообразие правоприменения и прогнозируемость для участников процесса.

Таким образом, проблематика ответственности субъектов правоотношений несостоятельности (банкротства) остается дискуссионной и изученной лишь частично. Современные исследования носят фрагментарный характер, недостаточно раскрывают правовую природу, виды, формы и особенности реализации такой ответственности.

Учитывая изложенное, можно заключить, что теоретическое осмысление и систематизация всех видов и форм ответственности субъектов правоотношений несостоятельности (банкротства) являются насущной задачей современной юридической науки.

Степень научной разработанности темы исследования.

Комплексному исследованию ответственности лиц, участвующих в деле о банкротстве, посвящено диссертационное исследование А. А. Тарасенко «Ответственность в правоотношениях несостоятельности (банкротства): понятие и механизм правового регулирования» 2024 г. В указанной работе автор исследует феномен банкротной ответственности.

Отдельные вопросы, изученные в рамках настоящего исследования, были предметом изучения других авторов.

Так, А. В. Егоров и Е. Д. Суворов, Т. П. Шишмарева рассматривают проблемы ответственности арбитражных управляющих, субсидиарной ответственности и ответственности в форме взыскания убытков.

Проблемы, связанные с санкционной природой субординации требований конкурсных кредиторов, прослеживаются в диссертации А. И. Шайдуллина «Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ» 2022 г.

Отдельные аспекты ответственности субъектов конкурсных правоотношений служили предметом анализа в работах С. А. Карелиной, В. Ф. Попондопуло и П. П. Серкова, посвященных исследованию

правоотношений несостоятельности (банкротства), в работах С. С. Галкина и Е. А. Суворова, связанных с исследованием природы взаимоотношений должника и конкурсных кредиторов.

Между тем в доктрине не были исследованы взыскание кредиторских убытков, установление надлежащей модели ответственности конкурсных кредиторов, субординация требований кредиторов в качестве вида ответственности и др.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили исследования таких ученых, как А. Б. Агеев, В. С. Белых, М. И. Брагинский, С. Н. Братусь, В. В. Витрянский, С. С. Галкин, В. П. Грибанов, О. В. Гутников, А. В. Егоров, С. А. Карелина, Д. А. Липинский, Д. В. Ломакин, Р. К. Лотфуллин, Н. С. Малеин, Д. А. Медведев, В. Ф. Попондопуло, П. П. Серков, М. В. Смирнов, А. В. Солодилов, Е. Д. Суворов, Е. А. Суханов, А. А. Тарасенко, М. В. Телюкина, А. И. Шайдуллин, Г. Ф. Шершеневич, Т. П. Шишмарева.

Нормативную основу исследования составляют нормы российского права и отдельные нормативные правовые акты зарубежных стран (в том числе Германии, Франции и США), регулирующие отношения, возникающие в связи с привлечением к ответственности участников правоотношений несостоятельности (конкурсных правоотношений).

Эмпирическую основу исследования составляют материалы судебной практики и официальная статистика по делам о несостоятельности.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с реализацией конкурсной ответственности в процедурах несостоятельности.

Предметом исследования являются нормы российского права, нормы зарубежного права (в рамках компаративистского исследования отношений ответственности и смежных институтов и подынститутов), российская и зарубежная правоприменительная практика, доктринальные

подходы, теории, идеи, а также современные тенденции развития законодательства и судебной практики в исследуемой области.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретических представлений о правовой природе конкурсной ответственности, основаниях и формах ее применения.

Для достижения цели настоящего диссертационного исследования диссертантом поставлены следующие **задачи:**

1) исследовать правоотношения несостоятельности (конкурсные правоотношения) и их взаимосвязь с отношениями, возникающими при реализации юридической ответственности в делах о банкротстве;

2) выявить особенности конкурсной ответственности и установить ее место в системе юридической ответственности;

3) установить основные формы и виды конкурсной ответственности;

4) определить субъектный состав правоотношений несостоятельности (конкурсных правоотношений) и круг субъектов конкурсной ответственности;

5) исследовать традиционные формы конкурсной ответственности, установить их правовую природу и место в системе такой ответственности;

6) классифицировать нетипичные формы конкурсной ответственности, установить их правовую природу и место в системе такой ответственности;

7) разработать научно обоснованные предложения по модернизации гражданского законодательства, включая рекомендации по изменению/дополнению норм Закона о банкротстве;

8) развить доктринальные подходы к систематике гражданско-правовой ответственности лиц, участвующих в делах о банкротстве.

Методология и методы диссертационного исследования. Диссертантом использовались общенаучные методы, в том числе системный метод, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции и аналогии, а также специально-юридические методы, в частности формально-юридический, сравнительно-правовой метод и метод юридической герменевтики.

Системный подход, методы дедукции и индукции, интерпретации и телеологического толкования позволили рассмотреть гражданско-правовую ответственность в банкротстве как элемент механизма защиты прав кредиторов, а также интегрировать подынституты банкротства, связанные с реализацией гражданско-правовой ответственности (в том числе субсидиарной ответственности, взыскания убытков, субординации требований кредиторов и др.), в общую систему конкурсной ответственности.

Сравнительно-правовой метод в рамках настоящей диссертации был использован для исследования и адаптации зарубежных подходов к определению правовой природы отдельных форм конкурсной ответственности к российским реалиям. Указанный метод, реализованный в рамках диссертационного исследования в форме научно-теоретического сравнения, позволил предложить основные направления совершенствования существующих доктринальных воззрений и действующего законодательства.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые изложены авторские теоретические представления о правовой природе конкурсной ответственности, основаниях ее применения и формах реализации, а также о системе ответственности лиц, участвующих в деле о банкротстве, учитывающие как особенности внедоговорной гражданско-правовой ответственности, так и специфику института банкротства.

В частности, в рамках теории конкурсной ответственности обосновано существование конкурсного деликта (имущественного и смешанного), предопределяющего специфику форм и видов конкурсной ответственности.

В настоящей работе впервые рассмотрены такие правовые явления, как субординация требований кредиторов и введение процедуры банкротства, с точки зрения гражданско-правовой ответственности, а также впервые исследованы особенности ответственности конкурсных кредиторов.

Автором сформулировано понятие конкурсной ответственности, установлено его соотношение с конкурсным правоотношением и место такой ответственности в системе гражданско-правовой ответственности.

Положения, выносимые на защиту.

1. Сделан вывод, что гражданско-правовая ответственность лиц, участвующих в деле о банкротстве, осуществляется в различных видах и формах, часть из которых характеризуется спецификой, позволяющей выделить самостоятельный вид юридической ответственности, именуемый конкурсной ответственностью. Такой вид ответственности отличается особым субъектным составом, охватывающим исключительно лиц, участвующих в деле о банкротстве; применением типичных и нетипичных форм и видов ответственности; сочетанием имущественного и неимущественного компонентов.

2. Аргументировано, что основной особенностью конкурсной ответственности является ее реализация в рамках правоотношений несостоятельности (конкурсных правоотношений). При этом невозможность введения процедуры банкротства или ее прекращение вследствие недостаточности имущества не препятствуют применению отдельных видов и форм конкурсной ответственности.

Реализация конкурсной ответственности становится возможной в связи с установлением юридического факта неплатежеспособности как основания возникновения конкурсного правоотношения, направлена на сохранение и увеличение конкурсной массы или восполнение имущественных потерь кредиторов при невозможности введения процедуры банкротства или ее прекращении.

3. Обоснована позиция, согласно которой конкурсная ответственность наступает в связи с совершением конкурсного деликта, под которым предлагается понимать гражданско-правовой деликт, направленный на нарушение имущественных и неимущественных прав и интересов участников конкурсных правоотношений.

В качестве разновидностей конкурсного деликта выделены имущественный конкурсный деликт и смешанный имущественно-неимущественный конкурсный деликт, характеризующийся нарушением как имущественных, так и неимущественных прав кредиторов, как то: недобросовестные действия кредиторов должника, повлекшие уменьшение квоты распределения конкурсной массы; действия арбитражных управляющих, приводящие к нарушению информационных прав кредиторов, и др.

Особенностью причинения вреда при совершении такого деликта несколькими субъектами конкурсных отношений является возможность признания их сопричинителями вреда и возложения на них солидарной ответственности, например в случае привлечения к ответственности мажоритарного кредитора и арбитражного управляющего.

4. Установлено, что конкурсная ответственность применяется в различных формах и видах, которые представляется возможным разделить на типичные (исключительно имущественные) и нетипичные (смешанные имущественно-неимущественные) в зависимости от характера нарушенного права и неблагоприятных последствий применения ответственности.

К типичным формам ответственности предлагается относить ответственность в форме взыскания убытков при привлечении конкурсных кредиторов, арбитражных управляющих, контролирующих должника лиц, а к типичным видам ответственности — субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц.

К нетипичным формам ответственности предлагается относить субординацию требований кредиторов, а к нетипичным видам — ответственность в виде введения процедур банкротства.

5. Доказано, что конкурсная ответственность арбитражных управляющих может быть реализована в форме взыскания убытков, в том числе при привлечении внешнего или конкурсного управляющего к субсидиарной ответственности.

Причинение вреда должнику и кредиторам может являться следствием как самостоятельных действий (бездействия) управляющего, так и совместных действий управляющего и кредиторов, в связи с чем арбитражный управляющий может нести имущественную конкурсную ответственность солидарно с конкурсными кредиторами.

6. Выявлено, что гражданско-правовая ответственность контролирующих должника лиц может быть реализована на корпоративно-правовом и конкурсном основаниях в зависимости от совершенного деликта (корпоративного или конкурсного). Такое различие обусловливает применимые модели ответственности, различные стандарты доказывания, сроки давности для привлечения к ответственности, размер ответственности, круг лиц, обладающих правом на предъявление иска, и т.д.

Конкурсная ответственность контролирующих должника лиц за совершение конкурсного деликта может наступать в виде предусмотренной Законом о банкротстве субсидиарной ответственности и в форме взыскания кредиторских убытков.

При этом корпоративные убытки, несмотря на то, что возможность их взыскания прямо установлена статьей 61.20 Закона о банкротстве, являются формой не конкурсной, а корпоративной ответственности в связи с совершением корпоративного деликта, поскольку возможность их взыскания не зависит от возникновения конкурсных правоотношений, а конкурсные кредиторы не обладают правом на предъявление соответствующего иска.

7. Обосновано, что конкурсные кредиторы могут выступать субъектами конкурсной ответственности. Несмотря на отсутствие особой, закрепленной Законом о банкротстве модели ответственности конкурсных кредиторов, их ответственность может наступать в связи с совершением конкурсного деликта, например в случае недобросовестной реализации конкурсного контроля над должником, направленной на причинение вреда кредиторам. При этом особенности конкурсного деликта обусловливают необходимость применения специального деликта, предусмотренного

статьей 61.20 Закона о банкротстве и ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ, вопреки сложившейся судебной практике, в которой применяется генеральный деликт.

8. Аргументировано, что введение процедуры банкротства над имуществом должника может быть квалифицировано в качестве вида конкурсной ответственности. Субъектом такой ответственности выступает должник по делу о банкротстве. Указанный вид ответственности реализуется при единовременном или последовательном применении сразу нескольких форм ответственности, а именно: ограничения сделкоспособности должника, принудительной ликвидации, принудительного обращения взыскания на имущество должника, в том числе на предмет залога.

9. Доказано, что субординацию требований конкурсных кредиторов, не связанную с пропуском срока на предъявление требований до закрытия реестра требований кредиторов, следует квалифицировать как форму конкурсной ответственности.

Основанием такой ответственности выступает конкурсный деликт, который выражается в совершении недобросовестных действий, сопряженных с недобросовестной конкуренцией или иным злоупотреблением правом (в том числе в состоянии шиканы), направленных на причинение вреда добросовестным кредиторам в связи с уменьшением причитающейся им квоты распределения имущества должника и размытием конкурсного контроля.

В результате привлечения к такой ответственности конкурсный кредитор лишается неимущественных прав, позволяющих оказывать воздействие на ход дела о банкротстве, а также имущественного права на приоритетное удовлетворение своих требований.

Предложения по совершенствованию законодательства.

1. По итогам исследования проблематики ответственности конкурсных кредиторов предлагается расширить п. 1 ст. 61.20 Закона о банкротстве указанием на возможность привлечения конкурсных кредиторов к

ответственности в форме взыскания убытков с целью формализации процессуальных аспектов такого рода ответственности, в том числе с целью уточнения круга лиц, наделенных правом на предъявление иска, а также конкретизации процессуального порядка его рассмотрения и правового режима права требования должника к кредитору.

2. С учетом конкурсной природы ответственности арбитражного управляющего и направленностью вреда, причиняемого управляющим, на права и интересы конкурсных кредиторов, полагаем обоснованным распространить в отношении убытков, взыскиваемых с арбитражного управляющего, правовой режим, предусмотренный статьей 61.17 Закона о банкротстве (кредиторские убытки), путем внесения в приведенную статью соответствующего указания.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в создании концепции конкурсной ответственности, закрепляющей системный подход к различным формам и видам ответственности, реализуемой в рамках дел о банкротстве, а также в возможности использования его результатов в развитии науки предпринимательского права и в дальнейших исследованиях гражданско-правовой ответственности.

Результаты работы способствуют развитию доктрины конкурсной ответственности и расширяют научные представления о балансе частных и публичных интересов в процедурах несостоятельности.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть непосредственно применены:

— в законотворчестве — при реализации предлагаемых поправок к ст. 61.17 и 61.20 Закона о банкротстве, а также при дальнейшем внесении изменений в нормы Закона о банкротстве, регулирующие гражданско-правовую ответственность;

— в судебной практике — при выработке верных и единообразных подходов к квалификации правоотношений и разрешению экономических споров в сфере несостоятельности;

— в образовательной деятельности — при разработке учебно-методических материалов по предпринимательскому праву и специальным дисциплинам, предметом которых выступает правовое регулирование несостоятельности (банкротства).

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Степень достоверности результатов настоящего диссертационного исследования обеспечивается:

1) репрезентативной эмпирической базой, включающей:

— обширную подборку судебных актов из практики арбитражных и высших судов;

— статистические данные Единого федерального реестра банкротств (ЕФРСБ);

2) методологической обоснованностью, в том числе применением взаимодополняющих методов (например, индукции и дедукции), исключающих субъективность интерпретаций;

3) согласованностью с действующими доктринальными подходами:

— результаты подтверждены ссылками на 147 работ отечественных и зарубежных правоведов, а также на 45 правовых позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

Настоящая диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре предпринимательского и корпоративного права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Сформулированные в диссертации положения и выводы были изложены на международных и национальных научно-практических

конференциях, круглых столах, сессиях, посвященных проблемам несостоятельности (банкротства), а именно:

— XV Всероссийской научно-практической конференции «Енисейские политико-правовые чтения», 30 сентября 2023 г., Сибирский федеральный университет, г. Красноярск;

— международной конференции «Корпоративное право: актуальные вопросы правоприменения», 5 апреля 2024 г., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва;

— Втором международном симпозиуме «Банкротное право России: текущее состояние и основные направления развития», проведенном в рамках Московской юридической недели, 28 ноября 2024 г., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва.

По теме диссертационного исследования опубликовано шесть научных работ общим объемом 2,978 п. л., три из которых опубликованы в рецензируемых изданиях, включенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура и объем диссертационного исследования обусловлены его целями и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, включающих 8 параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ КОНКУРСНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Необходимость исследования в первой главе настоящей диссертационной работы общетеоретических аспектов юридической ответственности, в частности, гражданско-правовой ответственности, обусловлена главным образом тем, как построены конкурсные правоотношения, а также спецификой субъектного состава конкурсных отношений.

Проблематика юридической ответственности в конкурсных отношениях является весьма важной. По сути, ею охватывается весь смысл процедур банкротства, и от того, какие подходы сложатся в науке и правоприменительной практике, будет зависеть эффективность института банкротства и конкурентоспособность отечественной правовой системы.

Так, законодательство о банкротстве и гражданское законодательство совместно закрепляют ряд возможных способов защиты прав лиц, участвующих в делах о банкротстве, а также множество форм и видов ответственности указанных лиц.

1. Понятие, основания возникновения и субъектный состав конкурсных правоотношений

В первую очередь считаем необходимым отметить, что конкурсная ответственность реализуется в связи (и в рамках) конкурсного правоотношения – особого гражданского правоотношения, возникающего между должником и лицами, участвующими в деле о банкротстве.

Как указывает П.П. Серков, «правоотношение есть логическая конструкция, образующая устойчивое пространство, связывающая субъектов

для материализации субъективных потребностей-целей на принципах соотносимости и сопоставимости, за счет воздействия на субъектов идейного содержания совокупности правовых норм и обстоятельств регулируемой ситуации на условиях обоюдной взаимности и паритетности субъективных прав и обязанностей»[1].

Вопрос о наличии между должником и кредиторами особых правоотношений, как и сам термин «конкурсное правоотношение» не является новым в юридической литературе.

Между тем, как отмечается в науке, указанный вопрос недостаточно разработан[2], а особенности правоотношений, складывающихся в сфере банкротства, лишь усложняют научное осмысление проблемы.

С.А. Карелина указывает, что «правоотношения несостоятельности (банкротства)» являются обязательственными регулятивными правоотношениями имущественного характера, возникающими между должником и кредитором в связи с неспособностью должника удовлетворить требования кредиторов[3]. При этом учёный акцентирует внимание на том, что «первоначальное» регулятивное правоотношение при наличии определённых условий преобразуется в охранительное, при этом оставаясь тем же самым отношением.

А.А. Тарасенко, напротив, указывает, что «банкротные» правоотношения могут быть охранительными и реализуются в рамках нескольких стадий охранительных правоотношений[4].

В этом контексте заслуживает внимания точка зрения В.Ф. Попондопуло, который определяет конкурсное правоотношение как

---

[1] Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): монография в трех частях. Части вторая и третья. М., 2018. С. 1016.

[2] Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т.1. М.: Статут, 2019. С. 123 (автор соответствующей главы – С.А. Карелина)

[3] Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства): автореферат диссертации ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 13, 14, 25.

[4] Тарасенко А.А. Ответственность в правоотношениях несостоятельности (банкротства): понятие и механизм правового регулирования. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. С.17.

многосубъектное правоотношение, возникающее между должником по делу о банкротстве и кредиторами (и уполномоченным органом) по поводу соразмерного удовлетворения их требований[1]. Также ученый отмечает трансформацию правовой природы всех первоначальных правоотношений (какой бы она не была) в частноправовую[2].

Указанный подход подвергается критике. Так, например, С.А. Карелина подчёркивает, что первоначальные правоотношения сущностно сохраняются[3]. Как указывает Б.С. Бруско, изменяется не природа правоотношений, а их «охранительно-правовой аспект». Вытекающие из них права с момента введения первой процедуры банкротства «подлежат защите только посредством специфических конкурсно-правовых средств и способов»[4].

Р.Г. Смирнов также предлагает понимать конкурсное правоотношение как «единое, охранительное обязательство с активной множественностью лиц, в котором на одной стороне несколько кредиторов, а на другой один должник»[5].

Полагаем, что несмотря на очевидную многосубъектность процедур банкротства и конкурсного правоотношения, отсутствуют основания для установления некоего единого конкурсного правоотношения.

Конкурсные отношения отличаются своей динамикой и разнообразием правовых статусов его субъектов. Более того, в рамках такого рода правоотношений помимо имущественной можно обнаружить и неимущественную составляющую, которая не обязательно находится в зависимости от правового статуса субъекта и (или) размера его имущественного требования (например, право на получение информации о

---

[1] Попондопуло В.Ф. Банкротство: Научно-практич. пособие. М., 2013. С. 61.
[2] Попондопуло В.Ф. Конкурсное право. М., 2001. С. 34.
[3] Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т.1. М.: Статут, 2019. С. 142.
[4] Там же. С. 142.
[5] Смирнов Р.Г. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 53.

ходе процедуры банкротства).

Такие особенности не предполагают постоянства и единства правовых связей между субъектами конкурсных правоотношений, необходимых для признания наличия одного общего для всех субъектов правоотношения.

В свою очередь Е.Г. Дорохина определяет материально-правовое отношение несостоятельности (банкротства) как регулятивное правоотношение, возникающее между должником и каждым из его кредиторов по поводу соразмерного пропорционального удовлетворения первоначального обязательства в определенной законом очередности с момента вынесения судебного акта о признании должника банкротом. Такое правоотношение имеет процессуальную форму, не сливаясь вместе с тем с процессуальным правоотношением, возникающим между судом и каждым из участников дела о банкротстве[1].

В целом среди авторов существует консенсус относительно того, что материальное конкурсное правоотношение существует в рамках процессуальной формы, параллельно с процессуальными правоотношениями.

А.В. Солодилов, подводя итоги исследования конкурсных правоотношений указывает, что конкурсные правоотношения являются системой, в основе которой лежат ***первоначальные правоотношения*** (трансформировавшиеся в охранительные), из которых складывается единое сложное консолидированное конкурсное правоотношение, являющееся основным. Вокруг указанного правоотношения возникают производные конкурсные правоотношения, в т.ч. имущественные, организационные, личные неимущественные, а также процессуальные. Основное правоотношение является организуемым, оно определяет общую концептуальную цель побочных правоотношений, имеющих, в свою очередь,

[1] Дорохина Е.Г. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства) // Журнал российского права. 2006. № 5 // СПС «Гарант».

промежуточные цели. Как итог автор приходит к выводу о том, что вся описанная система конкурсных отношений является единым сложным, консолидированным материально-правовым отношением несостоятельности[1].

Согласно позиции А.А. Тарасенко отношения несостоятельности реализуются в рамках двух уровней правоотношений: имущественных охранительных, связанных с реализацией ответственности должника, а также имущественных и неимущественных регулятивных, связанных с организацией процедур банкротства.

Также высказывается позиция, в рамках которой самостоятельное конкурсное правоотношение отделяется от гражданских правоотношений.

Например, М.В. Телюкина указывает, что «решения собрания или комитета не влияют на гражданские правоотношения, но влияют на отношения конкурсные»[2].

С указанной позицией сложно полностью согласиться, поскольку, во-первых, конкурсные правоотношения, складывающиеся между должником и кредиторами, возникают из ординарных гражданско-правовых (обязательственных) правоотношений, а третьи лица способны стать их субъектами добровольно (например, путём заключения договора цессии) и, во-вторых, они имеют в основном имущественную направленность, свойственную гражданским правоотношениям.

Представляется, что материальное конкурсное правоотношение является разновидностью гражданского правоотношения.

При этом конкурсное правоотношение обладает существенной собственной спецификой. Во-первых, субъектный состав конкурсных

---

[1] Солодилов А.В. Правоотношения по современному российскому конкурсному праву (некоторые теоретические аспекты) (часть 1) // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2021. № 2. С. 110-111.

[2] Телюкина М. В. Предмет, метод, цели, принципы и иные характеристики конкурсного права // Труды ИГП РАН 2017. Т. 12, № 6. С.67.

правоотношений неизбежно включает в себя должника. Во-вторых, любые конкурсные правоотношения объединены общей концептуальной целью − направленностью на удовлетворение требований кредиторов должника. Указанные правоотношения складываются по поводу осуществления специфических прав и исполнения специфических обязанностей, в основной массе не свойственных иным гражданским правоотношениям. В-третьих, такие правоотношения возникают исключительно в связи с наступлением ряда специфических юридических фактов, таких как возникновение признаков неплатёжеспособности должника, принятие судом заявления о признании должника банкротом и возбуждение дела о банкротстве.

Полагаем, что описанные «первоначальные» правоотношения не являются конкурсными. Указанные правоотношения сохраняют свою гражданско-правовую природу и существуют до момента прекращения обязательства кредитора.

Представляется искусственным противопоставление позиций о едином конкурсном правоотношении и системе конкурных правоотношений. Так, «консолидированное конкурсное правоотношение» и единое правоотношение, в сущности, обладают идентичным содержанием. Разночтения касаются лишь первоначальных правоотношений и их юридической судьбы.

Таким образом, кажется верным выделение двух уровней правоотношений: первоначальные правоотношения, в рамках которых определяется размер и правовая природа требований кредитора, и собственно конкурсные правоотношения, складывающиеся в связи с оформившейся неплатёжеспособностью должника.

Сами по себе конкурсные правоотношения могут быть различными с точки зрения содержания, при этом все они складываются вокруг специфичных прав и обязанностей, установленных законодательством о банкротстве.

При этом отдельные кредиторы становятся участниками конкурсных

правоотношений лишь после того, как они вступают в соответствующее гражданско-правовое сообщество кредиторов.

Указанное, между тем, не препятствует тому, чтобы говорить о возникновении конкурсного правоотношения и до того, как должник или кредиторы инициируют возбуждение дела о банкротстве.

Например, п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве устанавливает наличие специфической обязанности должника в лице его органов управления – обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве. За нарушение указанной обязанности следует специфическая санкция – субсидиарная ответственность по правилам ст. 61.12 Закона о банкротстве.

Указанный пример – далеко не единственный случай, иллюстрирующий, что последствия исключительно «банкротного» характера наступают в связи с таким юридическим фактом как возникновение признаков неплатёжеспособности[1].

Первоначальное правоотношение является охранительным, оно находится в охранительной стадии, что позволяет кредитору воспользоваться исковым способом защиты и вступить в дело о банкротстве. Это правоотношение не прекращается, поскольку есть нарушенное право, признанное таковым в судебном порядке. Это правоотношение не может прекратиться, пока правовой интерес кредитора не будет удовлетворён.

Отдельно заметим, что продолжающееся существование первоначального правоотношения подтверждается правилом о выплате мораторных процентов, выплачиваемых после погашения требований всех конкурсных кредиторов. Такие проценты рассчитываются от размера первоначального обязательства, при этом обязанность по их погашению не препятствует прекращению процедур банкротства и сохраняется за

[1] Далее по тексту настоящей работы предлагается объединить такие правовые категории как «объективное банкротство», «возникновение признаков недостаточности имущества», и т.п. в рамках категории «возникновение признаков неплатёжеспособности» исключительно для цели установления момента, с которым связано возникновение первого конкурсного правоотношения.

должником после прекращения процедуры[1].

Первоначальное правоотношение является, своего рода, носителем правовой информации об особенностях будущего конкурсного правоотношения между должником и кредитором.

При этом конкурсное правоотношение, возникающее между должником и кредитором, также является охранительным, поскольку возникает в рамках правоотношения ответственности, формой которой выступает введение процедуры банкротства.

Последствия возникновения конкурсного правоотношения оформляются не в момент введения первой процедуры банкротства, а в момент принятия заявления о банкротстве к производству, поскольку именно в этот момент возникает процессуальная форма конкурсного правоотношения, и с этого момента пресекается возможность для возникновения новых конкурсных кредиторов.

Представляется важным конструирование системы конкурсных правоотношений именно по модели множества разрозненных и единого консолидированного конкурсного правоотношения, поскольку именно консолидированное правоотношение объясняет взаимную связанность субъектов правоотношений не только с должником, но и между собой.

Например, в науке права высказывались позиции о том, что конкурсные кредиторы обладают в отношении друг друга обязанностями действовать добросовестно и разумно[2].

Помимо этого, необходимо отметить, что в рамках компетенции собрания кредиторов находятся вопросы, подразумевающие согласование воль при принятии решений на собрании кредиторов.

Констатация того, что конкурсные правоотношения являются

---

[1] См. определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2021 г. № 303-ЭС20-10154(2) // СПС «КонсультантПлюс».
[2] См., напр., Шайдуллин А.И. Кредиторы должника как товарищи // Юридическая работа в кредитной организации № 4 (74). 2022. С. 55.

исключительно имущественными и складываются исключительно между одним должником и одним кредитором, не позволяет объяснить правовую природу взаимных прав и обязанностей конкурсных кредиторов, а также природу обязанностей неимущественного (информационного или организационного характера) в отношении должника.

В случае отрицания возникновения нового консолидированного (или сложного) правоотношения неизбежно возникают вопросы о причинах взаимного воздействия кредиторов друг на друга. Например, невозможно объяснить, в таком случае, механизм экстраординарного оспаривания судебных актов, лежащих в основании требования другого кредитора[1].

Более того, как неоднократно указывал Верховный Суд РФ, все конкурсные кредиторы совместно образуют гражданско-правовое сообщество, представителем которого является арбитражный управляющий, а следовательно, участником которого является должник.

Заметим, что похожие дискуссии некогда привели к тому, что в ст. 2 ГК РФ была внедрена категория корпоративных правоотношений. Представляется, что та же логика должна быть применима к конкурсным правоотношениям.

Особым статусом в рамках описываемых правоотношений обладает арбитражный управляющий.

Как будет подробнее сказано в параграфе 2 главы 2 настоящей диссертации, арбитражный управляющий, одновременно являясь представителем должника в гражданском обороте и гражданско-правового сообщества кредиторов, обладает самостоятельным частноправовым интересом в рамках конкурсных правоотношений.

Более того, сама возможность реализации процедур банкротства может быть поставлена в зависимость от наличия утвержденного арбитражного

---

[1] См.: п. 24 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 8.

управляющего: в соответствии с п. 10 Обзора судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве от 11.10.2023 «если дело о банкротстве гражданина возбуждено по его заявлению, но кандидатура финансового управляющего не представлена, то арбитражный суд может завершить процедуры банкротства должника»[1].

Являясь независимым как от должника, так и от кредиторов, арбитражный управляющий выступает самостоятельным субъектом конкурсных правоотношений.

Как итог полагаем, что конкурсные правоотношения – это разновидность гражданских правоотношений между должником, кредиторами и арбитражным управляющим в связи с возникновением признаков неплатёжеспособности должника и принятием арбитражным судом к производству заявления о признании должника банкротом, складывающихся в целях наиболее полного удовлетворения требований кредиторов.

С.Ю. Филиппова обоснованно отмечает, что организация правовых целей субъектов образует из разрозненных, отдельно существующих субъектов группу лиц. Эта группа лиц, будучи объединенной, организованной правовой целью, представляет собой не простую совокупность, а систему[2].

Полагаем, что конкурсные правоотношения в целом возникают не в связи с целенаправленными действиями участников этих правоотношений, а объективно, поскольку закон связывает наступление различных правовых последствий с фактом возникновения признаков неплатёжеспособности.

При этом вступление отдельного кредитора в конкурсные правоотношения сопряжено с трансформацией обычных обязательственных

---

[1] Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом ВС РФ 11.10.2023) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 12.

[2] Филиппова, С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. Москва : Статут, 2011. С. 122.

(или иных) правоотношений в охранительные в связи с волеизъявлением кредитора.

В рамках такого волеизъявления происходит своего рода «обмен»: лишаясь свободы реализации права требовать с должника выплаты полного размера долга, кредитор как бы принимает условие о том, что его требования могут быть прекращены частичным погашением, но взамен такой кредитор получает возможность влиять на размер конкурсной массы.

Указанный волевой момент, по сути, связан с добровольным волеизъявлением кредитора, определяющим судьбу правового режима его требования.

Более того, у конкурсных кредиторов возникает право на предъявление косвенного иска от имени должника и от имени всего гражданско-правового сообщества кредиторов. У арбитражного управляющего также возникает право предъявить иск одновременно от лица всех кредиторов.

Очевидно, что наличие правомочий по предъявлению косвенных исков в пользу конкурсной массы, т.е. в пользу должника, более соответствует корпоративными правоотношениям. Между тем, правоотношения, возникающие между должником и кредиторами, таковыми не являются, поскольку «корпоративные отношения – это гражданско-правовые отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, возникающие в связи с созданием и деятельностью юридического лица как отдельного субъекта права, отличающегося от своих учредителей, участников, членов органов управления, выгодоприобретателей (бенефициаров) или кредиторов»[1].

Кредиторы, в свою очередь, в большей степени являются конкурентами, что подразумевает кардинально иной характер взаимоотношений внутри гражданско-правового сообщества.

---

[1] Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. №3 (255). С.40.

Более того, банкротство возможно не только в отношении юридических лиц, при этом подавляющее большинство конкурсных правоотношений характерно как для банкротства физических лиц, так и для банкротства юридических лиц[1], что подразумевает невозможность установления корпоративной природы конкурсных правоотношений.

Итак, отношения, складывающиеся между лицами, участвующими в деле о банкротстве, в т.ч. и отношения, связанные с ответственностью, складываются в рамках особых конкурсных правоотношений.

Такие правоотношения неоднородны. Их возникновение связано с наступлением специфического юридического факта – возникновением признаков неплатежеспособности, а оформление происходит в связи с принятием заявления о банкротстве к производству арбитражного суда.

Можно сказать, что конкурсные правоотношения оформляют контекст конкурсной ответственности. Полагаем, что установление такого контекста позволяет рассмотреть саму категорию конкурсной ответственности.

2. Понятие конкурсной ответственности и её соотношение с другими видами ответственности

Категория конкурсной ответственности не является глубоко изученной в российской правовой науке.

На настоящий момент существует лишь одно исследование, посвященное указанной теме – диссертация А.А. Тарасенко «Ответственность в правоотношениях несостоятельности (банкротства):

[1] Например, для процедур реализации имущества и конкурсного производства одинаково свойственны реализация имущества на торгах, принятие решений на собраниях кредиторов, оспаривание сделок и др.

понятие и механизм правового регулирования»[1].

В рамках своей работы ученый также указывает на обоснованность выделения специальной категории, которая бы объединяла специальные свойственные только банкротству формы ответственности, предлагая термин «банкротная ответственность»[2].

В науке права подчеркивается, что, рассматривая вопрос о возможности и необходимости внедрения новых правовых категорий, необходимо первоначально проверить, соответствуют ли они следующим критериям:

а) новые категории отражают новые общие процессы, отношения и закономерности, возникающие в государственно-правовой действительности;

б) новые категории обоснованы, доказаны и проверены опытом;

в) новые категории по своим качественным особенностям и уровню обобщения могут быть включены в понятийный строй правовой теории[3].

Иными словами, при внедрении новой правовой категории применительно к ответственности необходимо провести своего рода «тест на необходимость».

Полагаем, что именно обусловленная практической потребностью необходимость введения новых категорий является первичным основанием для их разработки.

Применительно к ответственности, применяемой в делах о банкротстве, следует подчеркнуть, что наличие упомянутых конкурсных

---

[1] См.: Тарасенко А.А. Ответственность в правоотношениях несостоятельности (банкротства): понятие и механизм правового регулирования. дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. 214 с. // URL: https://dissovet.msu.ru/dissertation/3025 (дата последнего обращения: 24.05.2025).

[2] Используемый в рамках настоящей диссертации термин «конкурсная ответственность» сам по себе не противопоставляется термину «банкротная ответственность» и используется в связи с использованием категории конкурсного правоотношения.

[3] Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. С. 94.

правоотношений, характеризующихся сложностью и неоднородностью, а также известной динамикой развития, подразумевает возможность возникновения ситуаций, которые не прогнозировались законодателем, о чем свидетельствует ежедневно развивающаяся судебная практика.

Так, именно в рамках судебной практики зародились и развились новые формы ответственности, применяемой к лицам, участвующим в деле о банкротстве, например, субординация требований кредиторов или «кредиторские убытки»[1].

Такая динамика в первую очередь вытекает из экономической природы института несостоятельности[2], в связи с которой суды зачастую вынуждены искать не только правовой, но и экономический баланс интересов участников конкурсных правоотношений.

При этом порождаемые практикой новые правовые конструкции не всегда могут быть встроены в уже существующую систему ответственности.

Например, субординация требований кредиторов характеризуется сочетанием имущественного и неимущественного компонентов, что не в полной мере соответствует обычным представлениям об имущественной природе гражданско-правовой ответственности, а уже упомянутые кредиторские убытки сочетают в себе элементы явлений разного порядка, поскольку, являясь «убытками» (т.е. формой ответственности), реализуются по правилам, установленным для субсидиарной ответственности (т.е. вида ответственности).

Более того, даже закреплённые непосредственно в тексте закона формы ответственности не всегда укладываются в принятую в науке систематику, что подтверждается, например, особенностями такой формы ответственности как отстранение управляющего[3].

---

[1] Подробнее об указанных формах ответственности см. главы 2 и 3 настоящей диссертации.

[2] Карелина С.А. Экономическая сущность несостоятельности и правовая форма ее реализации // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 24 - 30.

[3] См.: Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 54-55.

Приведенные примеры являются далеко не единственными свидетельствами бессистемности ответственности, реализуемой в отношении лиц, участвующих в деле о банкротстве.

В свою очередь именно системность[1] и точность правовых категорий[2] представляются ценностью, стремление к достижению которой определяет специфику правовой науки.

Несмотря на общую рассогласованность ответственности лиц, участвующих в деле о банкротстве, полагаем, что их совместное участие в конкурсных правоотношениях, наличие общих оснований ответственности и единый процессуальный порядок реализации процедур банкротства (не свойственный иным отраслям и институтам) являются предпосылками для систематизации такой ответственности.

С учетом изложенного полагаем возможным обоснование выделения самостоятельного вида юридической ответственности – конкурсной ответственности.

Для целей настоящей диссертации нами предлагается использование именно термина «конкурсная ответственность» как в связи с большей точностью термина, так и в связи с семантическими особенностями и наличием устоявшихся языковых паттернов.

В первую очередь необходимо отметить, что предлагаемый термин охватывает собой не только ответственность, основанием которой является сама по себе несостоятельность (банкротство), но и ответственность, наступление которой становится возможным исключительно в связи с возбуждением дела о банкротстве.

При таком подходе очевидно преимущество предлагаемого термина над, например, термином «банкротная ответственность», предложенным А.А. Тарасенко, поскольку последний семантически привязан к состоянию

---

[1] Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. М.: Наука, 1969. С. 119-120.
[2] Халфина Р.О. Критерий истинности в правовой науке. Советское государство и право. 1974. № 9. С. 27.

несостоятельности (банкротству).

Однако ответственность, о которой идет речь в настоящей диссертации (как и в работах А.А. Тарасенко), возникает и реализуется не только ***после*** признания должника банкротом, но и на ***предшествующих стадиях*** (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление).

Изложенное также соответствует концепции ***конкурсного правоотношения*** как комплексного правоотношения, проходящего различные стадии.

В международной юридической терминологии также используются термины с корнем «конкурс» («concurs»). Например, как указывает М.И. Полшкова, «основной коллизионной привязкой для определения статута несостоятельности является ***lex fori concursus***, означающая применение права государства, в котором открыто производство по делу о несостоятельности»[1].

Отметим, что вся совокупность процедур, связанных с несостоятельностью, классически обозначалась как ***конкурсный процесс***[2], который, как отмечал Г.Ф. Шершеневич, выходит за рамки процедур банкротства (возникает раньше (и может быть прекращен мировым соглашением до) открытия конкурсного производства[3]).

Эта терминологическая традиция («конкурсное производство», «конкурсная масса», «конкурсный управляющий», «конкурсные кредиторы») прочно укоренилась в российской правовой доктрине и законодательстве.

На наш взгляд, термин «конкурсная ответственность» логично встраивается в эту устоявшуюся систему понятий, обозначая вид ответственности, специфичный именно для конкурсного процесса. В свою

---

[1] Полшкова М. И. Статут несостоятельности и lex fori concursus как основная коллизионная привязка // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №3 (79). С.180.

[2] Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. Москва : Статут, 2021. С.103.

[3] Там же. С. 103, 123.

очередь термин «банкротная ответственность» выпадает из этой системы, так как «банкротство» в современной терминологии – это лишь одна из возможных целей или один из результатов конкурсного процесса.

Ответственность, исследуемая в диссертации, может быть следствием нарушения норм, действующих в рамках процедуры (независимо от ее стадии и исхода). Нарушения могут быть совершены на стадиях, когда банкротство еще не наступило и, возможно, будет предотвращено. Поэтому, на наш взгляд, корректнее связывать эту ответственность не только с результатом (банкротством), но и с процедурой (конкурсом). Говорить об ответственности, возникающей в процессе, но называть ее по результату (который может и не наступить), на наш взгляд может быть семантически неточно.

При исследовании конкурсной ответственности следует принять во внимание известное сочетание частного и публичного начал института банкротства[1].

Применительно к гражданскому праву следует отметить тот факт, что гражданские правоотношения возникают между равноправными субъектами.

Как указывает ряд авторов, гражданско-правовая ответственность сама по себе является правоотношением. Такое правоотношение является охранительным[2] и возникает между правонарушителем и лицом, чьи права были нарушены. Например, Н.С. Малеин указывал, что правоотношение ответственности заключатся в наступлении негативных имущественных последствий для правонарушителя[3].

---

[1] См. напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 05.06.2023 № 30-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 35 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», статьи 42 и пункта 4 части 4 статьи 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Страховая компания «ТИТ» // Российская газета. 2022. № 133 (9078).

[2] Дудченко А.В. Гражданско-правовая ответственность по договорам перевозки груза и пассажира: дис. … канд. юрид. наук. М. 2016. С.30.

[3] Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. АН СССР. Ин-т государства и права. М., 1968. С.176.

При этом подобная позиция вызывает возражения в науке гражданского права.

Так, в доктрине отмечается, что правонарушение «запускает» охранительное гражданское правоотношение между потерпевшим и причинителем вреда. Между тем, указанное правоотношение само по себе не является ответственностью и призвано зафиксировать связь между должником и кредитором[1].

Уже в рамках возникшего правоотношения появляется возможность применения норм гражданского права, которые позволяют подчинить поведение субъектов правоотношения модели, предусмотренной законом. С такой точки зрения гражданское правоотношение является формой, в рамках которой возможна реализация механизмов гражданско-правовой ответственности.

Также в науке высказывалась позиция о том, что охранительное правоотношение ответственности существует и до совершения правонарушения в обезличенной форме, в «состоянии сна». Такое правоотношение «пробуждается» в связи с совершением правонарушения, которое является самостоятельным юридическим фактом, и становится «индивидуально-определённым», причём участниками такого правоотношения выступают не только должник и кредитор, но и государство[2].

Высказывается и похожая по содержанию концепция, в рамках которой существуют общие правоотношения, которые возникают в связи со вступлением в силу юридических норм, и конкретные, которые возникают в связи с совершением правонарушения[3]. Можно сказать, что правонарушение

---

[1] Захаров Д.Е. Гражданско-правовая ответственность как правоотношение. Государственная служба и кадры. 2019. №1. С. 63.

[2] Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности - 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: НОРМА, 2009. С. 31.

[3] Богданова М.С. Юридическая ответственность: основания, виды, субъекты. дисс. канд. юрид. наук. 1998. С. 10-11, 34.

является своего рода носителем информации о составе будущего конкретного правоотношения ответственности (объект, субъектный состав, содержание правоотношения)[1].

Под объектом правоотношения ответственности предлагается понимать «достижение целей конкретной её разновидности в конкретном единичном случае»[2].

Подобные правоотношения также именуются «статусными» и служат цели закрепления моделей «содержания и соотношения субъективных прав и обязанностей всех конкретных лиц (сколько бы их не было), выступающих в роли этих взаимосвязанных правовых статусов»[3].

В рамках изложенных представлений предлагается рассматривать два уровня правоотношений ответственности: первый уровень, закрепляющий общие или типовые правоотношения, и второй уровень, отражающий конкретные правоотношения, в которых определены все необходимые элементы гражданского правоотношения.

В науке высказывается обоснованная критика представленных позиций[4].

При этом есть основания полагать, что применительно к ответственности правоотношение «первого уровня» является ни чем иным, как моделью ответственности, т.е. некоторым массивом правового регулирования, заранее предусматривающего определённый порядок и особенности наступления ответственности для отдельных видов оснований ответственности и в связи с различными комбинациями субъектного состава потенциального правоотношения.

Такие модели не являются самостоятельными правоотношениями,

---

[1] Кузьмин И. А. Юридическая ответственность и ее реализация: учеб. пособие. Иркутск, 2013. С. 38-39.
[2] Кузьмин И. А. Указ. соч. С. 41.
[3] Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. Юридический центр Пресс. С-Пб. 2008. С. 48.
[4] Захаров Д.Е. Указ. соч. С. 64.

однако заранее предписывают содержание возможных правоотношений ответственности.

Полагаем, что в действительности гражданско-правовая ответственность реализуется в рамках единственного уровня правоотношений.

Правоотношение юридической ответственности в целом возникает в момент совершения правонарушения. Содержанием такого правоотношения выступает право (либо обязанность) уполномоченного правом субъекта принудить правонарушителя к претерпеванию неблагоприятных последствий, установленных законом, а также обязанность нарушителя претерпеть такие последствия[1].

Как уже было указано, правонарушение является юридическим фактом, образуемым из элементов его юридического состава.

В гражданском праве широко распространено представление о составе правонарушения. При этом нельзя не обратить внимание на вопрос о соотношении категорий правонарушения, состава правонарушения, оснований и условий ответственности.

На настоящий момент в юридической доктрине отсутствует единое мнение касательно того, что следует понимать под основанием ответственности.

Полагаем, что под основаниями ответственности в общем смысле следует понимать необходимые предпосылки, в связи с возникновением которых наступает ответственность.

В научной литературе выделяются несколько теорий, по-разному раскрывающих содержание категории оснований ответственности.

Как указывает О.О. Небратенко, наибольшее распространение получили теории, согласно которым основанием гражданско-правовой

---

[1] Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. Дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2004. С. 242.

ответственности надлежит считать а) нарушение субъективных гражданских прав, б) состав гражданского правонарушения, в) сам факт правонарушения либо, г) обстоятельства, при которых наступает гражданско-правовая ответственность[1].

Полагаем, что основанием для наступления юридической ответственности безусловно является правонарушение – общественно опасное виновное противоправное деяние деликтоспособного лица, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность[2]. Сам факт правонарушения, при правильном понимании указанного термина, в действительности идентичен составу правонарушения. В случае же, если понимать правонарушение как действие (бездействие), следует подчеркнуть невозможность его восприятия как основной предпосылки ответственности в отсутствие элемента противоправности.

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский отмечали чужеродность учения о составе гражданского правонарушения для цивилистической науки[3].

По мнению указанных авторов основанием гражданско-правовой ответственности является нарушение субъективных гражданских прав. Эта позиция обосновывается тем, что только в случае нарушения гражданского права возникает потребность в его восстановлении, а гражданско-правовая ответственность, в свою очередь, имеет своей направленностью восстановление нарушенного права.

Условиями же гражданско-правовой ответственности являются требования, предусмотренные законом, соответствие которым необходимо для применения ответственности.

Отметим, например, что один из известных базовых учебников

---

[1] Небратенко О.О. О моделях состава гражданского правонарушения. ЮП. 2009. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-modelyah-sostava-grazhdanskogo-pravonarusheniya (дата обращения: 15.04.2024).

[2] Липинский Д.А. Правонарушение как фактическое основание юридической ответственности // Право и политика. 2013, № 2. С. 208.

[3] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2007. С. 708-709.

гражданского права[1] вовсе не проводит границы между категориями основания ответственности и правонарушением, а также между условиями гражданско-правовой ответственности и элементами состава гражданского правонарушения.

В сущности, как указывают М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, нарушение субъективных гражданских прав является основанием гражданско-правовой ответственности, а противоправность, вред, вина и причинно-следственная связь являются условиями ответственности. Условия гражданско-правовой ответственности, таким образом, совпадают с тем, что понимается под составом гражданского правонарушения.

Гражданско-правовая ответственность действительно наступает в связи с нарушением гражданских прав некоего лица (или лиц), при этом факт нарушения прав устанавливается через наличие условий ответственности.

Таким образом, конкурсная ответственность, как и в целом гражданско-правовая ответственность наступает в связи с совершением субъектом ответственности правонарушения.

Устанавливая содержание категории конкурсной ответственности необходимо одновременно установить её место в системе гражданско-правовой ответственности.

Согласно Большому российскому энциклопедическому словарю, система – это множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённую целостность, единство[2]. Помимо прочих, система обладает признаками иерархичности[3] и взаимосвязанности элементов[4].

---

[1] Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть : учеб. для студентов вузов. Отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб и доп. М. : Волтерс Клувер. 2006. С. 597-610.

[2] Большой Российский энциклопедический словарь. // М.: БРЭ. 2003, С. 1437.

[3] Энгельгардт В. А. О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, узнавание. Вопросы философии. 1976. № 7. С. 65-81.

[4] Веригин А.Н., Незамаев Н.А., Королёва Л.А. Развитие общей теории систем. ЭВ. 2017. №3 (10). С. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-obschey-teorii-sistem (дата обращения: 17.04.2024).

Предлагается обоснованным понимание системы в праве как объективного объединения «по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования»[1].

Полагаем, что исключительно в рамках системного восприятия ответственности возможно оценить её воздействие на экономические и социальные отношения, поскольку различные виды ответственности как правило преследуют различные «точечные» задачи в рамках различных сфер общественной жизни, что в целом свойственно правовому регулированию.

Как верно отмечается в науке права, «система складывается из компонентов, взаимодействие которых порождает новые интегративные (системные) качества, не присущие её образующим»[2].

Полагаем, что указанные свойства характерны для систем разных уровней. Так, на уровне системы права в целом система юридической ответственности разделяется по функциональным признакам, характерным укрупнённым подсистемам, таким как частноправовая и публично-правовая.

Не вызывает сомнений, что ответственность в частном праве существенно отличается от ответственности, свойственной публичному праву в силу различного предмета правового регулирования и мер реагирования правопорядка на совершенное правонарушение.

В рамках частного права можно также выделить различные подсистемы ответственности, такие как трудовая, гражданско-правовая, юридическая ответственность в сфере предпринимательства и другие. Например, отдельные авторы выделяют такие разновидности ответственности как корпоративная в составе гражданско-правовой[3] или

---

[1] Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. С. 278.
[2] Афанасьев В.Т. Научное управление обществом (опыт системного исследования). М.: Политиздат, 1973. С. 7.
[3] Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. №3 (255). С. 43.

семейно-правовая[1].

Полагаем, что общая картина системы юридической ответственности будет разниться в зависимости от теоретической позиции, занимаемой тем или иным учёным касательно системы российского права и её деления на отрасли.

Тем не менее, ответственность, связанная с любой группой однородных отношений будет представлять собой системное образование.

Элементами системы юридической ответственности безусловно являются формы и виды ответственности.

Построение системы юридической ответственности, как представляется, правильно начинать отталкиваясь от того, что за одно правонарушение возможно привлечение лишь к одному виду юридической ответственности[2].

Факт того, что одно и то же событие может вызывать наступление различных видов ответственности, например, гражданско-правовую и уголовную, не опровергает приведённое выше утверждение.

В контексте частноправового исследования предлагается понимать под видом юридической (частноправовой) ответственности структурную единицу соответствующей системы ответственности, которая определяется правовой природой тех частноправовых правоотношений, в рамках которых возникают специфические основания ответственности.

В свою очередь под формами ответственности предлагается понимать специфические механизмы (способы) реализации конкретных видов ответственности. Указанное актуально как для частноправовой юридической ответственности, так и для ответственности в публичном праве.

---

[1] См., напр., Лопаткина А. С. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав: сравнительно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2009. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semeyno-pravovaya-otvetstvennost-i-ogranichenie-semeynyh-prav-sravnitelno-pravovoy-aspekt (дата обращения: 05.01.2025).

[2] Ягудина В.М. Система юридической ответственности // Юридический мир. 2009. № 10. С. 74.

Такое утверждение находит подтверждение и в доктрине. Например, профессор В.П. Грибанов среди форм гражданско-правовой ответственности выделял взыскание убытков, неустойки, утрату задатка и др.[1]

С учётом изложенного можно предположить, что и гражданско-правовая ответственность лиц, участвующих в делах о банкротстве (т.е. конкурсная ответственность), также находится в системной связи, объединяющей отдельные формы и виды.

Одновременно с этим считаем необходимым подчеркнуть, что доктрина российского гражданского права не характеризуется единообразием в применении указанной терминологии.

Так, одно то же правовое явление может быть рассмотрено как форма ответственности, как вид ответственности и как санкция (такая ситуация имеет место, например, в отношении принудительной ликвидации юридического лица – см. параграф 1 главы 3 настоящей диссертации).

Похожая ситуация складывается и в отношении убытков, взыскиваемых в рамках процедур банкротства: несмотря на уже упомянутую позицию В.П. Грибанова о том, что убытки являются разновидностью форм гражданско-правовой ответственности, в науке зачастую используется термин «вид»[2].

Отметим, что представление конкурсной ответственности в качестве системы приводит к необходимости поиска факторов, объединяющих различные формы и виды ответственности в рамках единой системы.

Такими факторами могут выступать общая функциональная направленность, единство правовой природы, общность субъектов ответственности и др.

При этом бесспорно, что основным фактором, образующим систему

---

[1] Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 3-е. М.: «Статут», 2022. С. 348.

[2] См. напр.: Ермилов В.Б. Виды гражданско-правовой ответственности лиц при банкротстве организаций // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 12А. С. 212.

юридической ответственности, является предмет правового регулирования, т.е. те общественные отношения, которые непосредственно испытывают воздействие юридической ответственности и складываются под ее влиянием.

Именно предмет правового регулирования является главным материальным признаком, определяющим все остальные системные свойства юридической ответственности.

В науке нашла отражение позиция, согласно которой предмет правового регулирования правоотношений конкурсной ответственности характеризуется направленностью «на достижение целей процедур в деле о банкротстве, возникающих в связи с совершением банкротного правонарушения».

Ранее отмечалось, что конкурсные правоотношения в целом складываются в целях наиболее полного удовлетворения требований кредиторов.

Именно исходя из такой направленности должна осуществляться консолидация отдельных форм и видов ответственности в рамках конкурсной ответственности.

Как уже было указано, под видами ответственности следует понимать структурные единицы системы ответственности, которые определяются правовой природой различных частноправовых правоотношений, в рамках которых возникают специфические основания ответственности.

Так, в науке гражданского права сложилось представление о том, что гражданские правоотношения могут складываться либо в связи с наличием договора, либо в связи с его отсутствием.

Соответственно, принято выделять ***два вида*** ответственности: договорную и внедоговорную.

Согласно позиции П.В. Грибанова, разграничение между договорной и внедоговорной ответственностью должно проводиться из-за различных оснований ответственности, форм ответственности, а также размера

ответственности[1].

Договорная ответственность возникает там, где имеет место договор. Она возникает в связи с нарушением обязательства, закреплённого в гражданско-правовом договоре. Таким образом, договорная ответственность возникает в связи с нарушением «обещания», данного правонарушителем в отношении конкретного лица или круга лиц.

Ключевой особенностью договорной ответственности является то, что правонарушения, за которые может наступать договорная ответственность, равно как и размер ответственности, могут устанавливаться сторонами договора, даже если закон не предусматривает санкции за такие правонарушения.

Внедоговорная ответственность является ответственностью, возникающей в силу закона.

Наступление указанного вида ответственности не должно быть связано с нарушением договорных обязательств (за исключением правил, предусмотренных ст. 1084 ГК РФ), при этом внедоговорная ответственность наступает в связи с причинением вреда. В большей части внедоговорная ответственность реализуется в рамках деликтной ответственности, т.е. ответственности, наступающей вследствие причинения вреда (деликта), которая нашла закрепление в нормах главы 59 ГК РФ.

В правовой науке выработано несколько моделей деликтной ответственности, основными из которых являются принцип генерального деликта, принцип специальных деликтов и смешанная модель.

Принцип генерального деликта – это одно из базовых начал гражданского законодательства, определяющее ключевые особенности возмещения причинённого вреда и полноту судейского усмотрения в вопросах возмещения ответственности.

Так, в учебнике по гражданскому праву под редакцией Е.А. Суханова

[1] Грибанов В.П. Указ. соч. С. 347.

указано следующее: «Законом определены общие условия ответственности за причиненный вред, которые входят в содержание понятия «генеральный деликт». К числу этих условий относятся: противоправность поведения причинителя вреда; причинная связь между его противоправным поведением и вредом; вина»[1].

Практика Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ также стоит на позиции о генеральном деликте, хотя в определениях Верховного Суда РФ такой термин не употребляется[2].

С другой стороны, ряд учёных обращают внимание на смешанный характер деликтного права России.

Например, Э.А. Евстигнеев указывает, что глава 59 ГК РФ содержит достаточно большой и многоступенчатый массив регулирования, не свойственный странам, исповедующим классический принцип генерального деликта (в качестве примера, как правило, приводится только Франция)[3].

Подобное регулирование, по мнению ученого, связанно со стремлением законодателя перераспределить бремя определения перечня случаев, когда причиненный вред должен быть компенсирован, на самого законодателя, и ограничить судебное усмотрение.

Смешанный характер модели возмещения вреда в России подчёркивается также через то, что обычно среди условий возмещения вреда выделяется противоправность как самостоятельный элемент[4]. Т.е. имеется в виду, что не любой вред признаётся противоправным сам по себе, но становится таковым в связи с нарушением какой-либо предусмотренной

---

[1] Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. С. 1080.

[2] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.09.2022 № 309-ЭС22-3855 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2010 № 4515/10 по делу № А38-2401/2008 // СПС «Консультант Плюс».

[3] Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 5. С. 72.

[4] Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 5. С. 73.

законом обязанности. Изложенная ситуация более свойственна модели специального деликта. С указанной позицией следует согласиться[1].

Между тем, законодатель не отвергает и возможность закрепления особых случаев гражданских правонарушений и внедрения особого правового регулирования особенностей ответственности, наступающей в связи с этими случаями, что в целом соответствует представлениям о специальном деликте.

Деликтные обязательства могут быть классифицированы по различным основаниям, между тем такие классификации не позволяют выстроить стройную систему специальных деликтов, поскольку не отражают наиболее существенные черты данных обязательств[2].

В подавляющем большинстве случаев в науке не проводится разграничения между внедоговорной и деликтной ответственностью.

Однако, подобный подход представляется неверным. Например, Е.А. Суханов указывает, что понятие внедоговорной ответственности существенно шире деликтной и включает в себя не только деликтную ответственность, но и вообще любую ответственность, возникающую в силу закона[3].

Примерами неделиктной внедоговорной ответственности могут служить, например, ответственность, наступающая вследствие невозвращения неосновательного обогащения.

Как указывается в науке права, деление на договорную и деликтную ответственность обусловлено таким основанием ответственности как

---

[1] Яковенко А.А. Модели ответственности конкурсных кредиторов за вред, причиненный в процедурах банкротства // Вестник арбитражной практики. 2024. №2 (111). С. 51.

[2] Шевченко А.С. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие / Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. – М.: Статут, 2013. С. 9 // СПС «Консультант Плюс».

[3] Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть : учеб. для студентов вузов. Отв. ред. – Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер. 2006. С. 592.

характер противоправного поведения[1].

Договорная ответственность наступает при нарушении относительных прав и обязанностей, поскольку именно таковыми являются права сторон по договору.

Деликтная ответственность наступает в связи с нарушением абсолютных прав, поскольку деликт имеет место в тех случаях, когда стороны правоотношения ответственности изначально не были сторонами иного правоотношения. При деликтной ответственности происходит ситуация, когда некое третье лицо вторгается в имущественную сферу пострадавшего лица, тем самым нарушая обязанность не причинять вред любому лицу.

Подход к разграничению видов гражданско-правовой ответственности на договорную и внедоговорную в российском праве сложился ещё в советский период и нашел своё отражение в работах таких известных учёных как П.В. Грибанов и О.А. Красавчиков.

Однако следует отметить, что советское гражданское право в сравнении с современным российским гражданским правом отличалось существенной простотой, обусловленной экономическим строем, при котором отсутствовала потребность в множестве институтов, в связи с чем эти институты находились в «замороженном» состоянии или вовсе отсутствовали в правовом поле.

Среди таких институтов можно упомянуть институт банкротства, институты корпоративного права, интеллектуальных прав и т.п.

Между тем, в связи с развитием гражданского права, которое происходило под влиянием различных, зачастую полярных позиций, а также при заимствовании институтов из неродственных правовых систем, стали возникать ситуации, когда определение той или иной формы ответственности

[1] Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. №3 (255). С.44.

стало затруднительным.

Наиболее наглядно указанная ситуация проявилась в корпоративном праве.

Дискуссия об ответственности в корпоративных правоотношениях тесно связана с дискуссией о том, какие правоотношения имеют место быть при реализации корпоративных прав.

Как отмечается в науке, первопричиной необходимости выделения самостоятельной корпоративной ответственности являются противоречия, возникающие при смешении специальных форм ответственности, закреплённых корпоративным законодательством, и деликтной ответственности.

Более того, отмечается, что корпоративные правоотношения являются относительными. Соответственно, нарушение корпоративных прав и обязанностей является нарушением относительных прав и обязанностей, что противоречит природе деликтной ответственности[1].

Помимо этого, выделение самостоятельной корпоративной ответственности обусловлено «принципом отделения», подразумевающим самостоятельное правосуществование юридического лица в отрыве от его участников, кредиторов и иных лиц.

Таким образом, при обосновании существования корпоративной ответственности, важным критерием является особый субъектный состав относительного правоотношения, в рамках которого было совершено правонарушение, самостоятельное существование такого правоотношения, а также специфические основания ответственности.

Проф. О.В. Гутников также усматривает основания для введения категории «квазикорпоративной ответственности», под которой понимается ответственность третьих лиц, не являющихся участниками корпоративных

[1] Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. №3 (255). С. 44.

правоотношений по обязательствам юридического лица, которая установлена законом или уставом[1].

Полагаем правильным согласиться с изложенной позицией.

В отношениях, осложнённых информационным дисбалансом, а также существенной долей фидуциарности, коими являются корпоративные правоотношения, практически всегда возникают сложности в процессе доказывания фактических обстоятельств и причинно-следственной связи, что вызывает потребность в изменении стандартов доказывания и введения доказательственных презумпций. Наступление такой ответственности должно быть обусловлено специальным регулированием корпоративного законодательства.

При этом отметим, что на настоящий момент указанный подход не нашел широкого распространения в науке.

Среди учёных, отрицающих самостоятельность корпоративной ответственности также не достигнуто консенсуса по вопросу о природе ответственности, вытекающей из корпоративных правоотношений. Например, отсутствует единый подход к разграничению деликтной и договорной ответственности за нарушение корпоративных прав и обязанностей.

Среди форм корпоративной ответственности в науке выделяется, например, проникающая ответственность[2].

Рассматривая вопрос о видах гражданско-правовой ответственности необходимо обратиться к правовому регулированию в зарубежных странах.

Во Франции обязательства традиционно подразделяются на договорные (contrat) и деликтные (délit), к которым также присоединяются

---

[1] Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. №3 (255). С. 44.

[2] Быканов Д.Д. Проникающая ответственность в зарубежном и российском корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М. 2018. С. 13-14.

квази-договорные (quasi-contrat) и квази-деликтные (quasi-délit)[1].

В германском праве отношения ответственности типизируют с четырех ракурсов (обязательственные отношения в узком смысле): из обязательственных договоров (obligatorische Verträge), из неосновательного обогащения (ungerechtfertigte Bereicherung), из недозволенных действий (unerlaubte Handlungen) и из виновного нарушения обязанностей (Pflichtverletzungen). Те обязательственные отношения, которые не удается уложить в эту классификацию, «получают в ней место посредством присоединения к одному из перечисленных типов»[2].

В общем праве, с учётом известных особенностей, отсутствует столь жесткая классификация обязательственных отношений. Между тем, в рамках правоприменения как правило разграничиваются договорная и деликтная ответственность. Сразу же следует отметить, что в отличие от французского немецкого и российского подходов, наука права Великобритании и США не рассматривает самостоятельной правосубъектности юридического лица, именую его nexus of contracts, т.е. связкой договоров, которая выражает волю в обороте через директоров. В этом ключе в странах общего права ни о какой корпоративной ответственности не может идти и речи.

Как указывается в литературе, в странах общего права «договорная ответственность – это ответственность за вред, который возник из-за несовершения должного (nonfeasance). Внедоговорная (деликтная) ответственность, напротив, предполагает ответственность за вред, возникший вследствие совершения недолжного»[3].

---

[1] Морандьер Л.Ж. Гражданское право Франции. Пер. с франц. и вступит. статья Е.А. Флейшиц. М., 1958. С. 113-114. *цит. по*: Быканов Д.Д. Проникающая ответственность в зарубежном и российском корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М. 2018. С. 60.

[2] Шапп Я. Система германского гражданского права: учебник / Пер. с нем. С.В. Королева. М., 2006. С. 82-83. *цит. по*: Быканов Д.Д. Проникающая ответственность в зарубежном и российском корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М. 2018. С. 61.

[3] Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: Учебное пособие / отв. ред. д.ю.н. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. С. 198.

При этом и английскому праву известны квази-деликты[1].

Можно заметить, что ни одна из приведённых правовых систем не выделяет корпоративную ответственность среди видов гражданско-правовой ответственности.

Однако заметим, что каждому из приведённых правопорядков свойственно выделение более чем двух видов ответственности. Различные основания ответственности конкурсной или корпоративной природы, не укладывающиеся в понимание деликта, могут быть отнесены, например, к квази-деликтам и т.д.

При этом принятая в российской правовой науке дихотомия договорной и внедоговорной (в понимании деликтной) ответственности не позволяет совершить аналогичную мыслительную операцию, вынуждая исследователей и правоприменителей к самоограничению.

Полагаем, что с учётом того, что подобный подход формировался ещё в советский период, его можно признать устаревшим. Развитие гражданского права обуславливает необходимость совершенствования и отдельных его институтов.

На наш взгляд, одним из путей совершенствования института гражданско-правовой ответственности должен являться путь углубления и дифференциации ответственности в различных сферах гражданско-правового регулирования.

В этом смысле выделение и обособление других видов гражданско-правовой ответственности, таких как корпоративная ответственность, будет способствовать укреплению стабильности и предсказуемости правового регулирования, а также развитию судебной практики.

При этом следует заметить, что внедоговорная ответственность в таком контексте является не самостоятельным видом гражданско-правовой

---

[1] Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: Учебное пособие / отв. ред. д.ю.н. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. С. 113.

ответственности, а группой видов, объединяющей виды ответственности по признаку оснований её возникновения.

Таким образом полагаем, что система гражданско-правовой ответственности может включать в себя, помимо договорной и деликтной ответственности, конкурсную ответственность в той же степени, что и корпоративную.

Как указывает О.В. Гутников, выделение внутриотраслевых видов ответственности происходит в зависимости от «видов противоправного поведения, по объекту нарушения, по мерам ответственности (санкциям), по субъектам, по субъективному основанию ответственности (виновная или независимо от вины, по формам вины)»[1].

Заметим, что ответственность, реализуемая в рамках дел о банкротстве и в отношении субъектов конкурсных отношений, может быть как публично-правовой, так и иметь частноправовую природу. Так, например, ответственность арбитражного управляющего за причинение вреда конкурсной массе не обязательно ограничивается взысканием убытков, но и может повлечь за собой наступление административной ответственности по ст. 14.13 КоАП РФ (далее – «КоАП РФ»)[2], предусматривающей ответственность только для случаев банкротства. Более того, в рамках дела о банкротстве может быть реализован и корпоративно-правовой иск о взыскании убытков, о чем будет подробнее сказано в главе 2 настоящего исследования.

Несмотря на неоднородность реализуемой в рамках процедур банкротства ответственности, сам по себе факт введения одной из процедур банкротства неизбежно оставляет специфический отпечаток на основаниях или механизме ответственности.

---

[1] Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. №3 (255). С. 43.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). ст. 1.

Например, привлечение арбитражного управляющего или контролирующих должника лиц (далее также – «КДЛ») к специальной административной или уголовной ответственности за специфические правонарушения, ответственность за которые предусмотрена ст. 14.13 КоАП РФ или ст. ст. 195-197 Уголовного кодекса РФ[1], неизбежно подразумевает необходимость для правоприменителя исследовать специфическое регулирование конкурсного законодательства (для установления фактов его нарушения), а также содержание закреплённых в законодательстве о банкротстве правовых категорий (например, неплатёжеспособность и др.).

Другим примером воздействия конкурсно-правовой специфики на отдельные формы и виды ответственности выступает особая процессуальная форма реализации корпоративной ответственности в форме взыскания убытков. Так, при взыскании корпоративных убытков уже после открытия в отношении должника процедуры конкурсного производства изменяются правила о подсудности и состав лиц, участвующих в деле.

Однако основной признак, объединяющий различные по природе формы и виды ответственности, реализуемые в рамках процедур банкротства – это фактическое внедрение в правоотношения ответственности повышенного значения защищаемого интереса конкурсных кредиторов – лиц, которые формально не являются потерпевшими от соответствующего правонарушения.

Так, кредиторы должника приобретают права, связанные с инициированием судебных разбирательств, опосредующих наступление такой ответственности, а также наделяются правом на обращение жалобами в юрисдикционные органы (например, применительно к процессуальной/административной ответственности).

Более того, субъектами конкурсной ответственности также выступают

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [в ред. от 24.09.2022] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25.

исключительно субъекты конкурсных правоотношений.

Однако нельзя не отметить основное на наш взгляд исключение.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 №41-П[1], Закон о банкротстве не устанавливает момента, в который должна быть прекращена хозяйственная деятельность должника.

Напротив, складывающаяся судебная практика зачастую свидетельствует о необходимости продолжения такой деятельности, например, для защиты социальных интересов, обеспечения сохранности имущества должника или получения прибыли и пополнения конкурсной массы. В свою очередь, продолжение хозяйственной деятельности должника предполагает его интегрированность в различные правоотношения, включая гражданские, связанные с заключением договоров, налоговые, трудовые, административные и т.д., а следовательно, и возможность наступления соответствующей ответственности.

Полагаем, что отсутствуют основания относить вытекающую из продолжающейся хозяйственной деятельности ответственность к конкурсной ответственности.

Такая ответственность (например, административная ответственность должника и управляющего как единоличного исполнительного органа должника за несоблюдение экологических норм, налоговая ответственность за просрочку по сдаче отчетности и т.д.) не имеет каких-либо определяющих особенностей. Привлечение к такого рода ответственности должника или управляющего в судебном порядке не встроено в дело о банкротстве и реализуется в общем порядке. Наступление такой ответственности не обусловлено спецификой конкурсных правоотношений.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 41-П «По делу о проверке конституционности подпункта 15 пункта 2 статьи 146 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Центрального округа» // Российская газета. №295 (8053).

Необходимо отметить, что наиболее близкой к исследуемой категории является предложенная А.А. Тарасенко «банкротная ответственность»[1], под которой предлагается понимать «урегулированную нормами Закона о банкротстве имущественную ответственность и специальную ответственность, предусмотренную исключительно нормами Закона о банкротстве».

Система ответственности, предлагаемая А.А. Тарасенко, включает в себя «имущественную», «специальную» и «иную» ответственность, среди которых предлагается выделять «дисциплинарную ответственность арбитражных управляющих, устанавливаемую внутренними документами саморегулируемой организации; уголовно-правовую и административную ответственность»[2].

При этом рассматриваемая ученым «банкротная ответственность» не объемлет реализуемую в рамках процедур банкротства «имущественную ответственность, предусмотренную общими нормами ГК РФ».

На наш взгляд указанный подход является лишь отчасти верным, поскольку, как будет подробнее сказано в рамках главы 2 настоящей диссертации, на настоящий момент существуют виды и формы конкурсной ответственности, не нашедшие непосредственного закрепления в тексте Закона о банкротстве, в связи с чем реализуемые в судебной практике на основании общих норм ГК РФ. Соответственно, предлагаемый в рамках настоящей диссертации подход к понимаю конкурсной ответственности предполагает возможность включения отдельных видов и форм ответственности, реализуемой на основании общих норм ГК РФ, в её систему.

Под конкурсной ответственностью предлагается понимать исключительно гражданско-правовую ответственность, наступление которой

---

[1] Тарасенко А.А. Указ. соч. С.13-14.
[2] Тарасенко А.А. Указ. соч. С.13-14.

становится возможным исключительно в связи с возникновением конкурсного правоотношения.

Такая ответственность объединяет ряд форм в рамках единой системы, поскольку имеет единый, отличный от других видов ответственности предмет регулирования.

Первоначально заметим, что объектом нарушения прав при применении конкурсной ответственности являются права кредиторов. Фактически происходит ситуация, при которой вред причиняется лицу, не являющемуся главным интересантом в восстановлении своего имущественного положения. Более того, «людской субстрат» юридического лица[1] или сам гражданин-должник могут всячески препятствовать эффективной реализации механизмов конкурсной ответственности.

Поэтому основной особенностью конкурсной ответственности является её специфическая направленность: главной функцией конкурсной ответственности является пополнение конкурсной массы для погашения требований кредиторов несостоятельного должника.

Сама возможность привлечения к конкурсной ответственности находится в зависимости от возникновения признаков банкротства и признания лица банкротом в установленном законом порядке, что является одним из общих условий конкурсной ответственности.

Объектом нарушенных прав в конечном счете будут являться не права формально потерпевшего лица – несостоятельного должника, а права и законные интересы его кредиторов.

Как уже указывалось ранее, деление видов гражданско-правовой ответственности на договорную и деликтную не отражает развития отечественного права за последние три десятилетия.

Формирование института банкротства (равно как и корпоративного

[1] Касательно содержания термина «людской субстрат юридического лица» см.: Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. 2-е изд. Москва : Статут,. 2020. С. 295-296.

права) в современном российском праве началось существенно позднее разработки концепции дихотомии гражданско-правовой ответственности.

В результате на настоящий момент существуют различные формы ответственности, которые невозможно отнести ни к договорной ответственности, ни к деликтной. Среди таких форм ответственности можно выделить, например, принудительную ликвидацию, исключение участника из общества, отказ в защите права (эстоппель), введение процедур банкротства, субординация требований аффилированных кредиторов и др.

По своей природе указанные формы ответственности являются лишением или ограничением гражданских прав правонарушителя, при этом они не реализуют в полной мере компенсаторную природу деликта и не всегда связаны с причинением имущественного вреда.

Из приведённых форм в фокус рассмотрения настоящей диссертации предлагается поместить введение процедур банкротства как самостоятельную форму ответственности и субординацию требований аффилированных кредиторов.

В рамках обособленной конкурсной ответственности представляется возможной более глубокая разработка специфических для данного вида ответственности принципов и правил, при этом (так или иначе) общих для большинства форм конкурсной ответственности, которые бы в полной мере отражали цели и специфику института банкротства.

Это помогло бы улучшить правоприменительную практику в ситуациях, аналогичных той, что возникла, например, когда появилась потребность в выработке механизма привлечения к ответственности конкурсных кредиторов[1].

Существование конкурсной ответственности обусловлено в первую очередь наличием регулятивных имущественных конкурсных

[1] Подробнее об ответственности конкурсных кредиторов см. главу 2 настоящей диссертации.

правоотношений, из которых вытекают охранительные конкурсные правоотношения. Каждый вид ответственности вытекает из своего регулятивного правоотношения и реализуется в своём охранительном правоотношении.

При этом важно подчеркнуть, что собственно конкурсная ответственность не является разновидностью договорной, деликтной или корпоративной ответственности. Соотношение конкурсной ответственности с указанными видами представляет одну из возможных проблем.

Полагаем обоснованным считать, что действующее конкурсное законодательство и соответствующая судебная практика предусматривают широкий спектр общих оснований и условий конкурсной ответственности.

Тот факт, что закон при применении тех или иных форм ответственности отсылает к общей части гражданского кодекса, не нивелирует самостоятельности конкурсной ответственности.

Напротив, содержание нормы, «заполняющей» пробелы в бланкетной или отсылочной нормах, становится содержанием этой бланкетной или отсылочной нормы.

По сути отсылка Закона о банкротстве к общей части ГК РФ представляет собой ни что иное, как приём юридической техники, направленный на сокращение объёма текста закона. Более того, как было подчёркнуто ранее, конкурсная ответственность является разновидностью гражданско-правовой ответственности.

На наш взгляд, конкурсная ответственность не является разновидностью относительно договорной или деликтной ответственности (в её общегражданском понимании).

Если договорная ответственность наступает в целом за любое нарушение договорных прав, а деликтная – за любое причинение вреда личности или имуществу ***и действует принцип генералитета*** (любое нарушение договора или причинение любого вреда влечет ответственность), то применительно к конкурсной ответственности, напротив, должен

действовать принцип специалитета (ответственность наступает только за те нарушения, на тех основаниях и на тех условиях, которые характерны конкурсной ответственности и отражены в законе).

Применение принципа специалитета позволит, в первую очередь, обеспечить недопустимость конкуренции исков и применение общих норм исключительно при отсутствии специального регулирования. Этот принцип вытекает из императивности норм конкурсного законодательства.

Если же установить, что в отношении оснований конкурсной ответственности действует принцип «генерального деликта», т.е. любое противоправное поведение в конкурсных отношениях влечет обязанность возмещать убытки, это может привести к подмене публично-правовой ответственности гражданско-правовой, произвольному взысканию гражданско-правовых санкций за нарушение публичных запретов при отсутствии нарушения субъективного гражданского права, что чревато массовыми нарушениями прав и интересов участников конкурсных отношений, сутяжничеством и злоупотреблением правами.

Отметим, что как неоднократно высказывались высшие судебные инстанции, институт банкротства обладает существенной публично-правовой направленностью[1]. Сложно переоценить количество публично-правовых норм, содержащихся в законе о банкротстве (как минимум, процессуальных).

Также заметим, что большинство форм конкурсной ответственности может быть реализовано в связи с косвенными исками. Так, например, заявления о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, взыскание убытков с арбитражных управляющих, КДЛ и

[1] См. напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 05.06.2023 № 30-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 35 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», статьи 42 и пункта 4 части 4 статьи 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Страховая компания «ТИТ» // Российская газета. 2022. № 133 (9078).

кредиторов или оспаривание сделок могут быть, в связи с прямым указанием закона, поданы конкурсными кредиторами.

При этом, как отмечает Гутников О.В., «деликтное право не предусматривает конструкции «косвенного» иска»[1], в связи с чем возникают сомнения в деликтной природе, например, субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

Наконец, особенности конкурсной ответственности можно усмотреть в характере неблагоприятных последствий нарушений и в корреспондирующих им мерах ответственности (санкциях). Такие неблагоприятные последствия обладают известной спецификой и помимо взыскания убытков, как основной формы реализации конкурсной ответственности, могут выражаться в понижении очерёдности удовлетворения требований аффилированного кредитора либо отказе в признании требований такого кредитора обоснованными, взыскании финансовых санкций (например, в виде мораторных процентов), отстранении арбитражного управляющего, признании недействительными решений собрания кредиторов и др. Нельзя забывать и о введении процедур банкротства в целом как самостоятельного вида конкурсной ответственности[2].

Такая ответственность проистекает из особого конкурсного правонарушения, направленного на причинение вреда правам кредиторов должника.

Конкурсная ответственность весьма разнообразна и включает в себя как самые распространённые, так и специфические формы ответственности.

В первую очередь следует отметить, что гражданско-правовая

---

[1] Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. №3 (255). С.43.

[2] Агеев А.Б. Банкротство в гражданском праве. Проблемы теории. Дис. … канд. юрид. Наук, М., 2001. С. 6, 37; Медведев Д.А. Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия. Дис. канд. юрид. наук. СПб. 1990. С. 192.

ответственность в банкротстве реализуется на тех же базовых началах, что и любая другая гражданско-правовая ответственность. Об этом могут свидетельствовать, например, неоднократные указания ВС РФ на субсидиарное применение к нормам о различных видах ответственности в банкротстве общих положений ГК РФ (например, п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»[1] (далее также – «Постановление №53»), указывающий на применимость общих положений глав 25 и 59 ГК РФ к институту субсидиарной ответственности в банкротстве).

Соответственно, к конкурсной ответственности применима сложившаяся в науке гражданского права позиция, согласно которой субъектом гражданско-правовой ответственности выступает правонарушитель[2].

При этом конкурсная ответственность имеет куда менее общую направленность, что обусловлено особой функциональностью института банкротства.

Полагаем, что определение субъектного состава конкурсных правоотношений и конкурсной ответственности требует установления целей института банкротства и выявления лиц, на защиту прав которых направлены охранительные конкурсные правоотношения.

Цели или назначение института банкротства в науке рассматриваются по-разному. Например, Р.В. Рубцова указывает, что в результате проведения процедур банкротства «имущество несостоятельного должника превращается в деньги и распределяется между кредиторами в зависимости

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. 2017. № 297.

[2] Вопленко Н. Н. Понятие, основные признаки и виды правонарушения // Legal Concept. 2005. №7. С. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-osnovnye-priznaki-i-vidy-pravonarusheniya (дата обращения: 05.01.2025).

от размера их требований»[1].

Н.К. Дергачева указывает, что целями конкурсного права в целом является, во-первых, удовлетворение требований кредиторов, во-вторых, преодоление имущественного кризиса организации, т.е. её реабилитация[2].

Большинство авторов указывает, что в российском праве основной целью банкротства является соразмерное удовлетворение требований кредиторов[3].

Соответственно, любые механизмы, реализуемые в рамках процедур банкротства, в том числе механизмы ответственности, так или иначе должны быть направлены на достижение указанной цели – удовлетворение требований кредиторов.

Между тем, следует подчеркнуть, что признанный банкротом должник находится в двойственном правовом положении. С одной стороны, должник был признан судом банкротом, его права существенным образом ограничены, органы управления отстранены (либо их полномочия ограничены) и т.д. С другой стороны, должник может продолжать выступать в гражданском обороте как самостоятельный субъект.

В связи с этим у должника могут возникать новые кредиторы, обязательства перед которыми в силу прямого указания закона признаются текущими.

Важно подчеркнуть, что такие кредиторы не становятся лицами, участвующими в деле о банкротстве и не приобретают статуса конкурсных кредиторов.

Между тем, непогашение требований перед текущими кредиторами

---

[1] Рубцова Н.В. Процедуры банкротства юридических лиц. Дис. … канд. юрид. наук. 12.00.03. Екатеринбург, 2003. С. 26.

[2] Дергачева Н.К. Банкротство в системе методов реформирования предприятий: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1999. С. 4.

[3] Попондопуло В.Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебное пособие. М.: Юристъ, 2001. С. 16.; Самигулина, А. В. Назначение и цели процедур несостоятельности (банкротства) юридических лиц // Право и экономика. 2023. № 3(421). С. 41.

создаёт невозможность начала погашения требований реестровых кредиторов[1], однако наличие непогашенных текущих требований при полном погашении реестра требований кредиторов не препятствует прекращению процедуры конкурсного производства[2].

В связи с этим полагаем, что погашение требований кредиторов по текущим обязательствам также является целью процедур банкротства.

Исходя из изложенного, считаем важным заметить, что ответственность в банкротстве имеет несколько иную функциональную направленность, относительно гражданско-правовой ответственности в целом.

Так, ответственность лиц, участвующих в деле о банкротстве, исходя из целей института банкротства, направлена на удовлетворение требований кредиторов. Соответственно, например, при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, основной целью применения ответственности является не восстановление нарушенного права должника, а погашение требований кредиторов.

При этом не приходится говорить о принципиально ином содержании функций ответственности в банкротстве, поскольку погашение требований кредиторов может привести к восстановлению платёжеспособности должника.

Однако, приоритет интересов в рамках конкурсной ответственности всё же отдаётся кредиторам должника.

В соответствии со ст. 34 Закона о банкротстве лицами, участвующими в деле о банкротстве, признаются сам должник, арбитражный управляющий, конкурсные кредиторы, уполномоченные органы, федеральные органы исполнительной власти, а также органы исполнительной власти субъектов

---

[1] Что следует из ст. 134 Закона о банкротстве.

[2] См., напр., п. 11 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 8.

Российской Федерации и органы местного самоуправления по месту нахождения должника в случаях, предусмотренных Законом о банкротстве.

Помимо ст. 34 Закона о банкротстве, перечень лиц, участвующих в деле дополняется следующими: лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности (ст. 61.15), представитель собственника унитарного предприятия или участников должника (ст. 126), орган местного самоуправления при банкротстве градообразующей организации (ст. 170), Банк России при банкротстве кредитной организации (ст. 189.59), федеральный орган исполнительной власти, обеспечивающий отраслевое регулирование при банкротстве стратегической организации (ст. 192), федеральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в отношении субъекта естественных монополий (ст. 198), участники строительства, имеющие права о передаче помещений и машино-мест, орган власти субъекта, осуществляющий контроль в сфере долевого строительства, публично-правовая компания «Фонд развития территорий» (ст. 201.2), наследники умершего должника-гражданина (ст. 223.1), представитель владельцев облигаций специализированного общества или депозитарий, осуществляющий учёт облигаций (ст. 230.2).

Каждое из указанных лиц потенциально может быть привлечено к ответственности в случае причинения вреда должнику или злоупотребления соответствующими правами.

Отметим, что потенциальная возможность привлечения к ответственности тем выше, чем выше влияние лица на действия должника.

По такому критерию можно выделить несколько типичных форм конкурсной ответственности по субъектному критерию. Во-первых, это ответственность арбитражных управляющих за убытки, причинённые при исполнении соответствующих полномочий. Во-вторых, это ответственность контролирующих должника лиц, отвечающих за вред, причинённый должнику. В-третьих, это ответственность кредиторов должника, которая может выражаться как посредством возложения имущественных санкций,

так и через ограничение их прав.

Следует отметить, что названные примеры ответственности не оспариваются как формы и виды ответственности по своей правовой природе.

Можно выделить и такие формы и виды ответственности лиц, участвующих в деле о банкротстве, выделение которых в качестве таковых ещё не изучено в российской юридической науке: например, введение процедур банкротства в отношении имущества несостоятельного должника и его принудительная ликвидация как самостоятельный вид ответственности должника-банкрота[1].

Таким образом, перечень потенциальных субъектов конкурсных отношений и конкурсной ответственности является весьма широким.

Важно подчеркнуть, что лицом, в пользу которого происходит взыскание, т.е. непосредственно потерпевшим лицом, в большинстве случаев будет являться сам должник вне зависимости от того, кто являлся процессуальным истцом, поскольку в результате совершения правонарушения уменьшается имущественная масса должника (или увеличивается объём его обязательств), что характерно для типичных форм и видов конкурсной ответственности (о которых подробнее будет сказано далее). В таком случае нарушение прав кредиторов должника происходит косвенно, в связи с уменьшением пропорции распределения конкурсной массы. Однако применительно к нетипичным формам и видам ответственности заметим, что потерпевшими лицами могут являться и конкурсные кредиторы.

Более того заметим, что должник и кредиторы в какой-то степени представляют собой единое образование (гражданско-правовое сообщество), поскольку арбитражный управляющий, как указал Верховный Суд РФ,

---

[1] Медведев Д.А. Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия. дис. канд. юрид. наук. СПб. 1990. С. 192.

является представителем не только должника, но и гражданско-правового сообщества кредиторов[1].

В целом, правоотношения, возникающие в связи с возбуждением дел о банкротстве (а не только правоотношения ответственности), характеризуются тем, что неотъемлемым их участником является должник по делу о банкротстве.

Так, правоотношения, складывающиеся по поводу принятия решений собранием кредиторов, реализации имущества должника, назначения и отстранения конкурсного управляющего и др. затрагивают должника, всегда происходят с участием должника и в отношении должника.

Также и любые механизмы пополнения конкурсной массы реализуются в рамках правоотношений с участием должника, поскольку любое имущество, возвращённое в связи с оспариванием сделок или взысканное в порядке субсидиарной ответственности или иным образом, поступает в конкурсную массу должника, которая является имущественной массой именно должника.

Исходя из изложенного можно сделать вывод о том, что по общему правилу субъектами конкурсных правоотношений являются;

- должник, выступающий участником каждого из возможных конкурсных правоотношений, в т.ч. правоотношений ответственности;

- арбитражный управляющий, выступающий участником большинства конкурсных правоотношений, за исключением конкурсных правоотношений, возникающих до введения процедуры наблюдения и после завершения последней процедуры банкротства;

- конкурсные кредиторы[2] как по отдельности (например, в рамках

---

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.08.2020 № 305-ЭС19-17553 по делу № А40-64173/2017 // СПС «Консультант Плюс».

[2] А также уполномоченный орган; далее по тексту понятием «конкурсный кредитор» предлагается охватывать и категорию «уполномоченный орган» при отсутствии необходимости в обратном.

конкурсных отношений, связанных с реализацией прав залогового кредитора), так и вместе (в рамках гражданско-правового сообщества кредиторов);

- иные кредиторы, в т.ч. кредиторы по текущим требованиям и кредиторы, чьи требования были субординированы;

- арбитражный суд по делу о банкротстве, способный самостоятельно (своей волей[1]) влиять на ход дела о банкротстве (например, путём вынесения частных определений[2]);

- контролирующие должника лица как лица, обладающие самостоятельным правовым интересом (например, в наибольшем удовлетворении требований кредиторов и т.д.);

- иные лица, участие которых в конкурсных правоотношениях обусловлено прямым указанием закона.

При этом отметим, что процессуальный статус лица, участвующего в арбитражном процессе по делу о банкротстве (в соответствии со ст. 35 Закона о банкротстве), сам по себе не предполагает участия в каком-либо конкурсном правоотношении.

Вопреки часто высказываемому в науке мнению, арбитражный суд не обязательно является субъектом конкурсного правоотношения. Между тем, количество таких правоотношений крайне мало и является скорее исключением из правила. Такой вывод связывается нами с тем, что конкурсное правоотношение, возникающее в связи с возникновением признаков неплатёжеспособности должника, ещё не является процессуальным, а следовательно, не предполагает участие суда.

Круг субъектов конкурсной ответственности (как лиц, которые должны

---

[1] О самостоятельной роли воздействия психологической составляющей в деятельности судей см.: Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 131; Михайлов С.С. Оценка доказательств судом второй инстанции в гражданском судопроизводстве: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Моск. гос. юрид. акад. М., 2001. С. 11.

[2] См.: Михайлова Е. Практика применения института частных определений в банкротстве. URL: https://probankrotstvo.ru/expert-pro/praktika-primeneniia-instituta-castnyx-opredelenii-v-bankrotstve-1903 (дата обращения: 06.01.2025).

претерпеть негативные последствия) представляется нам более узким. Он ограничен лицами, являющимися потенциальными субъектами конкурсных правоотношений и способными совершить правонарушения, выходящие за рамки корпоративной, договорной или ординарной деликтной ответственности.

Соответственно, круг субъектов конкурсной ответственности не может быть исчерпывающе определен заранее через перечисление и зависит от степени влияния такого лица на дела должника.

При этом отметим, что арбитражный суд по делу о банкротстве является единственным участником конкурсных правоотношений, который не может быть субъектом конкурсной ответственности, поскольку выполняет лишь процессуальную функцию[1], а материальная ответственность суда исчерпывающе установлена процессуальным законодательством.

Субъектами же конкурсного правоотношения ответственности на потерпевшей стороне выступают должник и его кредиторы, как по отдельности[2], так и в рамках всего сообщества кредиторов.

Например, на стадии подачи заявления о банкротстве для целей применения ответственности в виде введения соответствующей процедуры банкротства, должник отвечает перед всем предполагаемым гражданско-правовым сообществом кредиторов, которое уже возникло в связи с возникновением конкурсного правоотношения и приобретением им процессуальной формы.

На момент введения процедуры персональный состав гражданско-правового сообщества кредиторов не определен, более того, такое сообщество в итоге может состоять из одного кредитора. Между тем, даже

---

[1] Отметим, что в науке был высказана и противоположная позиция, в соответствии с которой суд вторгается и в материальные правоотношения. См.: Тарасенко А.А. Указ соч. С. 132.

[2] См.: Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.03.2024 г. № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018 // СПС «Консультант Плюс».

наличие всего лишь одного конкурсного кредитора не отменяет факт наличия именно сообщества с точки зрения механизма его функционирования, поскольку правила Закона о банкротстве о собрании кредиторов (о порядке его проведения, принятия решений и т.д.) продолжают действовать.

Полагаем возможным предположить, что уже на стадии введения процедуры у должника не может быть менее двух кредиторов в связи с неизбежным существованием такого текущего кредитора как арбитражный управляющий. Во всех иных случаях именно должник будет выступать потерпевшим субъектом.

Как уже было указано ранее, конкурсная ответственность состоит из форм и видов, которые могут быть классифицированы исходя из субъекта ответственности.

Поскольку субъекты конкурсной ответственности, как и субъекты конкурсных отношений, могут быть разнообразны, это предопределяет возможность дифференцировать разновидности конкурсной ответственности по субъектному критерию.

Соответственно, по такому критерию можно выделить:

- ответственность арбитражных управляющих;
- ответственность контролирующих должника лиц;
- ответственность кредиторов должника;
- ответственность самого должника.

Поскольку конкурсная ответственность является разновидностью гражданско-правовой ответственности, полагаем возможным рассмотреть применимость деления конкурсной ответственности на виды по степени индивидуализации субъекта ответственности (индивидуальная, долевая, солидарная, субсидиарная).

Так, о возможности наступления индивидуальной ответственности вопроса стоять не может.

Возможность привлечения деликвента к отдельным видам конкурсной ответственности (ответственность контролирующего кредитора или

субсидиарная ответственность) солидарно также не оспаривается и подтверждается сложившейся судебной практикой[1]. Допустимость привлечения именно к долевой ответственности (субсидиарной) также подтверждается судебной практикой[2] и возможна, например, при привлечении к ответственности одновременно нескольких КДЛ, действия каждого из которых не привели к банкротству, но в совокупности привели к возникновению неплатёжеспособности.

При этом существование субсидиарной конкурсной ответственности в понимании ст. 399 ГК РФ в науке обоснованно ставится под сомнение[3]. Полагаем, что такой подход обоснован и достаточно разработан в юридической науке, в связи с чем не подвергается сомнению в рамках настоящей работы.

При этом не всякая ответственность, реализуемая в делах о банкротстве, является конкурсной, что определяется главным образом наличием возможности привлечения к такой ответственности в отрыве от конкурсных правоотношений.

Так, например, привлечение директора общества к ответственности в форме возмещения убытков, причинённых должнику, в порядке ст. 61.20 Закона о банкротстве фактически не является специфической формой конкурсной ответственности: Закон о банкротстве лишь расширяет круг лиц, имеющих право на предъявление соответствующих требований. Фактически же основания и условия ответственности органов управления установлены корпоративным законодательством (например, ст. 53.1 ГК РФ), в связи с чем

---

[1] См. напр., п. 21, абз. 1, 2 п. 22 Постановления Пленума ВС РФ № 53; Определение Верховного Суда РФ от 07.10.2022 № 307-ЭС17-10793(26-28) по делу № А56-45590/2015 // СПС «Консультант Плюс».

[2] См. напр., Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.02.2020 № Ф06-57788/2020 по делу № А12-20029/2018 // СПС «Консультант Плюс».

[3] См. напр., Шишмарева Т.П. Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника и иных лиц в процедурах несостоятельности (банкротства). Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 2.; Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М., 2018. С. 32.

указанная форма ответственности является сугубо корпоративной.

Однако, практикой ВС РФ сформулированы правила[1], касающиеся разграничения взыскания убытков, причинённых должнику (т.е. корпоративных убытков), и убытков, причинённых кредиторам (возникающих в связи с деятельностью, влияющей на платёжеспособность должника). Указанная ситуация будет рассмотрена в главе 2 настоящей диссертации, однако сразу следует отметить, что определение правовой природы ответственности влияет на правовой режим права требования, возникшего в результате привлечения к ответственности, круг лиц, имеющих право предъявить соответствующее требование и т.д.

Таким образом, в конкурсной ответственности имеет место специфика неблагоприятных последствий и применяемых санкций по сравнению с иными видами ответственности в гражданском праве (в которых неблагоприятные последствия выражаются в причинении имущественного вреда (убытков), а санкции носят, как правило, исключительно имущественный характер).

Исходя из видов охранительных отношений, как отмечено А.А. Тарасенко, можно выделить ответственность «за банкротство» (т.н. субохранительные отношения) и «в банкротстве» (т.н. постохранительные отношения)[2].

На наш взгляд подобная классификация является излишней, поскольку фактически представляет собой разграничение форм и видов ответственности по темпоральному критерию.

Особенно спорным представляется отнесение к формам ответственности «за банкротство» убытков, взыскиваемых в порядке ст. 61.20 Закона о банкротстве. Так, сам факт взыскания таких убытков свидетельствует о том, что вред, лежащий в их основании, не являлся

---

[1] См.: Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018 // СПС «Консультант Плюс».
[2] Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 14.

причиной банкротства в принципе.

Также автором предлагается выделять имущественную и неимущественную ответственность[1]. С предлагаемой классификацией возможно согласиться, однако следует отметить, что неимущественная ответственность в чистом виде в рамках процедур банкротства реализована быть не может.

Так, среди неимущественных форм ответственности называются субординация требований кредиторов и отстранение арбитражного управляющего[2]. Не оспаривая наличия неимущественной составляющей в рамках указанных форм ответственности, на данном этапе диссертационного исследования лишь отметим также наличие сильного имущественного элемента (подробнее см. главы 2 и 3 настоящей работы).

В связи с этим, на наш взгляд, правильнее говорить о существовании некой комбинированной (смешанной) конкурсной ответственности, существующей помимо имущественной и включающей в себя как имущественную, так и неимущественную составляющие.

Для удобства указанные разновидности конкурсной ответственности предлагается именовать «типичными формами» (чисто имущественная ответственность) и «нетипичными формами» (смешанная имущественно-неимущественная ответственность).

Подобное словоупотребление на наш взгляд может быть обусловлено тем, что типичные формы конкурсной ответственности уже могут называться классическими: они вытекают из текста закона, представляют собой наиболее свойственную гражданскому праву имущественную ответственность, широко распространены на практике и одновременно с этим рассматриваются в науке исключительно как формы ответственности.

В противовес этому, нетипичные формы (более подробно

---

[1] Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 16.
[2] Там же. С. 16.

рассмотренные в главе 3 настоящей работы) могут не соответствовать представленным критериям, например, субординация требований кредиторов напрямую не вытекает из текста закона и так же, как и введение процедур банкротства и ликвидация по её итогам, обычно не рассматривается в науке как форма ответственности.

Отметим, что выделение «нетипичных» разновидностей отдельных правовых явлений, в т.ч. применительно к вопросам ответственности, не является новшеством в российской правовой науке[1].

Так, например, В.А. Ойгензихтом выделялись «нетипичные договорные отношения». В качестве критерия, позволяющего отнести институт гражданского права к нетипичному, учёный указывал на его выход за рамки известного правового регулирования и наличие «большой специфики, что предопределяет особенности в их правовом регулировании»[2]. Под такой спецификой прилагается понимать особый характер изъявления воли, комплексность элементов различных правоотношений, фактическое возникновение правоотношении без соответствующего их оформления и др.[3] При этом также отмечается, что «нетипично-договорный характер» правоотношений предполагает распространение на такие отношения норм гражданского права[4].

Как указывал О.Н. Садиков, к нетипичным правовым институтам можно отнести такие институты, которые характеризуются комплексностью, объединяют разнородные категории в рамках одной отрасли права, а также

---

[1] Моргунова Н. В. Нетипичные формы юридической ответственности. Актуальные вопросы юридической науки и практики: Материалы III Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 30–31 октября 2018 года. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2019. С. 233-236; Кивленок Т. В. Некоторые виды атипичных правовых актов // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 2(11). С. 99-104.

[2] Ойгензихт В.А. Нетипичные договорные отношения в гражданском праве. : учеб. пособие. Тадж. гос. ун-т им. В.И. Ленина. 1984. С. 4.

[3] Ойгензихт В.А. Указ. соч. С. 17.

[4] Ойгензихт В.А. Указ. соч. С. 76.

характеризующиеся незавершенностью[1].

Развивая указанную категорию применительно к мерам гражданско-правовой ответственности А.Я. Ахметов предлагает рассматривать, например, положения п. 1 ст. 406.1 ГК РФ, ст. 431.2 ГК РФ, а также товарную неустойку[2].

На наш взгляд применение категории нетипичности при исследовании конкурсной ответственности в полной мере обосновано, поскольку отдельные разновидности такой ответственности, как будет подробнее сказано далее, могут иметь комплексный характер и, более того, реализовываться исключительно на практике, не имея при этом полноценного законодательного закрепления.

По результатам исследования, проведенного в рамках настоящей главы, считаем возможным заключить следующее.

Отношения, складывающиеся между лицами, участвующими в деле о банкротстве, в том числе отношения, связанные с ответственностью, складываются в рамках особых конкурсных правоотношений.

Конкурсные правоотношения неоднородны. Более того, несмотря на сложный субъектный состав каждого из конкурсных правоотношений, в рамках одного дела о банкротстве складывается не единое конкурсное правоотношение, а множество различных конкурсных правоотношений с различным предметом.

Фактическое содержание конкурсных правоотношений с участием конкурсных кредиторов, в т.ч. характер и особенности правового статуса конкретного кредитора в рамках конкретной процедуры банкротства, определяется первоначальным обязательственным правоотношением между кредитором и должником, из которого проистекает право требования к

---

[1] Садиков О.Н. Нетипичные институты в советском гражданском праве // Советское государство и право. 1979. № 2. С. 32–39. цит. по: Ахмедов А.Я. Нетипичные институты гражданского права России: постановка вопроса // Вестник СГЮА. 2017. №4 (117). С. 128.
[2] Там же. С. 128-129.

последнему.

При этом первое конкурсное правоотношение, с возникновением которого связано появление всех иных конкурсных правоотношений, возникает в момент появления признаков неплатёжеспособности должника. Содержанием такого правоотношения является обязанность должника в лице его органов управления обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве, а также право иных кредиторов на обращение с аналогичным заявлением.

Оформление таких правоотношений происходит в связи с принятием заявления о признании должника банкротом к производству арбитражного суда.

Можно сказать, что конкурсные правоотношения оформляют контекст конкурсной ответственности. Полагаем, что установление такого контекста позволяет рассмотреть саму категорию конкурсной ответственности.

Под конкурсной ответственностью предлагается понимать гражданско-правовую ответственность, наступление которой становится возможным исключительно в связи с возникновением конкурсного правоотношения.

Основной особенностью конкурсной ответственности является её специфическая направленность – пополнение конкурсной массы для погашения требований кредиторов должника.

Сама возможность привлечения к конкурсной ответственности находится в зависимости от возникновения признаков банкротства и признания лица банкротом в установленном законом порядке, что является одним из общих условий конкурсной ответственности.

Система конкурсной ответственности представляет собой ряд форм и видов ответственности, которые возможно разделить на типичные (исключительно имущественные) и нетипичные (смешанные имущественно-неимущественные).

ГЛАВА 2. ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ КОНКУРСНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

1. Деликтная ответственность лиц, участвующих в деле о банкротстве

Как уже указывалось, конкурсная ответственность, как и гражданско-правовая ответственность вообще, может иметь различные основания.

Полагаем, что в связи с различными основаниями ответственности деликты, ответственность за которые наступает в рамках дел о банкротстве, могут иметь различную правовую природу.

В первую очередь следует обратить внимание на причины отделения корпоративных деликтов и конкурсных деликтов от общегражданского деликта.

В доктрине высказывается обоснованная позиция о том, что, если исходить из того, что субсидиарная ответственность является реализацией модели специального деликта, необходимо подчеркнуть наличие специальных правил определения размера ответственности, ряд доказательственных презумпций, не свойственных генеральному деликту, и особый субъектный состав деликтоспособных лиц.

Указанные особенности обусловлены в том числе информационным дисбалансом, имеющим место в корпоративных отношениях[1].

Так, лицо, продолжительное время управлявшее делами компании, обладает существенно большим объемом информации о фактах экономической деятельности должника и т.д. В связи с этим возникает дисбаланс и в процессе доказывания обстоятельств, лежащих в основании ответственности.

---

[1] Суворов Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника. М.: Статут, 2020. С. 27.

То же самое, как представляется, касается и вопросов привлечения арбитражных управляющих и контролирующих кредиторов к гражданско-правовой ответственности.

Отметим, что и в конкурсных, и в корпоративных отношениях информационный дисбаланс становится проблемой лишь в ситуациях, в которых имеет место недобросовестность.

Арбитражный управляющий, как и злоупотребляющий конкурсным контролем кредитор, имеют достаточно широкий спектр возможностей по сокрытию информации о реальном ходе процедур, об отдельных аспектах продолжающейся хозяйственной деятельности должника и т.д.

Если принять позицию о том, что наличие информационного дисбаланса определяет наличие специального деликта для субсидиарной ответственности, нельзя отрицать, что в случаях ответственности лиц, обладающих над должником конкурсным контролем, уместна аналогичная логика.

Полагаем, что для форм м видов конкурсной ответственности, всегда свойственно наличие некоего информационного дисбаланса.

По такому же критерию можно провести и границу между конкурсной и договорной ответственностью, а также между конкурсной ответственностью и ответственностью, наступающей через генеральный деликт.

В обоих упомянутых случаях предполагается обоюдная осведомлённость сторон об обстоятельствах правонарушения.

В случае договорной ответственности нарушение прав стороны по договору может исходить только от другой стороны. В случаях множественности лиц, какая, например, зачастую имеет место в подрядных отношениях, закон (как правило) предполагает особый порядок привлечения к ответственности.

Для общегражданского деликта также не свойственны ситуации, при которых деликвент имеет возможность не только скрыть личность

причинителя вреда, но сам факт наличия вреда.

Отношения же, осложнённые наличием контроля над третьим лицом (или имуществом третьего лица), выгодоприобретатели которого таким контролем не обладают, всегда должны подразумевать наличие специального деликта, учитывающего неравновесность положения сторон в процессе доказывания.

Также полагаем, что для отграничения конкурсной ответственности от иных разновидностей, весьма большое значение имеют правовые статусы потерпевшего и причинителя вреда.

Так, как указывалось ранее, конкурсная ответственность наступает исключительно в случае, когда на момент совершения правонарушения между правонарушителем и потерпевшим уже имеется правовая связь в виде конкурсного правоотношения. Отсутствие такой связи, соответственно, не позволяет квалифицировать ответственность в качестве конкурсной.

Более того, представляется правильным подход, при котором связанность правоотношением несостоятельности будет являться более слабым квалифицирующим критерием при наличии корпоративной связи, и более сильным – при отсутствии правовой связи на момент совершения деликта вообще.

Предполагается, что директор или участники должника, безусловно находящиеся с последним в состоянии связанности через конкурсное правоотношение, но причинившие вред должнику в рамках корпоративного правоотношения, будут нести ответственность за корпоративный деликт (например, при злоупотреблении корпоративными правами).

Причинение вреда должнику контролирующим кредитором в связи со злоупотреблением конкурсным контролем представляется исключительно конкурсным деликтом.

Причинение вреда третьим лицом должнику или кредиторам или же напротив, должником третьему лицу, вовсе не должно рассматриваться как особый вид деликта.

При этом, например, если должник причиняет третьему лицу вред в связи с недобросовестными или неразумными действиями его арбитражного управляющего, деликтное правоотношение между должником и потерпевшим будет ординарным, а управляющий, в свою очередь, совершает конкурсный деликт.

В отличие от договорной ответственности, которая наступает за нарушение субъективных договорных (относительных) прав и обязанностей, и от ординарной деликтной ответственности, которая наступает за причинение вреда личности или имуществу другого лица, не состоящего с деликвентом в каких-либо правоотношениях, основанием конкурсной ответственности является нарушение субъективных прав и обязанностей, предусмотренных конкурсным законодательством.

Как указывает О.В. Гутников, субсидиарная ответственность участников юридического лица не является корпоративной ответственностью в узком смысле, в связи с чем учёный относит такую ответственность к «квазикорпоративной»[1].

На наш взгляд, причинение вреда относительным имущественным правам участников конкурсных отношений следует рассматривать как обычный гражданско-правовой деликт (ст. 1064 ГК РФ), если вред причинен вне всякой связи с осуществлением прав и обязанностей, являющихся содержанием конкурсного правоотношения.

Однако в том случае, если причинение вреда относительным имущественным правам субъектов конкурсных отношений осуществляется другим субъектом конкурсных отношений в связи с осуществлением своих прав или с нарушением своих обязанностей, связанных с конкурсным правоотношением, то имеет место совершение конкурсного правонарушения (конкурсного деликта), за которое наступает конкурсная ответственность. В

[1] Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: автореферат дис. … доктора юрид. наук.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М., 2018. С. 41.

данном случае, в отличие от деликтного права, основанием ответственности является причинение вреда, вызванное нарушением относительных обязанностей, связанных с участием лица в конкурсных.

В контексте изложенного представляется возможным классифицировать типичные для конкурсных отношений виды ответственности в качестве разновидностей деликтной, корпоративной и конкурсной. Недопустимость их смешения обусловлена тем, что правовое регулирование и последствия наступления такой ответственности различны.

Например, привлечение к ответственности в форме возмещения убытков на корпоративных и конкурсных основаниях, как указывает Верховный Суд РФ[1], должно иметь различные последствия.

На наш взгляд, разграничение природы причинённых убытков на корпоративные и кредиторские является одним из сложных вопросов, стоящих на настоящий момент перед судебной практикой. Указанный вопрос будет подробнее раскрыт в параграфе 3 настоящей главы, однако полагаем возможным отметить, что основным критерием разграничения убытков на кредиторские и корпоративные должен являться правовой статус лиц, которым был причинён вред.

Отметим, что в науке была высказана позиция о существовании особой разновидности деликта, свойственного для ответственности, применяемой в рамках процедур банкротства. Как указывает А.А. Тарасенко, одним из определяющих элементов «банкротной ответственности» является лежащее в её основании «банкротное правонарушение»[2], т.е. «правонарушение банкротного характера, ответственность за которое предусмотрена Законом о банкротстве»[3]. Более того, согласно представленной позиции «все случаи банкротной ответственности возникают из внедоговорного причинения

---

[1] См.: Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 г. № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 59-60.

[3] Там же. С. 60 (сноска 2).

вреда»[1], т.е. из деликта.

По мнению ученого существует «исчерпывающий перечень банкротных правонарушений», а именно:

- правонарушения, влекущие ответственность «за банкротство», приведшие к невозможности полного погашения требований кредиторов и

- правонарушения, влекущие ответственность «в банкротстве», наступающие за нарушения субъективных прав иных участников отношений несостоятельности[2].

На наш взгляд, подобная классификация конкурсных правонарушений является допустимой, однако основная ценность приведённой позиции заключается в выделении специфического вида деликта.

По нашему мнению, такой деликт должен наступать исключительно в связи с нарушением субъективных прав участников конкурсного правоотношения. С практической точки зрения обособление конкурсного деликта также может быть связано с тем, что при его совершении с высокой степенью вероятности может иметь место обман (введение в заблуждение или сокрытие информации) в ситуации, когда у потерпевшей стороны существенно меньше правовых и неправовых средств для его раскрытия (т.е. имеет место информационный дисбаланс).

Упомянутый информационный дисбаланс в рамках конкурсных правоотношений характеризуется значительной спецификой.

В первую очередь такой дисбаланс может быть направлен против любого участника правоотношения вне зависимости от его правового статуса.

Во-вторых, подобный дисбаланс может вытекать непосредственно из норм Закона о банкротстве. Так, например, именно управляющий, на утверждение кандидатуры которого кредиторы зачастую не имеют влияния

---

[1] Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 110.
[2] Там же. С. 64.

(например, при случайной выборке) является представителем гражданско-правового сообщества кредиторов и обладает правом на получение наиболее полной информации о деятельности должника, а также обязанностью по предоставлению отчетов кредиторам. То есть, фактически, действуя недобросовестно, управляющий имеет значительные возможности по сокрытию той или иной информации. Такого рода злоупотребления могут быть использованы в том числе для создания препятствий в реализации прав кредиторов на обращение с заявлениями об оспаривании сделок или о привлечении к субсидиарной ответственности, что в конечном итоге ведет нарушению их имущественных прав.

Полагаем, что такого рода информационная асимметрия не характерна для большинства гражданских правоотношений. Там же, где схожая (но не идентичная) асимметрия имеет место, представителями доктрины также предлагается выделять специальные виды деликтов[1].

Отметим, что в науке отмечается тенденция по выделению новых разновидностей деликтов. Так, например, А.К. Губаева указывает, что на настоящий момент в российском праве «идет процесс гибридного развития правового института деликтной ответственности. Новые составы деликтов вырабатываются согласно потребностям экономического развития. Принцип генерального деликта становится вспомогательным средством достижения цели восстановительного правосудия»[2].

Конституционный Суд РФ также высказывал позицию о том, что применение генерального деликта там, где отсутствует специальный деликт является допустимым, однако констатировал «необходимость принятия законодателем специальной нормы, регулирующей защиту прав такого рода

---

[1] См., напр.: Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. №3 (255).

[2] Губаева А.К. Деликтное право России: современные вызовы и перспективы развития. ЗАКОН. 2020. № 3. С. 41.

потерпевших»[1].

Полагаем, что особенности, свойственные конкурсной ответственности, не могут не предполагать выделения самостоятельных разновидностей деликтов.

Так, специфика деликтов в конкурсных правоотношениях выражается в том числе в:

а) субъектном составе правоотношений (например, арбитражный управляющий как лицо, реализующее особую разновидность конкурсного контроля);

б) объекте правонарушения: такого рода деликтами нарушаются специфические имущественные и неимущественные права субъектов конкурсных правоотношений;

б) характере вреда: как правило, причинённый вред носит коллективный характер (например, уменьшение конкурсной массы или объёма конкурсного контроля независимых кредиторов).

Именно изложенные обстоятельства, как представляется, обуславливают необходимость в существовании различных моделей ответственности лиц, участвующих в деле о банкротстве, среди которых конкурсный деликт (кредиторские убытки, субсидиарная ответственности контролирующих лиц и т.д.), генеральный деликт, а также корпоративный деликт.

На наш взгляд, представляется интересным вопрос о существовании неимущественного конкурсного деликта.

Как уже было сказано при рассмотрении категории конкурсной ответственности в главе 1 настоящей работы, чистой неимущественной

---

[1] Губаева А.К. Деликтное право России: современные вызовы и перспективы развития. ЗАКОН. 2020. № 3. С. 40; Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2015 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта "а" части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Кряжева» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 16. Ст. 2460.

ответственности в банкротстве быть не может.

Компенсаторно-восстановительный характер гражданско-правовой ответственности (по общему правилу) предполагает, что её наступление обусловлено материальными последствиями, которые необходимо устранить (вернуть отношения к первоначальному состоянию)[1].

Устанавливая, чем является неимущественный деликт вообще, можно обратиться к позиции проф. О.В. Гутникова, который понимает под неимущественным корпоративным деликтом наиболее важные случаи причинения вреда неимущественным корпоративным правам[2] (среди которых выделяют управленческие и информационные).

Полагаем, что Закон о банкротстве на настоящий момент не предусматривает гражданско-правовой ответственности субъектов конкурсных правоотношений (за исключением управляющего), связанной с нарушением информационных или управленческих прав кредиторов.

Это обусловлено, например, тем, что обязанности информационного характера в процедурах банкротства возложены исключительно на арбитражного управляющего.

При этом не представляется трудным смоделировать ситуации, когда конкурсный деликт будет обладать как имущественной, так и неимущественной сторонами.

Такими деликтами могут быть совершение недействительных сделок или компенсационное финансирование, приводящие к субординации требований. Существование неимущественного элемента в таких деликтах также отмечается в науке[3].

О.В. Гутников также указывает, что гражданско-правовая ответственность может иметь и неимущественную составляющую. Так,

---

[1] Грибанов В.П. Указ. соч. С. 344.

[2] Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: автореферат дис. … доктора юрид. наук.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М., 2018. С.33.

[3] Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 65-66.

говоря о корпоративной гражданско-правовой ответственности, ученый утверждает, что меры такой ответственности «***носят не только имущественный, но и неимущественный характер***»[1].

Полагаем, что неимущественная сторона конкурсного деликта обусловлена тем, что требование конкурсного кредитора, установленное в реестре требований, ценно не только в связи с вероятностью его погашения, но и в связи с наличием следующих за ним управленческих и информационных прав.

Соответственно, кредитор, недобросовестно предъявляющий требования ко включению в реестр, посягает не только на имущественное право кредитора получить часть конкурсной массы, но и на причитающиеся ему в рамках собрания кредиторов голоса, количеством которых обуславливается объем конкурсного контроля.

На наш взгляд, в качестве единственного чисто неимущественного конкурсного деликта, который может не повлечь причинение имущественного вреда другим участникам конкурсных правоотношений, можно рассматривать предоставление арбитражным управляющим недостоверной информации суду и кредиторам в рамках мероприятий по контролю за деятельностью арбитражного управляющего.

При этом отнесение такого деликта к неимущественным также представляется весьма условным, поскольку в силу прямого указания абз. 3 п. 1 ст. 145 Закона о банкротстве удовлетворение ходатайства об отстранении конкурсного управляющего в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением им своих обязанностей возможно лишь при условии, если такое правонарушение повлекло причинение убытков или создало угрозу их причинения.

---

[1] Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: автореферат дис. … доктора юрид. наук.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М., 2018. С.155.

Подобные правонарушения, не связанные с причинением убытков, рассматриваются в качестве оснований исключительно административной ответственности по ст. 14.13 Кодекса об административных правонарушениях РФ.

Более того, как будет указано в параграфе 2 настоящей главы, вызывает сомнения исключительно неимущественный характер такой санкции, как отстранение арбитражного управляющего.

Таким образом полагаем, что отсутствуют основания говорить о существовании конкурсных деликтов исключительно неимущественной природы.

Важно отметить, что имущественный и смешанный конкурсные деликты должны рассматриваться в совокупности с корреспондирующими им формами и видами конкурсной ответственности.

Превалирующей в науке гражданского права позицией о роли деликта в правоотношениях ответственности является позиция, согласно которой деликт выступает основанием соответствующего вида ответственности.

В контексте исследуемой в рамках настоящей диссертации концепции конкурсной ответственности предлагается рассматривать конкурсный деликт именно в качестве основания соответствующего вида конкурсной ответственности – как специфическое правонарушение, в связи с совершением которого «запускается» механизм ответственности и наступают негативные последствия для правонарушителя.

Также необходимо отметить, что конкурсный деликт может отличаться наличием солидарной ответственности различных субъектов конкурсных правоотношений, не являющихся непосредственными причинителями вреда.

Например, в соответствии с п. 13 «Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год» (далее –

«Обзор от 25.04.2025»)[1], «должник и привлеченные к ответственности контролирующие его лица отвечают перед конкурсным кредитором солидарно до полного погашения требований, в том числе при уступке кредитору <…> требования о привлечении к субсидиарной ответственности».

Более того, ***такого рода солидаритет не обязательно основан на соучастии двух причинителей вреда в рамках единого действия***, направленного на причинение вреда: для привлечения различных контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в солидарном порядке не требуется даже того, чтобы они осуществляли контроль в рамках одного периода времени (п. 8 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Аналогичная ситуация имеет место и в случае с кредиторской конкурсной ответственностью, при которой кредитор, не являясь причинителем вреда, но являясь выгодоприобретателем от совершенного управляющим правонарушения, подлежит с ним солидарной ответственности (подробнее см. параграф 4 настоящей главы).

При этом по общему правилу солидарная ответственность должна наступать именно при совместном причинении вреда (при наличии «общего для всех действующих лиц намерения»), о чем свидетельствует п.9 Постановления Пленум Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»[2]. В свою очередь «раздельные» действия, приведшие к причинению вреда одному защищаемому праву или интересу должны приводить к долевой ответственности.

Полагаем, что изложенная несвойственная общегражданским деликтам

---

[1] «Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) // СПС «Консультант Плюс».

[2] Постановления Пленум Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Российская газета. 2017. №280 (7446).

солидарная ответственность может быть рассмотрена в качестве одной из особенностей конкурсного деликта.

Итак, на наш взгляд существуют основания для выделения такой категории как конкурсный деликт.

Под конкурсным деликтом предлагается понимать гражданско-правовой деликт, выражающийся в совершении действий (бездействии) субъекта конкурсных правоотношений и нарушающий имущественные и неимущественные права и интересы иных участников конкурсных правоотношений, являющийся основанием для применения мер конкурсной ответственности.

Предлагается выделять имущественный конкурсный деликт, направленный на причинение вреда исключительно имущественным правам субъектов конкурсных правоотношений в отношении конкурсной массы должника, а также смешанный (имущественно-неимущественный) конкурсный деликт, направленный на причинение вреда специфическим неимущественным правам конкурсных кредиторов (например, недобросовестные действия кредиторов должника, приводящие к субординации требований, отстранение арбитражного управляющего, а также введение процедуры банкротства).

Далее предлагается подробнее рассмотреть особенности ответственности различных лиц, участвующих в делах о банкротстве, за совершение конкурсных деликтов.

2. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего

Вопрос об основаниях и природе гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих в делах о банкротстве неизбежно связывается с вопросом о природе взаимоотношений между

управляющим и должником.

В юридической науке неоднократно поднимался указанный вопрос[1].

При научном анализе правовой природы статуса арбитражного управляющего обоснованно учитываются процедура его утверждения, наличие особых требований к кандидатуре, функциональная направленность подинститута арбитражного управления и спектр прав и обязанностей управляющего.

Заметим, что закон предусматривает ряд существенных требований к кандидатуре управляющего, однако наличие таких требований никоим образом не характеризует правовую природу статуса арбитражного управляющего и лишь дополнительно указывает на важность профессии в глазах законодателя. Более интересным с точки зрения рассматриваемого анализа представляется процедура утверждения управляющего в процедуре.

Так, арбитражного управляющего утверждает арбитражный суд из числа представленных в материалы дела кандидатур. Кандидатуру управляющего или саморегулируемой организации может представить сам должник, кредитор-заявитель по делу или собрание кредиторов.

Примечательно то, что кандидатуру управляющего может представить и утвердить и сам арбитражный суд. Так, например, для определения саморегулируемой организации, из которой впоследствии назначается арбитражный управляющий, используется метод случайной выборки (п. 5 ст. 37 Закона о банкротстве). Алгоритм случайной выборки законодательно не предусмотрен. Некоторые суды самостоятельно утвердили соответствующий порядок определения саморегулируемой организации арбитражных управляющих методом случайной выборки (например, Арбитражный суд Волгоградской области, Арбитражный суд Орловской области,

---

[1] См. обзор дискуссий о статусе арбитражного управляющего: *Wedde R*. Der Insolvenzverwalter im russischen und deutschen Recht. Bestellung, Befugniss, Bezahlung. BWV, 2006. S. 203–205 *цит. по* Шишмарева Т.П. Правовой статус управляющих в России и Германии // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 7. С. 40–48.

Арбитражный суд Сахалинской области).

Также случайная выборка возможна и среди членов одной саморегулируемой организации, если у суда при рассмотрении вопроса об утверждении управляющего возникнут сомнения в беспристрастности представленных кандидатур[1].

Отдельно следует упомянуть и обновлённый порядок назначения арбитражных управляющих в делах о банкротстве, установленный постановлением Правительства РФ от 22.05.2024 № 634 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2004 г. № 257»[2].

Так, с 23.11.2024 действуют правила, согласно которым кандидатура арбитражного управляющего по заявлениям налоговых органов определяется в соответствии с рейтингом арбитражных управляющих[3].

Такой рейтинг является публичным и составляется на основании заявок саморегулируемых организаций (далее – «СРО») арбитражных управляющих, содержащих конкретные кандидатуры специалистов. В таких заявках СРО самостоятельно указывает сведения об оценке результативности управляющего, которые и являются основанием для ранжирования управляющих внутри рейтинга.

Важно отметить, что арбитражные управляющие, соглашаясь на утверждение в рамках соответствующей процедуры, расходуют собственные баллы результативности, уже имеющиеся у них на дату предоставления заявки, что, на наш взгляд, подчеркивает самостоятельность правового интереса арбитражных управляющих в делах о банкротстве. Более того, на период определения кандидатуры управляющего такие баллы резервируются

---

[1] Определение Судебной Коллегии по Экономическим Спорам Верховного Суда РФ № 308-ЭС20-2721 от 20.08.2020 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Постановление Правительства РФ от 22.05.2024 № 634 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2004 г. № 257» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 22. Ст. 2960.

[3] См.: Регистр арбитражных управляющих // URL: https://rau.nalog.gov.ru/home/main (дата последнего обращения: 23.02.2025).

и не могут быть использованы в рамках иных процедур[1]. Итоговая кандидатура управляющего определяется из списка предложенных СРО случайным образом исходя из количества баллов каждого из предложенных специалистов.

Приведенный выше новый порядок назначения арбитражных управляющих, на наш взгляд, заслуживает самостоятельного исследования, однако уже сейчас кажется очевидным, что единственной целью его установления является ***соблюдение баланса независимости и эффективности управляющих***.

Возможность определения кандидатуры управляющего именно судом показывает очень важный момент: необходимость утверждения управляющего стоит выше прав заинтересованных лиц по определению собственной кандидатуры. Беспристрастность управляющего также превалирует над правами заинтересованных лиц в этой части.

Утверждение кандидатуры управляющего осуществляется посредством принятия судебного акта арбитражного суда. Соответственно, полномочия арбитражного управляющего обеспечивается не решением участников или кредиторов и не внесением записи в ЕГРЮЛ, а законной силой судебного акта.

Таким образом, с самого начала процедуры банкротства разрывается та связь, которую зачастую пытаются найти некоторые учёные при попытке обосновать корпоративную природу статуса арбитражного управляющего. Это подчёркивает функциональную направленность подинститута арбитражного управления.

В литературе выделяются такие цели арбитражного управления как

---

[1] Разъяснения ФНС России постановления Правительства РФ от 22.05.2024 № 634 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2004 г. № 257», предоставленные в ответ на письмо генерального директора НО СОАУ «НСПАУ» А.В. Каверзиной. URL: https://www.paucfo.ru/upload/iblock/5b2/bcch31tqp9b84mwtm2vfp13l4wf5rv9v.pdf (дата последнего обращения: 23.02.2025).

обеспечение безопасности имущества должника, анализ его финансового состояния, компенсация долговых обязательств кредиторам, восстановление платежеспособности должника[1].

Полагаем, что указанные «цели» более соответствуют содержанию категории «задачи», в то время как цель арбитражного управления синонимична цели соответствующей процедуры банкротства и может заключаться либо в восстановлении платёжеспособности должника, либо в максимальном удовлетворении требований кредиторов.

Между тем, практика высших судов и доктрина указывают еще на один аспект арбитражного управления – его публичную направленность[2], что подразумевает возможность пренебрежения интересами должника или кредиторов в пользу интересов общества[3].

Например, в Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 «Дело "Котов (Kotov) против Российской Федерации"» (жалоба № 54522/00)[4] Европейский Суд подчеркнул, что утвержденный арбитражным судом конкурсный управляющий является «представителем государства». На основе анализа правового статуса конкурсного управляющего Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что конкурсные управляющие назначаются судом для осуществления под его наблюдением конкурсного производства и, следовательно, осуществляют функции публичной власти.

Публичная направленность деятельности арбитражного управляющего следует и из закона: в соответствии с п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве при

---

[1] Минина М. Г. К вопросу о правоотношениях по арбитражному управлению // Молодой ученый. 2018. №51. С. 135.

[2] Карелина С.А. Категория интереса и институт несостоятельности (банкротства) как средство разрешения конфликта интересов // Законодательство. 2007. № 3. С. 26.

[3] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2022 № 4-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Т Плюс» // Российская газета. 2022. № 30 (8678).

[4] Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 «Дело "Котов (Kotov) против Российской Федерации» (жалоба № 54522/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

Таким образом, бенефициарами деятельности управляющего являются: должник, при восстановлении его платёжеспособности и освобождении от долгов, кредиторы, требования которых должны быть максимально удовлетворены, и общество.

Круг полномочий и обязанностей арбитражного управляющего весьма обширен и, собственно, и является причиной доктринальных дискуссий касательно правовой природы арбитражного управления.

В первую очередь следует отметить, что полномочия арбитражного управляющего разнятся в зависимости от процедуры банкротства.

Так, например, финансовый управляющий в процедуре реструктуризации и временный управляющий выполняют по большей части процессуальную роль и обеспечивают контроль над деятельностью и активами должника, анализируют его финансовое состояние и принимают меры срочного реагирования, если это необходимо. Похожая роль отведена административному управляющему.

Конкурсный и финансовый управляющий, напротив, имеют максимально возможный объём правомочий, фактически управляя имуществом должника и выражая его волю в гражданском обороте.

Помимо этого, любой арбитражный управляющий является крайне значимой процессуальной фигурой, имеющей право на обращение в арбитражный суд с большинством возможных заявлений.

Учитывая значимость роли арбитражного управляющего в процедурах банкротства, закон не может не предусматривать обязанностей, корреспондирующих правам арбитражных управляющих.

Одним из ключевых отличий, проводящих границу между корпоративно-правовой сферой и сферой арбитражного управления является то, что наличие у арбитражного управляющего огромного массива прав не

имеет имущественной обусловленности.

Здесь имеется в виду, что участник или акционер юридического лица приобретают свои права взамен на имущественный вклад. Права назначаемого указанными лицами директора также обеспечены вкладом учредителей компании, т.к. они берут на себя риск избрания конкретного директора и наделения его конкретным пулом прав, который учредители могут изменить по собственному усмотрению. Например, участники ООО имеют право ограничить перечень сделок, которые директор может совершать самостоятельно. Более того, что не менее важно, общее собрание (прямо или косвенно – по тому же принципу) самостоятельно определяет размер заработной платы директоров и иные способы мотивации осуществлять управленческую деятельность максимально качественно.

В противовес этому, статус арбитражного управляющего сам по себе не обеспечен экономическими благами.

Правомочия арбитражного управляющего возникают не из реализации свободной воли участников гражданского оборота, а из публично-правовой необходимости, связанной с потребностью принудительно внедрить в частноправовые отношения независимого управленца с гарантированным уровнем квалификации.

Полагаем, что сам по себе институт арбитражного управления выступает, во-первых, механизмом реализации формы гражданско-правовой ответственности в виде введения процедуры банкротства (о чем подробнее будет сказано в рамках главы 3 настоящей диссертации), а, во-вторых, некоторой публично-правовой гарантией прав лиц, вступающих в рисковые отношения с потенциальным должником.

В связи с этим закон и складывающаяся судебная практика возлагает на арбитражного управляющего не только крайне высокие изначальные требования, касающиеся его квалификации, страхования ответственности и беспристрастности, но и ряд обязанностей текущего характера.

В первую очередь, арбитражный управляющий обязан, как и

обыкновенный директор корпорации, вести свою деятельность добросовестно и разумно. На применимость указанных обязанностей напрямую указывает закон в п. 4 ст. 21.3 Закона о банкротстве и судебная практика. Так, п. 12 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»[1] прямо указывает на применимость его положений к вопросам привлечения к ответственности арбитражных управляющих. Именно указанное постановление является основным источником толкования категорий добросовестности и разумности.

Согласно Постановлению №62 под недобросовестным поведением понимаются в том числе действия при наличии заинтересованности ко вреду юридического лица в пользу иных лиц, сокрытие значимой для осуществления деятельности юридического лица информации, совершение сделки без необходимого согласия, совершение сделок на заведомо невыгодных для юридического лица условиях и т.п.

В целом можно говорить о том, что недобросовестное поведение директора юридического лица – это всегда такое поведение, которое заведомо нарушает интересы исключительно управляемого директором юридического лица[2].

В соответствии с п. 3 Постановления №62 под неразумностью следует понимать такие действия директора, которые повлекли негативные последствия для управляемого юридического лица при том, что существовала объективная возможность таких последствий избежать, если бы директор прилагал необходимые усилия для получения информации и вел себя таким образом, который обычно предполагается в рамках гражданского оборота в аналогичной ситуации.

---

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». 2013. № 10.

[2] Указанный вывод следует, например, из того, что иск, предъявляемый участниками (акционерами) общества в порядке ст. 225.1 АПК РФ является косвенным.

Таким образом, корпоративные обязанности добросовестного и разумного поведения определяются через отсутствие умышленного и неумышленного причинения вреда юридическому лицу.

На основании терминологического совпадения в науке и практике высказывались позиция о том, что обязанности арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно совпадают с подобными обязанностями директора[1] или даже могут являться фидуциарными[2].

В исследовании Центра международных и сравнительно-правовых исследований «Назначение арбитражных управляющих в России и иностранных юрисдикциях» нашло место указание на фидуциарность обязанностей управляющего в праве Германии[3]. Основные принципы ЕБРР, касающиеся эффективной системы урегулирования дел о несостоятельности, сформулированные отделом правовой реформы Европейского банка реструктуризации и развития, также отражают позицию о фидуциарности обязанностей управляющих в банкротстве[4].

Между тем, совпадение корпоративно-правовых и «банкротных» категорий недобросовестности и разумности, а также фидуциарность таких отношений вызывает сомнения.

Указанные категории непосредственно связаны с тем, что бенефициар

---

[1] См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М., 2002. С. 789-790; Комаров Д.А. Арбитражный управляющий как лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Вестник ВятГУ. 2014. №10. С. 101.

[2] Ломакин, Д. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве. Хозяйство и право. 2019. № 1(504). С.9; Дозорцев В.А. Доверительное управление. Вестник ВАС РФ. 1996. № 12; Попондопуло В.Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства): Учебное пособие. М., 2001. С. 143-145.

[3] См.: Исследование Центра международных и сравнительно-правовых исследований «Назначение арбитражных управляющих в России и иностранных юрисдикциях». URL: https://iclrc.ru/storage/publication_pdf/ЦМСПИ_Назначение-арбитражных-управляющих-в-России-и-иностранных-юрисдикциях_1649172505.pdf. С.85. (дата последнего обращения: 11.06.2024).

[4] Основные принципы ЕБРР, касающиеся эффективной системы урегулирования дел о несостоятельности. URL: https://www.ebrd.com/legal-reform/ebrd-insolvency-coreprinciples-russian.pdf (дата последнего обращения: 11.06.2024).

деятельности фидуциария добровольно принимает на себя риск осуществления деятельности конкретным директором. Однако если корпоративное право предполагает единственного бенефициара – управляемое юридическое лицо, то Закон о банкротстве предлагает сразу трёх: должника, кредиторов и общество.

Интересы указанных лиц практически всегда находятся в состоянии конфликта: выгода должника заключается в сохранении имущественной массы и платёжеспособности, в то время как интерес кредиторов состоит в максимальном и при этом скорейшем удовлетворении собственных требований. Следовательно, интересы кредиторов могут конфликтовать не только с интересами должника, но и друг друга. Интересы общества также могут противоречить интересам кредиторов, например, в ситуациях, когда управляющий изменяет очередность погашения требований в целях защиты прав неопределенного круга лиц[1].

Таким образом, понятная категория добросовестности, реализуемая в корпоративном праве по формуле «не навреди юридическому лицу» в рамках банкротства зачастую не может быть реализована, т.к. управляющий должен анализировать каждый отдельный случай конфликта интересов бенефициаров его деятельности и избирать компромиссный путь.

Также заметим, что текущее законодательство о банкротстве предусматривает обязательное страхование ответственности арбитражных управляющих. Полагаем, что в рамках фидуциарных отношений вопрос о страховании ответственности фидуциария должен регулироваться диспозитивно и лежать в рамках волеизъявления другой стороны правоотношения.

Указанный вопрос затрагивает и различия в содержании корпоративной и «банкротной» категорий разумности поведения.

---

[1] См.: Определение Верховного Суда РФ № 307-ЭС23-8079 по делу № А66-19241/2017 // СПС «Консультант Плюс».

В отличие от корпоративных отношений, судебная практика в сфере банкротства складывается таким образом, что основанием ответственности арбитражного управляющего может стать недополучение денежных средств в конкурсную массу должника[1]. Таким образом, основанием ответственности может быть не только недобросовестное или неразумное поведение, которое привело к возникновению вреда относительно status quo до совершения правонарушения, но вообще любое упущение, которое повлекло недополучению конкурсной массой денежных средств на любую сумму.

Ключевым отличием от корпоративной категории разумности, реализуемой по формуле «действовать не хуже других директоров», является то, что арбитражный управляющий должен действовать максимально эффективно.

Нельзя не заметить, что требования Постановления №62 в полной мере применимы к деятельности арбитражных управляющих, но имеют куда меньший охват, чем категории, предлагаемые Законом о банкротстве.

Представляется, что применительно к вопросу гражданско-правовой ответственности, основное значение имеет сочетание публичного и частного в статусе управляющего.

О частноправовой природе статуса арбитражного управляющего в делах о банкротстве свидетельствует и практика Верховного Суда РФ.

Например, в определениях от 05.05.2023[2] Верховный Суд РФ указал, что «вознаграждение арбитражного управляющего носит частноправовой встречный характер (пункт 1 статьи 328 ГК РФ), к нему применяются правила о договоре возмездного оказания услуг». В рамках тех же судебных актов Верховный Суд РФ подчёркивает: размер стимулирующего вознаграждения арбитражного управляющего фактически определяется качеством оказанных

---

[1] См.: п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих» // Вестник экономического правосудия РФ. 2012. №08.

[2] Определение Верховного Суда РФ № 306-ЭС20-12147 (14) от 05.05.2023 г., Определение Верховного Суда РФ № 306-ЭС20-14681(13) от 05.05.2023 // СПС «Консультант Плюс».

управляющим услуг.

Между тем, такая позиция входит в противоречие с позицией Конституционного Суда РФ, высказанной в пункте 5 Постановления от 19.12.2005 № 12-П[1], согласно которому деятельность арбитражного управляющего не является предпринимательской и сопряжена с осуществлением преимущественно публичных функций.

Обратим внимание и на позиции, согласно которым природа вознаграждения арбитражного управляющего соответствует вознаграждению по договору подряда[2] и облагается налогом как доход, полученный от предпринимательской деятельности[3].

Более того, Верховный Суд РФ также указывал на то, что к регулированию деятельности арбитражных управляющих применяется трудовое законодательство в части защиты коллективных прав арбитражных управляющих[4].

Таким образом, судебная практика не позволяет однозначно определить правовую природу деятельности и вознаграждения арбитражного управляющего. Полагаем, что подобная противоречивость вызвана сочетанием как частноправового, так и публично-правового элементов в правовом регулировании.

В науке нашла отражение позиция, согласно которой арбитражный управляющий не состоит в договорных отношениях с должником и кредиторами, при этом характер взаимоотношений управляющего и

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3 (ч. 1). Ст. 335.

[2] См.: п.5 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 3.

[3] Белых В.С. Правовые основы банкротства юридических лиц: Учебное пособие. Екатеринбург, 1996. С. 29; Постановление Президиума ВАС РФ от 04.03.2014 №17283/13 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. №7.

[4] Определение ВС РФ от 20.08.2020 №307-ЭС20-10788 по делу № А56-124198/2019 // СПС «Консультант Плюс».

должника является имущественным[1].

Именно указанная позиция представляется концептуально верной, поскольку признание за взаимоотношениями арбитражного управляющего и кредиторов природы одного из поименованных в ГК РФ договоров, равно как и характера трудового договора, должно повлечь за собой применение к подинституту арбитражного управления ряда дополнительных норм, свойственных соответствующей правовой конструкции. Между тем, этого не происходит на практике и, как представляется, происходить не должно в силу противоречия диспозитивности, свойственной ГК РФ, и гарантий, свойственных ТК РФ, функциям арбитражного управляющего.

В связи с этим полагаем, что арбитражные управляющие всё же являются самостоятельными участниками правоотношений несостоятельности, поскольку являются носителями ***собственного правового интереса в конкурсных правоотношениях, являющихся частноправовыми.*** Правовой интерес управляющих находит отражение главным образом в форме стимулирующего вознаграждения.

Нельзя при этом не отметить неоднозначность правовой природы стимулирующего вознаграждения. Так, стимулирующее вознаграждение лишается изначального смысла в контексте учащения случаев привлечения управляющих к ответственности.

Привлечение арбитражного управляющего к ответственности в связи с бездействием и недополучением денежных средств показывает, что на самом деле его деятельность строится исключительно в рамках ***обязанности приложить максимальные усилия***.

Соответственно, управляющий не может иметь права сделать что-то дополнительно, чтобы улучшить результат своей деятельности, т.к.

---

[1] Шишмарева, Т. П. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: основания, условия, страхование. Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2023. № 4. С. 95; Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М., 2015. С. 52 // СПС «Консультант Плюс».

совершение этого дополнительного действия уже автоматически входит в его обязанности.

Между тем, полагаем, что указанная ситуация складывается во многом из-за недостаточной разработанности системы стандартов деятельности арбитражных управляющих, на которые суды могли бы опираться при разрешении споров о ненадлежащем исполнении управляющими своих обязанностей.

Полагаем, что с точки зрения ratio legis, поскольку закон устанавливает всё же именно стимулирующее вознаграждение, управляющий как минимум концептуально обладает собственным имущественным интересом[1].

Указанный вывод позволяет говорить о том, что ответственность арбитражного управляющего может определяться как гражданско-правовая во всех её аспектах, т.е. не только с точки зрения наличия вреда, но и с точки зрения мотивов поведения. Обладая собственным правовым интересом, управляющий может, например, в отличие от уполномоченного органа, быть признан аффилированным с бенефициарами должника и т.д.

Указанный подход в совокупности с наличием обязанностей действовать добросовестно и разумно, а также отдельных обязанностей, предусмотренных Законом о банкротстве, позволяет сделать вывод о том, что ответственность арбитражного управляющего за вред, причинённых в деле о банкротстве должнику или кредиторам, не должна реализовываться по модели генерального деликта.

Убытки, причиняемые арбитражным управляющим при реализации им соответствующих полномочий, возникают в связи с нарушением им заранее установленных обязанностей в рамках уже существующего правоотношения. Т.е. ***со стороны управляющего не происходит вторжения в отношения***

[1] Яковенко А.А. К вопросу о распределении расходов на страхование гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 8 (287). С. 109.

третьих лиц, что свойственно генеральному деликту[1].

При этом, как было указано, не происходит и нарушения договорных или аналогичных им обязанностей, т.к. управляющий не состоит в подобных отношениях с должником или кредиторами.

Полагаем, что это свидетельствует об особой конкурсной природе ответственности арбитражного управляющего.

Следует отметить, что под убытками в судебной практике понимается и утрата возможности увеличения конкурсной массы, причиной которой явилось неправомерное бездействие арбитражного управляющего[2]. Исходя из прямого указания Закона о банкротстве арбитражный управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей и факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда (п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве).

Обязанность управляющего по возместить убытки должнику, кредиторам или иным лицам является формой гражданско-правовой ответственности. Именно этим обусловлено то, что взыскание убытков с арбитражного управляющего происходит по правилам ст. 15 ГК РФ.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 150, «под убытками, причиненными должнику, а также его кредиторам, понимается любое уменьшение или утрата возможности увеличения конкурсной массы, которые произошли вследствие неправомерных действий (бездействия) конкурсного управляющего, при этом права должника и конкурсных кредиторов

---

[1] Интервенция в чужие договорные отношения: оспаривание сделки или взыскание убытков: Науч.-практ. круглый стол. 01.02.2019. URL: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchno-prakticheskiy_kruglyi_stol_intervenciya_v_chugie_dogovornye_otnosheniya_osparivanie_sdelki_ili_vzyskanie_ubytkov (дата обращения: 10.05.2024).

[2] См., напр., Определение СКЭС ВС РФ от 26.10.2017 № 305-ЭС17-8225 по делу №А40-154653/2015 // СПС «Консультант Плюс».

считаются нарушенными всякий раз при причинении убытков»[1].

Как разъяснено в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факт нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

А.В. Каверзина, анализируя риски возложения имущественной ответственности на управляющих, обозначает среди них неправомерные действия лиц, участвующих в деле о банкротстве, а также изменение вектора судебной практики и приходит к выводу о том, что «на арбитражного управляющего возложена вся совокупность управляемых и неуправляемых факторов риска, что представляет собой концептуальную ошибку»[2].

В науке и судебной практике высказывается обоснованная позиция о том, что арбитражный управляющий должен нести ответственность исключительно при выявлении его вины в наступлении неблагоприятных имущественных последствий[3].

Таким образом, в качестве основания ответственности арбитражного управляющего выступает вред, причиняемый должнику и кредиторам. Причинение такого вреда происходит в рамках уже сложившегося конкурсного правоотношения, что означает, что в основании ответственности арбитражного управляющего лежит конкурсный деликт.

Из позиции ВС РФ следует, что возложение ответственности на арбитражного управляющего происходит исключительно в процессуальной

---

[1] См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих» // Вестник экономического правосудия РФ. 2012. №08.

[2] Каверзина А.В. Системный кризис института банкротства через призму практики привлечения арбитражных управляющих к имущественной ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 10. С. 43.

[3] Шишмарева Т. П. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: основания, условия, страхование. Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2023. № 4. С. 95; Определение ВС РФ от 02.08.2022 № 307-ЭС21-25812(3) по делу № А56-28632/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

форме и оформляется судебным актом[1]. При этом следует заметить, что привлечение арбитражного управляющего к гражданско-правовой ответственности допускается как в рамках дела о банкротстве, так и в исковом производстве по окончании конкурсного производства (абз. 2 п. 53 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 №35). При этом отметим, что привлечение управляющего к ответственности вне рамок дела о банкротстве не означает его оторванности от конкурсного правоотношения, поскольку предмет доказывания по иску о привлечении управляющего к убыткам в рамках общеискового производства будет сформирован вокруг действий (бездействия) управляющего, которые имели место в процедуре банкротства.

Из анализа сложившейся судебной практики можно обнаружить, что наиболее распространёнными формами причинения вреда управляющими являются:

а) бездействие или неисполнение обязанностей, которые выражаются в непринятии мер по поиску имущества должника, обеспечению сохранности имущества должника, бездействие в части предотвращения вреда конкурсной массе (например, непринятие мер по расторжению невыгодных договоров), бездействие при реализации мероприятий по пополнению конкурсной массы (например, по оформлению прав на недвижимое имущество, пропуск сроков исковой давности на взыскание задолженности, непринятие мер по истребованию имущества должника из чужого владения, незаявление о снижении неустойки по правилам ст. 333 ГК РФ, отказ от иска, непринятие наследства) и др.[2]

б) неправомерные действия, например, совершение вредоносных

---

[1] Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом ВС РФ 11.10.2023) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 12.

[2] Письмо ФНС России от 30.12.2021 No КЧ-4-18/18 «О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным со взысканием убытков с арбитражных управляющих, за период 2019–2021 год» // СПС «КонсультантПлюс»; Шишмарева Т. П. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: основания, условия, страхование // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2023. № 4. С. 97.

сделок, необоснованные расходы на привлечение третьих лиц для исполнения обязанностей арбитражного управляющего, необоснованные публикации на ЕФРСБ и т.д.

Таким образом, основание ответственности управляющего в форме взыскания убытков – конкурсный деликт, связанный с причинением вреда конкурсной массе должника, может быть совершен в форме действия и бездействия.

Заметим, что российский закон о банкротстве не содержит указаний на возможность оспаривания бездействия управляющего как сделки и применения соответствующих механизмов восстановления прав должника и кредиторов[1].

В случае, если судом будет установлено, что действия управляющего, приведшие к возникновению вреда, например, пропуск срока исковой давности, были совершены намеренно, то единственной возможностью для компенсации имущественных потерь будет взыскание убытков.

Следует заметить, что взыскание убытков далеко не всегда будет являться эффективным способом защиты прав кредиторов.

Известно, что что возмещение вреда, причинённого арбитражным управляющим, обеспечивается одним или двумя договорами страхования ответственности, а также компенсационным фондом СРО. При этом в доктрине неоднократно высказывалась позиция о неэффективности указанных механизмов[2].

Сложившаяся ситуация оставляет эффективным только привлечение управляющего к убыткам за бездействие. Набор обязанностей арбитражного управляющего сформулирован достаточно абстрактно и в совокупности с

---

[1] Шишмарева Т.П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 443–444.; Бирклей В. Оспаривание бездействия в банкротстве по праву Германии и России. Журнал «Цивилистика». № 3. 2022. С. 116.

[2] См., напр., Шишмарева Т. П. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: основания, условия, страхование // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2023. № 4. С. 99-109.

универсальным механизмом взыскания убытков с управляющего, позволяет возложить на него (а также страховую организацию и СРО) весь объём возникшего вследствие бездействия вреда.

Сложившаяся судебная практика[1] указывает и на возможность привлечения лиц, находившихся в сговоре с управляющим, к солидарной ответственности в рамках генерального деликта.

Между тем, взыскание денежных средств в вопросах бездействия не всегда эффективно, например, из-за дальнейшего вывода имущества при наличии в цепочке сделок добросовестного лица. Более того, само по себе доказывание наличия сговора для целей привлечения к солидарной ответственности может являться затруднительным.

Как указывает Т.П. Шишмарева, «условия гражданско-правовой ответственности можно вывести из генерального деликта, закрепленного в ст. 1064 ГК РФ с особенностями, установленными ст. 20.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: 1) противоправное поведение; 2) убытки, причиненные должнику кредиторам и иным лицам; 3) вина; 4) причинно-следственная связь между противоправным поведением и причиненным имущественным вредом»[2].

Невозможно не согласиться с приведёнными элементами правонарушения, влекущего взыскание с арбитражного управляющего убытков. Вместе с тем, полагаем необходимым заметить, что наступление вреда вследствие действий арбитражного управляющего и привлечение его к ответственности возникает не в связи с нарушением общего запрета на причинение вреда, закреплённого в ст. 1064 ГК РФ.

Как уже отмечалось, арбитражный управляющий является носителем множества обязанностей, нарушение которых в форме действия или

---

[1] См.: Определение ВС РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС17-10793 (26-28) по делу № А56-45590/2015 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Шишмарева, Т. П. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: основания, условия, страхование // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2023. № 4. С. 95.

бездействия ложится в основание ответственности. При этом невиновность причинения вреда должна свидетельствовать о невозможности привлечения к ответственности. Исходя из смысла ст. 1064 ГК РФ и доктрины генерального деликта, любой вред признается противоправным.

Соответственно, выведение условий ответственности управляющего через генеральный деликт предполагает противоправность как «автоматическое» условие ответственности.

Между тем, невиновно причинённый управляющим вред в ситуации, когда управляющий действовал (бездействовал) добросовестно и разумно, не может быть противоправным (например, при предотвращении большего вреда или в случае, если управляющий предпринял все зависящие от него действия для обеспечения сохранности имущества[1]).

Кроме того, в ситуации, когда ответственность управляющего была застрахована и страховая организация выплатила страховое возмещение в связи с удовлетворением требований о взыскании убытков, регрессное требование к управляющему возможно только в случае наличия в действиях арбитражного управляющего признаков незаконных действий с целью получения собственной выгоды[2].

Постановлением № 62 разъяснено, что для привлечения управляющего к ответственности необходимо (а) доказать противоправность – неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанностей; (б) определить наличие и размер убытков; (в) установить причинно-следственную связь.

В связи с этим полагаем, что источником ответственности управляющего должно являться специальное конкурсное законодательство, при этом в качестве основания ответственности выступает вред, а её

---

[1] Например, в ситуации, когда обремененное залогом имущество было утрачено в связи с непередачей на хранение, однако управляющий предпринял все возможные действия для согласования условий хранения и обеспечения сохранности имущества с залоговым кредитором и не получил ответа. См., напр., Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.12.2022 по делу А07-32126/2017 // СПС «Консультант Плюс»

[2] См.: Определение Верховного Суда РФ от 19.09.2023 № 305-ЭС23-8302 по делу № А40-81332/2022 // СПС «Консультант Плюс».

условиями являются вина, противоправность и причинно-следственная связь между противоправным действием (причиной) и вредом (следствием).

При этом противоправность возможно установить только если поведение управляющего отклоняется от стандартов, предусмотренных законодательством о банкротстве, т.е. при неисполнении обязанностей арбитражного управляющего.

Таким образом, вина и противоправность как условия ответственности тесно связаны, что представляет собой заметную проблему в судебной практике, однако не тождественны: всякое недобросовестное и неразумное поведение предполагает наличие вины, однако не всякий вред наступает в результате недобросовестности или неразумности.

Текущая судебная практика не позволяет определить, какая из двух моделей взыскания убытков должна применяться при взыскании убытков с арбитражных управляющих. Так, привлекая управляющих на основании ст. 20.3 Закона о банкротстве к ответственности в форме взыскания убытков, суды не указывают на то, каким образом кредиторы и должник вправе удовлетворять свои требования за счёт права требования к управляющему.

Полагаем, что в настоящем случае может быть применена изложенная ранее логика ВС РФ о том, что вред, причиняемый непосредственно кредиторам, влечёт применение модели кредиторских убытков.

Невозможно не заметить, что в ходе процедур банкротства основными бенефициарами деятельности управляющего являются кредиторы, поскольку именно приоритет на удовлетворении их требований обуславливает сущность правового регулирования института банкротства в РФ[1].

Соответственно, уменьшение размера конкурсной массы, подлежащей распределению между кредиторами, причиняет вред самим кредиторам.

С такой точки зрения право требования к арбитражному

[1] Кондрат Е.Н. Неэффективность законов и пробелы в законодательстве как угроза финансовой безопасности государства // Административное и муниципальное право. 2011. №6 (42). С.72.

управляющему должно иметь правовой режим требования к контролирующему должника лицу, возникшего вследствие привлечения последнего к субсидиарной ответственности (ст. 61.17 Закона о банкротстве).

Специальный характер конкурсного деликта, совершаемого арбитражным управляющим, тем более подчеркивается тем, что бремя доказывания по таким спорам перераспределено (относительно обычных дел о взыскании убытков) не в пользу управляющего[1].

Опять же заметим, что формирование таких особенностей доказывания произошло в рамках «судебного правотворчества» и, возможно, не предполагалось законодателем изначально.

Между тем суды самостоятельно тяготеют к смещению баланса в доказывании не в пользу управляющего. Полагаем, что такая ситуация обусловлена описанным информационным дисбалансом: именно управляющий является лицом, наиболее осведомленным как о текущих делах должника, так и о собственных правонарушениях. Следовательно, в рамках обычного стандарта доказывания, при котором вина причинителя вреда, размер убытков и причинно-следственная связь между неправомерными действиями (бездействием) ответчика и причиненным ущербом должны быть доказаны истцом, недобросовестный арбитражный управляющий зачастую имел бы заведомо более сильное положение.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что действия арбитражного управляющего (например, внешнего или конкурсного управляющего) могут иметь определяющее влияние на платёжеспособность должника и её восстановление.

Так, например, внешний управляющий является лицом, чья деятельность в силу норм главы VI Закона о банкротстве направлена на восстановление платежеспособности должника.

---

[1] Определение ВС РФ от 26.10.2017 по делу № А40-154653/2015 № 305-ЭС17-8225 // СПС «Консультант Плюс».

При этом, в силу ст. 99 Закона о банкротстве внешний управляющий является руководителем должника, вправе заключать сделки от его имени, заявлять отказ от исполнения договоров должника и др.

Таким образом, внешний управляющий (в той же мере как и конкурсный) является лицом, определяющим действия должника. Кроме того, как уже было указано, арбитражный управляющий не связан решениями, принимаемыми на собрании кредиторов, т.е. является самостоятельным и предполагается независимым.

В таком контексте несложно смоделировать ситуацию, при которой действия внешнего управляющего привели к ухудшению имущественного положения должника и утрате возможности восстановить его неплатежеспособность (например, при умышленном выводе имущества должника в пользу аффилированных с управляющим лиц).

При этом, в силу введения той или иной процедуры банкротства к моменту совершения подобного правонарушения, арбитражный управляющий причиняет вред не только должнику, но и всем его кредиторам, которые, в таком случае, должны приобретать право на прямой иск к причинителю вреда.

В связи с этим полагаем возможным сделать вывод о том, что арбитражный управляющий, недобросовестно использовавший свой контроль над должником в ситуации, когда ещё сохранялась возможность восстановить платёжеспособность, и в связи с действиями которого такая возможность была утрачена, подлежит привлечению к ответственности именно как контролирующее лицо на основании пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве.

Отстранение управляющего как форма конкурсной ответственности

Также в науке нашла отражение позиция, согласно которой отстранение арбитражного управляющего также является формой его

ответственности[1].

Например, Е.В. Богданов указывает, что отстранение арбитражного управляющего является административной формой ответственности[2]. Существует и позиция, согласно которой отстранение признаётся новым видом юридической ответственности, применимой к субъектам профессиональной деятельности[3].

В актуальной судебной практике 2025 года также впервые нашла отражение похожая позиция. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 07.07.2025 г. № 307-ЭС20-2151 (73) по делу № А44-1127/2019 указано следующее: «… необходимо оценивать целесообразность ***отстранения, как санкции***, которая, в первую очередь, должна способствовать восстановлению нарушенных прав или законных интересов кредиторов».

Полагаем указанную позицию верной при следующих оговорках.

Ответственность арбитражных управляющих в форме отстранения представляется нам гражданско-правовой, поскольку базируется на том же конкурсном деликте, что и взыскание убытков с управляющего – неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей управляющего. Единственным существенным отличием является то, что ответственность в форме отстранения наступает не только при причинении вреда, но и в случае, если действиями управляющего создается риск возникновения такого вреда.

Условия ответственности, при этом, сохраняются: вина, противоправность и причинно-следственная связь.

Именно связанность с убытками[4] (наступившими или возможными) не позволяет отнести такую форму ответственности к неимущественной ответственности.

---

[1] Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 13.

[2] Богданов Е.В. Ответственность арбитражного управляющего в деле о банкротстве // Адвокат. 2014. № 8. С. 5-10.

[3] Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2017. С. 414.

[4] О чем прямо свидетельствует абз. 3 ст. 145 Закона о банкротстве.

При этом наличие неимущественного характера может быть свойственно отдельным формам и видам гражданско-правовой ответственности.

Так, например, гражданским законодательством в отдельных случаях может быть предусмотрена ответственность в форме лишения неимущественного права, которая является единственной санкцией на совершенное правонарушение (например, лишение родительских прав[1] или уже упомянутые корпоративно-правовые санкции).

Также можно отметить, что гражданское законодательство предусматривает применение к правонарушителю и конфискационных санкций, которые, являясь имущественными, не связаны с реализацией компенсационной функции гражданско-правовой ответственности[2].

Таким образом полагаем, что несмотря на общий подход к гражданско-правовой ответственности как к имеющей имущественный и восстановительный характер, нельзя не отметить наличие предусмотренных законом исключений из указанного правила.

С учетом признания за правоотношениями, складывающимися между арбитражным управляющим и должником, гражданско-правовой природы, нельзя не признать соответствующей природы за ответственностью, вытекающей из подобных правоотношений в связи с совершением деликта. Нельзя также не отметить, что к ответственности в форме отстранения управляющего, в частности, для установления факта совершения правонарушения применяются, например, такие общегражданские категории как добросовестность (недобросовестность) и разумность (неразумность).

Более того, как уже было указано выше, арбитражный управляющий в

---

[1] См. Григорьева А.Г. Мера семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав // Теория и практика общественного развития. 2013. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mera-semeyno-pravovoyotvetstvennosti-v-vide-lisheniya-roditelskih-prav (дата обращения: 25.02.2025).

[2] См., напр.: Грибанов В.П. Указ. соч.; Кархалев, Д. Н. Гражданско-правовые формы охранительных отношений / Д. Н. Кархалев // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 58.

деле о банкротстве является обладателем самостоятельного имущественного интереса и выступает самостоятельным субъектом гражданско-правовых конкурсных отношений.

Имущественная составляющая ответственности в форме отстранения управляющего, в свою очередь, выражается в утрате управляющим возможности по получению стимулирующего и фиксированного вознаграждения.

Например, в сложившейся судебной практике стимулирующее вознаграждение рассматривается как премия управляющего за эффективное и добросовестное исполнение обязанностей. Если управляющий отстранён судом за нарушения (например, сокрытие активов, конфликт интересов, нарушение процедур), это становится основанием для отказа в выплате. Суды подчёркивают, что право на вознаграждение возникает только при полном и качественном выполнении задач в рамках процедуры банкротства[1]. Указанный вывод подтверждается многими примерами из судебной практики[2].

Несмотря на то, что такого рода санкция не нашла своего буквального отражения в ст. 145 Закона о банкротстве, её фактическая реализация вытекает из установленных ВС РФ правил о стимулирующем вознаграждении.

Фактически, в случае отстранения арбитражного управляющего, последний ограничивается в праве на получение денег, на которые он мог бы рассчитывать в аналогичной ситуации, не сопряженной с деликтом.

---

[1] Жигитов А. Стимулирующее вознаграждение арбитражного управляющего: регулирование, актуальные проблемы судебной практики [Электронный ресурс] // ЭЖ-Юрист. URL: https://www.eg-online.ru/article/482872/ (дата обращения: 23.05.2025).

[2] См., например, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.11.2024 № Ф08-10138/2024 по делу № А53-32643/2020 // СПС «Консультант Плюс», Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.08.2022 № Ф10-4679/2015 по делу 3 А62-427/2015 // СПС «Консультант Плюс», Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11.10.2021 № Ф10-5418/2018 по делу № А48-7486/2016 // СПС «Консультант Плюс».

Соответственно, применение санкции в виде отстранения в отношении управляющего не может не затрагивать его имущественный интерес.

Нельзя при этом не отметить и того, что имущественные последствия не входят в содержание указанной санкции: ни лишение управляющего вознаграждения в качестве наказания, ни использование невыплаченной части вознаграждения не являются тем, на что в действительности направлено отстранение. Поэтому полагаем, что имущественная составляющая, хотя и является неотъемлемой, все же представляется как побочная или косвенная составляющая ответственности в форме отстранения управляющего.

Особенно следует оговориться о том, что случаи отстранения управляющих, в рамках которых реализуется именно гражданско-правовая ответственность, не тождественны всем случаям отстранения вообще.

Например, ст. 145 Закона о банкротстве предусматривает одновременно несколько оснований, в связи с которыми может произойти отстранение управляющего:

1) неисполнение или ненадлежащее исполнение управляющим своих обязанностей;
2) несоответствие управляющего требованиям, предъявляемым к арбитражным управляющим;
3) административная дисквалификация.

На наш взгляд является очевидным то, что отстранение управляющего в связи с его дисквалификацией не является формой гражданско-правовой ответственности, поскольку не обязательно вытекает из конкурсных правоотношений вообще (т.к. управляющий может быть дисквалифицирован как директор[1]).

Отстранение в связи с несоответствием управляющего требованиям,

[1] См.: п. 1 ст. 3.11 КоАП РФ; Определение Верховного Суда РФ от 07.06.2016 № 309-КГ16-7485 // СПС «Консультант Плюс».

предъявляемым к арбитражным управляющим, на наш взгляд также не является мерой гражданско-правовой ответственности и в большей степени обусловлено теми публично-правовыми функциями подинститута арбитражного управления. Подчеркнём, что в указанном случае отстранение происходит не в связи с совершением деликта.

Также заметим, что сочетание имущественного и неимущественного элементов указанной формы ответственности предполагают отнесение её к нетипичным формам конкурсной ответственности.

Подытоживая, следует отметить, что конкурсная ответственность арбитражных управляющих может быть реализована в двух формах: в форме взыскания убытков и отстранения управляющего.

Взыскание убытков с арбитражного управляющего реализуется в общем порядке, при этом полагаем необходимым отметить необходимость доработки законодательного регулирования механизма ответственности арбитражного управляющего.

Так, на настоящий момент закон не учитывает, во-первых, существенный информационный дисбаланс, складывающийся во взаимоотношениях управляющего и иных субъектов конкурсных правоотношений, во-вторых, то, что вред, причиняемый управляющим, всегда направлен против конкурсных кредиторов и, в-третьих, то, что на настоящий момент отсутствуют проработанные стандарты деятельности управляющих, на которые бы можно было опираться при установлении степени надлежащего поведения.

Отстранение арбитражного управляющего также является формой конкурсной ответственности, характеризующейся смешением имущественного и неимущественного начал. При этом отстранение арбитражного управляющего не всегда связано с нарушением прав должника и кредиторов, например, при несоответствии требованиям, предъявляемым к определенным категориям должников, в связи с чем в качестве формы конкурсной ответственности предлагается понимать исключительно

отстранение, связанное с неисполнением или ненадлежащим исполнением управляющим своих обязанностей.

3. Ответственность контролирующих должника лиц

Несмотря на разнообразие лиц, участвующих в делах о банкротстве, основными ответчиками по спорам, связанным с привлечением к конкурсной ответственности, являются контролирующие должника лица.

Как указывает Право.ру, по данным Федресурса за первое полугодие 2024 года, количество поданных заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности относительно показателей предыдущего года осталось аналогичным. При этом к ответственности привлекли 2426 контролирующих лиц против 2599 за аналогичный период 2023, что свидетельствует о незначительном снижении показателя[1].

Следует заметить, что в последние годы количество заявлений и судебных актов о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности снизилось, если брать в расчет абсолютные величины[2]. При этом соотношение поданных заявлений к проценту их удовлетворения напротив увеличилось.

Полагаем, что такая статистика обусловлена развитием судебной практики и постоянно продолжающимся «разоблачением» моделей недобросовестного поведения КДЛ.

---

[1] См.: материал на портале Право.РУ. Ответственность руководства: новые подходы к взысканию убытков. URL: https://pravo.ru/story/255346/?ysclid=m6xoxhwb724868902 (дата обращения: 09.02.2025).

[2] См.: Статистический бюллетень ЕФРСБ за 2023 г. URL: https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%80%D1%81%20%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%202023.pdf (дата обращения: 06.11.2025).

Вопрос о природе различных форм ответственности контролирующих должника лиц, как представляется, достаточно глубоко изучен в доктрине права, однако не теряет своей актуальности в связи с постоянно развивающейся судебной практикой и вновь возникающей необходимостью исследовать новые и новые взаимосвязи в рамках института.

При этом на сегодняшний день в доктрине отсутствуют исследования, посвященные месту ответственности контролирующих лиц в системе конкурсной ответственности.

В Законе о банкротстве закреплены две модели ответственности КДЛ, в корпоративном законодательстве – ещё одна.

Во-первых, это субсидиарная ответственность. Сразу оговоримся, что Закон о банкротстве закрепляет два различных основания субсидиарной ответственности различного наполнения.

Во-вторых, это убытки. Как уже было указано, в рамках дел о банкротстве убытки могут подразделяться на кредиторские и корпоративные, разграничению которых также следует уделить отдельное внимание.

При рассмотрении вопроса об ответственности контролирующих лиц в первую очередь необходимо установить критерии, в связи с которыми то или иное лицо может быть признано КДЛ.

Ст. 61.10 Закона о банкротстве определяет контролирующее должника лицо как «физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий».

Таким образом, закон определяет контролирующее должника лицо через контроль над должником, осуществлявшийся в течение установленного периода.

Следует отметить, что сам законодатель предлагает признаки, позволяющие установить наличие контроля. Непосредственно в законе закреплены следующие признаки:

1) нахождение с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства;

2) должностное положение, позволяющее определять действия должника;

3) наличие полномочий совершать сделки от имени должника в качестве его представителя;

4) наличие возможности определять действия (оказывать принуждение на) руководителя или членов органов управления должника каким-либо образом.

При этом законодательный перечень таких признаков не закрыт и представляет собой скорее ориентир для судов, которые будут устанавливать статус КДЛ при рассмотрении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности.

Из судебной практики также не следует абсолютно четких критериев: Верховный Суд РФ предлагает судам устанавливать наличие статуса КДЛ в каждом отдельном случае руководствуясь общими программными установками, заданными законом, при этом делая особый акцент на сопричастности ответчика к причинению вреда кредиторам.

В конечном итоге можно сделать вывод о том, что контролирующее должника лицо – это не всегда лицо, имеющее юридическую власть над должником, но и лицо, фактически способное определять действия должника[1].

Заметим, что установление такого статуса не презюмирует виновности КДЛ в доведении должника до банкротства или причинении ему вреда. Более

[1] См., напр., Одинцов С.В., Чикин Н. С. Субсидиарная ответственность руководителя и собственника должника: актуальные вопросы доктрины и правоприменительной практики. Имущественные отношения в РФ. 2019. №12 (219). С. 76.

того, наличие статуса КДЛ зачастую является сложным для доказывания, чем также обусловлено законодательное закрепление соответствующих специальных деликтов, характеризующихся различным «стандартом доказывания»[1].

Особенностью отечественного правопорядка является то, что для целей привлечения к субсидиарной ответственности за доведение до банкротства юридическая функция, осуществляемая КДЛ, имеет значение лишь для цели квалификации статуса такого лица в качестве КДЛ. В дальнейшем, если речь идёт о субсидиарной ответственности или о «кредиторских» убытках, правовой статус таких лиц не определяет размер ответственности или иные особенности.

Полагаем, что в рамки настоящего диссертационного исследования не входит изучение отдельных аспектов механизма субсидиарной ответственности, при этом полагаем необходимым обозначить закреплённые в законе разновидности субсидиарной ответственности, их основания и основные отличия.

Основным предусмотренным российским законодательством видом субсидиарной ответственности является субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов, предусмотренная п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве. В основании такой ответственности лежит специфическое правонарушение – доведение должника до банкротства.

Как уже было указано, виновность КДЛ не предполагается – невозможность удовлетворения требований кредиторов должна наступить вследствие действий и (или) бездействия КДЛ. Формулировка п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве содержит указание на такое условие ответственности, как причинно-следственная связь, п. 10 названной статьи – на виновность

[1] Об обоснованности применения категории стандарта доказывания см.: Тарасенко А.А. Указ. соч. С.129.

контролирующего лица.

Вопрос о вреде как элементе состава гражданского правонарушения вызывает в науке некоторые споры[1], однако большая часть ученых сходится на том, что вред всё же является основанием субсидиарной ответственности[2] и связывается с уменьшением имущественной массы должника вследствие виновных действий контролирующего лица.

Сам факт невозможности удовлетворения требований кредиторов предполагается уже на стадии признания должника банкротом и открытия конкурсного производства, однако размер недостаточности имущества определяется именно на момент окончания расчета с кредиторами.

Одновременно с ответственностью за доведение до банкротства закон предусматривает субсидиарную ответственность иной природы – за несвоевременную подачу заявления должника о банкротстве.

Ст. 61.12 Закона о банкротстве указывает, что лица, имевшие право на обращение в арбитражный суд с заявлением должника о банкротстве, но не сделавшие этого в течение месяца с момента возникновения признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества, несут ответственность перед теми кредиторами, которые вступили в отношения с должником после указанной даты.

Указанная разновидность субсидиарной ответственности существенным образом отличается от других форм конкурсной ответственности, поскольку её наступление обусловлено наличием установленной законом обязанности активного типа. Возникновение такой обязанности связано с моментом возникновения конкурсного

---

[1] Позицию о том, что в основании субсидиарной ответственности лежит вред, некоторые учёные подвергают критике. См, напр., Суворов Е. Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства. Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 44.

[2] Шишмарева Т.П. Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника и иных лиц в процедурах несостоятельности (банкротства). Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 7.

правоотношения, т.е. с моментом появления признаков банкротства, на что прямо указывает п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве.

Однако, если исследовать причины законодательного закрепления такой обязанности, можно прийти к выводу, что обязанность проинформировать кредиторов о наличии признаков неплатёжеспособности является частным случаем обязанности вести себя добросовестно, что следует из п. 9 Постановления № 53 и во многом роднит такую ответственность с другими формами конкурсной ответственности. Указанный вывод, на наш взгляд, подкрепляется тем, что освобождение от ответственности по рассматриваемому основанию наступает в случае, если ответчик сможет доказать свою добросовестность при неподаче заявления[1].

Круг субъектов такой ответственности отличается от субъектов ответственности за доведение до банкротства и включает в себя лиц, имевших юридические полномочия, связанные с обращением должника в лице органов его управления в суд с заявлением о банкротстве[2].

Помимо уже изложенных, закон предусматривает и третью форму субсидиарной ответственности – за причинение существенного вреда, не приведшего к возникновению признаков неплатёжеспособности, но приведшего в невозможности восстановления платежеспособности должника (пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Из приведенных в законе формулировок не возникает сомнений в том, что наступление указанной ответственности также связано с причинением вреда и связано с теми же условиями ответственности, что и ответственность за доведение до банкротства. При этом из разъяснений ВС РФ следует, что такая ответственность наступает не за любой вред, а за т.н. «контрольный

---

[1] Быков В. П. Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве должника // Современное право. 2018. № 7-8. С. 64.

[2] Быков В.П. Указ. соч. С. 62.

выстрел»[1], в связи с которым восстановление неплатёжеспособности должника стало окончательно невозможным.

Сразу отметим, что в связи с появлением в практике ВС РФ неизвестной ранее конструкции кредиторских убытков, возникает вопрос о соотношении таких убытков и субсидиарной ответственности по пп. 2 п.12 ст. 61.11 Закона о банкротстве. На наш взгляд проблема может иметь место при установлении соотношения рассматриваемых форм ответственности в темпоральном аспекте, поскольку в действительности представляется затруднительным разграничения «контрольного выстрела» и причинения вреда уже безальтернативно неплатежеспособному должнику.

Дискуссия по аналогичному вопросу уже имела место в доктрине и была разрешена на уровне Верховного Суда РФ[2].

В юридической науке выделяется несколько подходов к пониманию правовой природы субсидиарной ответственности, которые можно условно разделить на «деликтные» и «неделиктные».

Среди «деликтных» подходов отмечается определение правовой природы субсидиарной ответственности как деликта, причинённого непосредственно должнику, и как деликта, причинённого кредиторам должника.

Первая позиция предполагает, что любой вред, связанный с уменьшением конкурсной массы, направлен исключительно на должника[3].

Соответственно, если придерживаться подобного подхода, право требования к контролирующему лицу – деликвенту будет являться активом самого должника[4]. Кредиторы смогут получать удовлетворение своих

---

[1] Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 4. С. 174.

[2] Горбашев И.В. Указ. соч. С. 174.

[3] Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративной вуали // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 36.

[4] Там же. С. 38.

требований лишь за счёт реализации права требования на торгах или его взыскания в пользу должника, что подразумевает погашение его требований исключительно через конкурсную массу.

Такой подход, на наш взгляд, лишен многих внутренних противоречий, присущих иным подходам, однако не позволяет использовать и ряд отступлений от обычного деликта, являющихся однозначно полезными на практике. Так, обычная деликтная модель подразумевает, что имущество, поступающее от привлечения контролирующих лиц к ответственности, будет сосредоточено исключительно в рамках конкурсной массы.

Также возникают вопросы, касающиеся привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц ликвидированного должника. Складывается ситуация, при которой потерпевшее от действий деликвента лицо более не существует с точки зрения гражданского права, в связи с чем в правоотношении ответственности отсутствует кредитор, что при формальном подходе приводит к выводу о невозможности привлечения к ответственности.

При этом лица, имущественные права которых были нарушены в связи с непогашением их требований, продолжают существовать в состоянии незащищенного нарушенного права, что противоречит общим началам гражданского законодательства.

Дополнение механизма субсидиарной ответственности отступлениями, нивелирующими указанные недостатки, неизбежно приводит к иной квалификации его правовой природы.

Также, высказывалась позиция, согласно которой вред, причинённый контролирующим лицом, направлен непосредственно на имущественные права кредиторов должника[1]. При этом речь зачастую идёт именно о генеральном деликте.

---

[1] Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративной вуали // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 40.

Постановление №53, продолжая указанную позицию предлагает применять к вопросам регулирования субсидиарной ответственности нормы деликтного права, в т.ч. принцип генерального деликта. Такой подход подразумевает, что действия контролирующих лиц, связанные с уменьшением имущественной массы должника, направлены на причинение вреда непосредственно его кредиторам.

В рамках такого подходы кредиторы как потерпевшие от действий деликвента должны иметь право на предъявление прямого иска к деликвенту – контролирующему лицу, а также иметь право самостоятельно распоряжаться полученным вследствие привлечения к ответственности права требования.

Полагаем, что такая модель нашла отражение в действующем законодательстве и сложившейся российской правоприменительной практике.

Во-первых, в силу положений п.1 ст. 61.19 Закона о банкротстве после завершения процедуры банкротства или в случае её прекращения (из-за отсутствия средств на ее проведение) лицо, которое было наделено правом на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, сохраняет право на предъявление иска о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках общеискового производства.

Во-вторых, в соответствии с пп. 1 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве и позицией, изложенной в определении ВС РФ от 03.11.2022 №305-ЭС22-11632 по делу № А40-73945/2022[1], в случае, если должник был исключен из ЕГРЮЛ в административном порядке, кредитор такого лица, чье требование не было удовлетворено, вправе обратиться в арбитражный суд напрямую с заявлением о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

[1] Определение Верховного Суда РФ от 03.11.2022 №305-ЭС22-11632 по делу № А40-73945/2022 // СПС «Консультант Плюс».

Указанные примеры демонстрируют наличие у кредиторов права на непосредственное обращение в суд с требованием к деликвенту для защиты нарушенного права.

Полагаем, что наличие у ***каждого отдельного конкурсного кредитора*** (а также у арбитражного управляющего, как представителя гражданско-правового сообщества кредиторов) ***права*** на привлечение должника к субсидиарной ответственности является реализацией права на прямой иск кредитора к должнику.

Конкурсную массу в таком случае, равно как и само по себе дело о банкротстве, можно рассматривать как способ материальной и процессуальной консолидации требований кредиторов и имущества, за счёт которого эти требования будут удовлетворяться, направленный на наилучшую координацию и пресечение различного рода злоупотреблений. Конкурсная масса с точки зрения излагаемого подхода может быть признана своего рода фикцией, которая позволяет разрешить проблемы, в связи с которыми рассматриваемый подход критикуется в науке[1].

В-третьих, в соответствии со ст. 61.17 Закона о банкротстве конкурсные кредиторы вправе избрать в качестве способа реализации права требования к субсидиарному ответчику в виде уступки права требования напрямую к субсидиарному ответчику в размере требования соответствующего кредитора (его непогашенной части). При этом, как неоднократно отмечалось в судебной практике[2], уступка права требования к субсидиарному ответчику сама по себе не прекращает и не уменьшает прав кредитора относительно должника.

В такой ситуации контролирующее лицо и должник выступают в качестве солидарных должников перед каждым конкретным кредитором.

---

[1] Примеры критики см.: Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративной вуали // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 44.

[2] См., напр., определение Верховного Суда РФ от 03.05.2024 №35-ЭС21-19337 (2) по делу №А40-242492/2018 // СПС «Консультант Плюс».

Преимущества уступки заключаются в том, что кредитор имеет возможность сосредоточить свои усилия на взыскании задолженности к конкретному лицу, а также избежать злоупотреблений, связанных с аффилированностью арбитражного управляющего и субсидиарного должника.

Между тем, нельзя отрицать, что сам должник также фактически имеет право на получение части вырученных от субсидиарной ответственности денежных средств.

Складывается ситуация, в которой кредиторами контролирующего лица становятся одновременно и должник, и его кредиторы, причем должник находится в субординированной относительно его кредиторов позиции.

Интересно то, что в рамках процесса о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности суд привлекает контролирующее лицо к ответственности солидарно с должником, при этом не привлекая к ответственности самого должника. Фактически, контролирующее лицо несёт деликтную ответственность солидарно с должником в размере его непогашенных обязательств, не обязательно являющихся деликтными. При этом деликт контролирующего лица является самостоятельным и совершается не в связи с обязательственными правоотношениями, в которых состоят должник и его кредиторы, а в связи с недостаточностью имущества должника.

Представляется, что подобная ситуация не свойственна другим известным формам и видам ответственности.

Вторая группа подходов к природе субсидиарной ответственности заключается в её квалификации не в качестве деликта, а в качестве явления иной природы.

Нередко российская субсидиарная ответственность отождествляется с проникающей ответственностью, имеющей место в немецком праве, или прокалывающей ответственностью, свойственной англо-саксонским правовым системам.

Как указывается в литературе, прокалывающая ответственность («прокалывание корпоративного покрова») имеет место тогда, когда конструкция юридического лица используется с целью злоупотребления или иным недобросовестным образом, которого правопорядок не предполагал изначально и не приемлет в целом[1].

Наличие такого противоправного поведения позволяет суду не применять принцип ограниченной ответственности.

Таким образом, прокалывающая ответственность является непосредственной ответственностью лица, которое скрывается за фигурой юридического лица.

В вопросе о такого рода ответственности интересной представляется позиция, высказанная Е.А. Сухановым, который классифицирует возможные подвиды такой ответственности.

Среди таковых выделяется прямая (или подлинная), подразумевающая возможность кредиторов компании привлекать его участников к ответственности без каких-либо дополнительных условий (например, связанных со злоупотреблением); «ненастоящее проникновение», которое, например, имеет место в делах о банкротстве (т.е. деликтная ответственность); «поперечное проникновение», предполагающее право кредитора получить удовлетворение не только за счёт имущественной массы непосредственного должника и его корпоративного участника, но и за счёт «сестринских» компаний, которые ни прямо, ни косвенно не участвовали в правоотношениях с кредитором; а также «обратное прокалывание», используемое для погашения обязательств контролирующего лица за счёт подконтрольной компании[2].

С такой точки зрения «прокалывание корпоративной вуали» выходит

---

[1] Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 39.

[2] Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2004. С. 127.

далеко за рамки ответственности, представляя собой более широкое явление, поскольку, например, привлечение имущественной массы «сестринских» компаний для удовлетворения требований кредитора не следует из совокупности основания и условий ответственности[1].

В любом случае, одна из особенностей «прокалывания» в его англо-саксонском понимании является то, что такая ответственность может наступать как в рамках банкротства, так и в отрыве от него, без исследования вопроса о достаточности имущественной массы должника для удовлетворения требований.

Определяющим фактором для «прокалывания корпоративной вуали» является злоупотребление само по себе.

В целом вопрос о применимости доктрины «снятия корпоративной вуали» достаточно глубоко проработан в российской правовой науке[2], что, однако, не привело к обретению консенсуса относительно её применимости.

На наш взгляд достаточно затруднительным представляется внедрение теории о «снятии корпоративной вуали» в российской право в связи с тем, что обоснование последней происходило из других базовых посылок и основополагающих теорий, связанных с устройством правовой системы в целом. При этом тот правовой эффект, который достигается через «прокалывание», может быть обоснован более близкими российскому праву путями.

В таком контексте интерес представляет такое явление как известная

---

[1] Заметим, что складывающаяся на настоящий момент судебная практика не соответствует изложенному в делах о причинении вреда трансграничными группами компаний в связи с исполнением последними антироссийских санкций. См., напр., Постановление АС Московского округа от 16.04.2024 по делу № А40-167352/23-3-1320 // СПС «Консультант Плюс».

[2] См., напр., Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 7. С. 80.; Колонтаевская И.Ф. Проблемы взаимодействия корпоративного права России и зарубежных стран. Доктрина «снятия корпоративной вуали» // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. 2014. № 3. С. 43 и др.

немецкому гражданскому праву «проникающая ответственность».

Отметим, что в гражданском праве Германии вопрос о соотношении форм и видов ответственности не стоит столь остро, как в России, поскольку там отсутствует проблема конкуренции исков, и истец вправе выбирать наиболее удобный для него способ защиты прав[1].

В праве Германии проникающая ответственность также сформировалась на уровне судебной практики.

Как указывает А.В. Егоров, применение проникающей ответственности возможно в ограниченном числе ситуаций, а именно:

- при недокапитализации общества;

- несамостоятельности и зависимости общества от своих участников;

- смешении имущества общества и участника до такой степени, что невозможно разделить их имущественные массы[2].

В первом случае речь, как представляется, идёт об ответственности, непрямой аналог которой можно найти в российском Законе о банкротстве, а именно, в ст. 61.11 указанного закона.

При этом А.В. Егоров отмечает, что представление об недокапитализации самой по себе как основании ответственности является спорным[3].

На наш взгляд, субсидиарная ответственность за доведение до банкротства и пронизывающая ответственность за т.н. «материальную недокапитализацию» действительно могут иметь общие основания

---

[1] Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративной вуали // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 35.

[2] Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 43-44.

[3] Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 46.

применительно к части случаев[1].

Однако невозможность их отождествления определяется тем, что общим в немецкой науке воззрением является то, что проникающая ответственность в связи с недокапитализацией имеет общую правовую природу с двумя другими разновидностями такой ответственности.

И если привлечение к ответственности компании и её бенефициара при смешении их имущества представляется скорее логичным «техническим» приёмом связанным с необходимостью разрешить нехарактерную для права ситуацию, то с вопросом о применении проникающей ответственности при несамостоятельности общества от его контролирующих лиц вопрос обстоит иначе.

«Ответственность контролирующего предприятия (eine Haftung des herrschenden Unternehmens, Konzernhaftung) может обсуждаться, согласно позиции, высказанной в немецкоязычной литературе, только тогда, когда оно не обеспечивает адекватного учета самостоятельных интересов зависимого предприятия»[2].

Здесь следует отметить, что, если компания является частью группы, контролирующая компания должна предоставить кредиторам гарантии на случай невозможности получить удовлетворение от зарегистрированной компании. Кроме того, контролирующая компания несет солидарную ответственность по всем другим обязательствам подконтрольной компании.

Таким образом, из немецкого законодательства прямо вытекает наличие ситуаций, в рамках которых контролирующая компания будет нести ответственность по обязательствам дочерней безотносительно наличия злоупотребления.

---

[1] Например, в случае «подрыва жизнеспособности общества (*Existenzvernichtungshaftung*)».

[2] Arnim C. von. Op. cit. S. 1004, *цит. по*: Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 48.

Соответственно, можно сделать вывод, что немецкая проникающая ответственность также является более широким явлением, нежели субсидиарная ответственность по российскому Закону о банкротстве.

Отдельно следует отметить позицию, высказанную А.В. Егоровым о том, что степень пренебрежения правопорядка самостоятельностью юридической личности компании напрямую коррелирует с предъявляемыми законом требованиями о размере уставного капитала[1]. При этом в случае, если судом установлено, что недокапитализация имела своей целью причинение вреда правам кредиторов, наступает деликтная ответственность[2].

С учётом ограниченного применения проникающей ответственности, по общему правилу участник общества отвечает по долгам этого общества исключительно за намерение причинить вред, а не только за сам факт его причинения.

Российскому праву, как представляется, не свойственна подобная дихотомия, поскольку ответственность, предусмотренная Законом о банкротстве, наступает не только при наличии цели причинить вред кредиторов, но и при наличии приведшей к банкротству неразумности или недобросовестности, не связанной с причинением вреда кредиторам.

В отличие от Германии и стран англо-саксонской правовой семьи, российскому праву свойственно привлечение имущественной массы контролирующего лица для целей погашения требований кредиторов подконтрольного лица лишь в случаях, связанных с банкротством последнего. При этом из закона и сложившейся практики следует, что само по себе банкротство (т.е. ситуация очевидной недокапитализации) не является основанием для привлечения к субсидиарной ответственности.

---

[1] Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 59.

[2] Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративной вуали // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 24.

То же касается и несамостоятельности должника, что, на наш взгляд, не только не противоречит началам гражданского права, но и является свойственным для предпринимательской практики явлением.

Как справедливо указал А.В. Егоров, «если иметь в виду именно «правило поведения», т.е. фактический итог решения тех ли иных ситуаций, а не правовые инструменты, используемые для его достижения, идея автономии юридической личности игнорируется (с использованием различных правовых механизмов – как доктрины «снятия корпоративного покрова», так и доктрины злоупотребления правом, целевого толкования, деликтного права и пр.) везде как исключение из общего правила, и все связанные с рассматриваемой проблематикой вопросы обсуждаются также по большому счету применительно к одним и тем же фактическим ситуациям: смешению имущественной и организационной сфер, недостаточной капитализации, контролю и пр.»[1].

При этом доктрина снятия корпоративного покрова в основном связана с разоблачением корпорации как alter ego её недобросовестного бенефициара[2].

Как справедливо отмечает О.В. Гутников, «вне зависимости от того, каким образом субъект оказывает влияние на деятельность юридического лица (фактически или юридически), сам факт такого влияния и фактического контроля свидетельствует о том, что он является истинным субъектом управленческих отношений, обладающим реальными властными правомочиями, которые, будучи не закреплены формально, представляются даже более значимыми, чем права номинальных директоров или держателей

[1] Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 54.

[2] Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 55.

акций, подчиняющихся его указаниям»[1].

Пункт 3 ст. 53.1 ГК РФ устанавливает обязанность фактически контролирующего лица действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно. Такая же обязанность установлена законодателем и в отношении членов органов управления корпорации (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Тем самым законодатель приравнивает лиц, имеющих фактическую возможность определять действия корпорации, к членам органов управления. И те и другие имеют возможность определять действия корпорации, однако у членов органов управления такая возможность обеспечена законом, что делает ее субъективным правом. У фактически контролирующих лиц такое субъективное право отсутствует.

Таким образом, лица, имеющие фактическую возможность участвовать в управлении корпорацией, наделяются правовым статусом, характерным для членов органов управления корпорации, в силу правовой фикции, применение которой предопределяется сходством правоотношений и фактических отношений, что позволяет применять к различным субъектам корпоративных отношений одинаковые правовые последствия[2].

Таким образом, статус контролирующего лица и фактическое его вхождение в корпоративное правоотношение по управлению компанией в целом коррелирует с логикой, имеющей место при «прокалывании корпоративного покрова».

Между тем, ответственность такого лица не обязательно наступает в связи со злоупотреблением конструкцией юридического лица.

Полагаем, что участие в корпоративном правоотношении управления будущим должником автоматически возлагает на контролирующее лицо и

---

[1] Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 105-106.

[2] Груздев О.С., Артемова А.Н. Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц: вопросы квалификации // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. №461. С. 214.

установленные законом обязанности, возникновение которых обусловлено появлением признаков неплатёжеспособности.

Очевидным примером такой обязанности является уже упомянутая обязанность членов органов управления должником обратиться в суд с заявлением должника о банкротстве. Полагаем, что существуют политико-правовые основания относить такую обязанность и на фактически контролирующее должника лицо, формально не входящее в состав органов управления должником, но фактически определяющее действия этих органов.

Более того, именно в обозначенный момент возникает ситуация, когда действия, связанные с выведением имущества из имущественной массы должника становятся фактически противоправными.

Представляется возможной постановка вопроса об источнике указанной противоправности следующим образом:

а) вывод имущества нарушает выводимую из смысла закона (*contra legem*) обязанность не совершать действий, уменьшающих имущественную массу будущего должника, либо

б) с указанного момента фактическими бенефициарами должника становятся его кредиторы, в связи с чем вывод имущества находится вне правомочий контролирующего лица, либо

в) с момента появления признаков неплатёжеспособности контролирующее лицо становится осведомлено о том, что его действия причиняют вред третьим лицам, что подразумевает их противоправность.

Указанные обстоятельства приводят к выводу о том, что субсидиарная ответственность является деликтной.

Однако, наличие существенных особенностей, правил привлечения к ответственности, субъектного состава правоотношения и неотрывность такой ответственности от банкротства не позволяют квалифицировать лежащий в основании субсидиарной ответственности деликт как общегражданский.

Суммируя изложенное, можно обнаружить, что субсидиарная ответственность наступает в связи с совершением деликта, сопряженного с наличием особых обстоятельств, связанных с несостоятельностью компании.

При этом нет оснований причислять такой деликт и к разновидности прокалывающей (или проникающей) ответственности в понимании правовых систем, в которых она наиболее распространена.

Отметим, что, например, А.В. Егоров указывает на возможность некоторого расширения категории деликта применительно к субсидиарной ответственности: «… все описанные выше разнородные случаи мы предлагаем объединить под общим знаменателем деликтной ответственности, понимая ее в данном случае широко (как обязанность по возмещению вреда) и учитывая, что вред, подлежащий возмещению по правилам о деликтной ответственности, причиняется при неисполнении названных обязанностей в любом случае»[1].

Таким образом, в контексте настоящей работы, с учетом приведенных особенностей, полагаем обоснованным отнесение субсидиарной ответственности к собственно конкурсной ответственности, а специфический деликт, лежащий в её основании – к конкурсным деликтам.

При этом нельзя не отметить, что все формы конкурсной ответственности должны рассматриваться с точки зрения функционального метода, с учётом реального результата применения правового механизма[2].

В таком случае будет правильно говорить, что все формы конкурсной ответственности, включая ответственность арбитражных управляющих,

---

[1] Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративной вуали // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 35.

[2] Дождев Д.В. Сравнительное право: состояние и перспективы // Российский ежегодник сравнительного права. 2007 / Под ред. Д.В. Дождева. СПб., 2008. С. 7–28; Ширвиндт А.М. Сравнительное правоведение как научная дисциплина и унификация частного права (по поводу работы Р. Циммерманна «Европеизация частного права и сравнительное правоведение») // Ежегодник сравнительного правоведения. 2007 / Под ред. Д.В. Дождева. С. 634, 637, 641, 642.

субсидиарная ответственность, ответственность кредиторов, а также «нетипичные» формы ответственности, речь о которых пойдёт далее, объединены своей направленностью на пополнение конкурсной массы, которая не является в полной мере имущественной массой должника.

При этом заметим, что деликт, совершенный контролирующим лицом, не всегда должен приводить к наступлению субсидиарной ответственности.

В первую очередь следует отметить возможную природу деликта, совершенного КДЛ.

Как уже было указано, такая природа должна определяться в том числе через правовой статус потерпевших лиц. Более того, на наш взгляд вопрос о природе деликта также определяется тем, возникло ли на момент его совершения конкурсное правоотношение.

Из судебной практики следует, что вопрос об определении надлежащего способа защиты права зависит от того, имелись ли у должника на момент причинения вреда признаки недостаточности имущества[1].

Соответственно, если таковых не имелось, и должник был фактически платёжеспособен, вред причиняется непосредственно самому должнику. Такой деликт, соответственно, не является конкурсным и лежит исключительно в сфере регулирования корпоративного законодательства.

При этом в науке высказывалась позиция, согласно которой корпоративные убытки связаны с причинением вреда не только должнику, но и кредиторам[2], а также о том, что законодатель целенаправленно придал корпоративным убыткам в банкротстве некую «автономность», что обусловлено «перезакреплением» в тексте Закона о банкротстве диспозиции и санкции, обуславливающих наступление такой ответственности[3].

Полагаем невозможным согласиться с подобной позицией.

---

[1] См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018 // СПС «Консультант Плюс».
[2] Тарасенко А.А. Указ. соч. С.140.
[3] Там же. С.138.

В первую очередь отметим, что закрепление в п.1 ст. 61.20 Закона о банкротстве обусловлено, как представляется, процессуальными соображениями. Устанавливая возможность взыскания корпоративных убытков, законодатель одновременно с этим устанавливает и круг лиц, обладающих правом на предъявление иска, разрешает вопросы о компетентном суде и лицах, участвующих в деле.

При этом с материально-правовой точки зрения отсутствуют основания полагать, что корпоративные убытки в банкротстве отличаются от таковых вне банкротства.

Тут же следует отметить и существование уже упомянутых «кредиторских убытков».

Проводя разделение между корпоративными и кредиторскими убытками ВС РФ подчеркнул, что причинение вреда кредиторам должно устанавливаться в зависимости от соотношения активов и пассивов должника на момент причинения вреда.

Соответственно весь вред, причиненный до возникновения у должника признаков неплатёжеспособности, не может считаться причиненным кредитором, в связи с чем при привлечении деликвента к ответственности не могут применяться специальные формы конкурсной ответственности, наступающие исключительно в связи с совершением конкурного деликта.

Важно отметить и обратное: любой вред, причиненный должнику после возникновения признаков неплатёжеспособности – это вред, причинённый кредиторам, а значит в связи с совершением таких деликтов наступает конкурсная ответственность, более строгая как в процессуальной части, так и в части последствий[1].

Изложенное коррелирует с моментом возникновения конкурсного правоотношения, и как представляется, непосредственно обусловлено

[1] Дедковский И. В. Соотношение субсидиарной ответственности и убытков в делах о банкротстве. Евразийский юридический журнал. 2024. № 7(194). С. 248.

возникновением такого правоотношения. Из этого следует, что кредиторы с момента установления отрицательного значения чистых активов должника, сами того не зная становятся участниками конкурсного правоотношения.

Важность установления личности потерпевшего и природы совершенного деликта крайне важна постольку, поскольку кредиторские и корпоративные убытки предполагают различные механизмы и правовые последствия привлечения к ответственности.

Во-первых, как отмечает Е.Д. Суворов, для корпоративных убытков (в отличие от кредиторских) свойственно применение общих сроков исковой давности (т.е. с момента появления первого добросовестного директора, который мог бы обнаружить вред), а также ограниченный круг лиц, обладающих правом на предъявление иска (только арбитражный управляющий, но не кредиторы)[1].

Во-вторых, различен и правовой режим просуженного требования. Так, требование к контролирующему лицу, возникшее в связи с совершением корпоративного деликта, является активом должника, не подлежащим уступке в пользу кредиторов (т.е. этот долг может быть либо взыскан в рамках исполнительного производства, либо продан на торгах). В отличие от корпоративных убытков, право требования, возникшее в связи со взысканием кредиторских убытков, может быть уступлено в пользу кредиторов в порядке ст. 61.17 Закона о банкротстве.

При этом отличием кредиторской модели убытков от субсидиарной ответственности является, помимо её размера, статус ответчика в рамках дела о банкротстве.

Так, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 № 49-П «По делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34

[1] Суворов Е.Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации за 2022–2024 гг.: обзор и комментарии. М.: Статут, 2025. С. 282.

Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина Н.Е. Акимова» и практикой ВС РФ[1] лицо, привлеченное (и привлекаемое) к субсидиарной ответственности, является лицом, участвующим в деле о банкротстве.

В свою очередь кредиторские убытки не подразумевают наделение ответчика дополнительными правами в деле о банкротстве постольку, поскольку размер ответственности последнего является фиксированным и не зависит от хода дела о банкротстве и размера сформированной конкурсной массы.

Разграничивая кредиторские и корпоративные убытки в п. 14 и п. 15 Обзора от 25.04.2025 ВС РФ подчеркнул, что кредиторские убытки обладают деликтной природой (ст. 1064 ГК РФ, ст. 61.13 Закона о банкротстве).

Право на соответствующий кредиторский иск возникает с момента, «когда носящая недобросовестный характер деятельность должника начинает приносить вред кредиторам, то есть <…> когда стоимость чистых активов корпорации приобретает отрицательное значение».

При этом право на иск должно принадлежать не должнику или отдельным его кредиторам, а сообществу кредиторов.

В отношении корпоративных убытков ВС РФ также установил своего рода «конкурсное ограничение» – размер убытков, подлежащих взысканию по корпоративным основаниям, не может превышать размер требований кредиторов, если ликвидационная квота подлежит распределению между теми же контролирующими лицами.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность контролирующих должника лиц в делах о банкротстве может быть реализована на корпоративно-правовом и конкурсном основаниях в зависимости от совершенного деликта (корпоративного или конкурсного).

---

[1] См. напр., Определение Верховного Суда РФ от 25.08.2023 №03-ЭС21-21101 по делу №А59-6596/2019 // СПС «Консультант Плюс».

Основание ответственности определяет модели привлечения к ответственности, в рамках которых различаются стандарты доказывания, сроки давности для привлечения к ответственности, способы определения размера ответственности, круг лиц, обладающих правом на предъявление иска и др.

Субсидиарная ответственность, равно как и кредиторские убытки, относятся к конкурсной ответственности, наступающей в связи с совершением особого конкурсного деликта.

Соответственно, возможными видами и формами конкурсной ответственности контролирующих должника лиц являются субсидиарная ответственность за доведение до банкротства, субсидиарная ответственность за причинение существенного вреда, не приведшего к возникновению признаков неплатежеспособности, субсидиарная ответственность за неподачу заявления должника, а также кредиторские убытки.

В свою очередь корпоративные убытки, несмотря на то что возможность их взыскания прямо установлена Законом о банкротстве, не являются формой конкурсной ответственности и являются формой корпоративной ответственности, связанной с защитой прав и законных интересов должника как юридического лица.

4. Ответственность конкурсных кредиторов

Как указывалось в главе 1 настоящей работы, конкурсные кредиторы являются неотъемлемыми субъектами конкурсных правоотношений.

Ответственность конкурсных кредиторов, на наш взгляд, не только возможна с точки зрения их непосредственного участия в конкурсных правоотношениях, но и необходима с точки реализации превентивной функции ответственности.

Так, простор для злоупотреблений правами кредиторов, приводящих к

нарушению прав иных лиц (в т.ч. других кредиторов) достаточно широк. Пресечение же подобных злоупотреблений на должном уровне невозможно без институционализации соответствующей ответственности. При этом полагаем недостаточным казуистическое реагирование судов на подобные злоупотребления, поскольку судебная практика свидетельствует о единичных случаях наступления ответственности в самых вопиющих ситуациях.

При рассмотрении вопроса о том, какие обстоятельства могут выступать основаниями для привлечения конкурсных кредиторов к ответственности, следует отметить, что фактическое наполнение статуса конкурсного кредитора, как и статуса контролирующего лица, может варьироваться в зависимости от различных экономических предпосылок. При этом формальный объем прав, предоставляемых конкурсным кредиторам, практически одинаков, независимо от величины их требований.

Конкурсные кредиторы обладают равными правами в части доступа к информации о ходе процедур банкротства, имеют возможность участвовать и голосовать на собраниях кредиторов, подавать процессуальные ходатайства в арбитражный суд в рамках дела о банкротстве, инициировать привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, а также получать выплаты при распределении конкурсной массы в соответствии с установленной законом очередностью.

Единственным случаем, когда формальный набор прав конкурсного кредитора зависит от размера его требования, является установленный ст. 61.9 Закона о банкротстве минимальный порог, необходимый для предоставления кредитору права на подачу заявления об оспаривании сделки.

Фактический же объем влияния конкурсного кредитора на процедуру банкротства существенно варьируется в зависимости от размера его требований, включенных в реестр, соотношения этих требований с требованиями других кредиторов, а также правового режима его требований

(например, неустойка, требования, обеспеченные залогом и т. д.).

Очевидно, что кредитор с большим размером требования обладает значительно большей возможностью влиять на принятие решений собранием кредиторов по вопросам повестки дня[1].

В первую очередь полагаем необходимым установить природу взаимоотношений кредиторов относительно друг друга, а также иных лиц, участвующих в деле.

Для начала следует отметить, что конкурсные кредиторы являются частью единого гражданско-правового сообщества кредиторов. Такой вывод находит отражение в доктрине[2] и прямо следует из положений п. 3 «Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018). При этом, как верно отмечает Е.Д. Суворов, такое сообщество не является правосубъектным[3].

Полагаем, что сообщество кредиторов можно рассматривать как недобровольное сообщество, поскольку возможные варианты поведения кредитора крайне ограничены. Так, кредитор должника, в отношении которого введена процедура банкротства, может либо предъявить свои требования к ко включению в реестр требований, либо отказаться от шанса на их удовлетворение. Исключением могут являться случаи, когда лицо становится конкурсным кредитором по собственной инициативе, например, через приобретение права требования к должнику путем цессии.

---

[1] Отметим, что решения на собраниях кредиторов всегда принимаются большинством голосов, однако механизмы определения этого большинства различаются. Некоторые вопросы решаются простым большинством от числа присутствующих, другие – большинством голосов от всех требований, включенных в реестр. Кроме того, способы определения большинства различны: одни вопросы требуют абсолютного большинства, другие – квалифицированного. Лишь небольшое число вопросов, выносимых на голосование, требуют единогласного решения.

[2] Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. д-ра юрид. наук. М. 2023. С. 17.

[3] Там же. С. 23, 25.

В свою очередь собрание кредиторов, объединяющее участников описанного гражданско-правового сообщества, обладает определенной правосубъектностью, действуя как коллективный субъект.

Через участие в собрании кредиторы реализуют т.н. право на «первичное управление»[1], в том числе определяя ход дела о банкротстве, принимая решения о переходе от одной процедуры к другой (хотя и под контролем арбитражного суда), что полностью соответствует процессуальному принципу диспозитивности, а также устанавливая условия реализации имущества должника на публичных торгах.

Кроме того, собрание кредиторов определяет кандидатуру арбитражного управляющего, через которого реализуется так называемое «производное управление».

При этом, на наш взгляд, Закон о банкротстве содержит определенное противоречие, с одной стороны требуя от арбитражного управляющего независимости, а с другой – предоставляя кредиторам право самостоятельно выбирать управляющего и выплачивать ему дополнительное вознаграждение за счет собственных средств (п. 7, п. 8 Закона о банкротстве). Более того, наличие защищаемого законом права кредитора, являющегося заявителем по делу о банкротстве, на определение кандидатуры временного управляющего, подтверждается практикой Верховного Суда РФ[2].

На настоящий момент законодатель не дал однозначного ответа на вопрос о его сущности и природе собрания кредиторов.

В науке и практике некоторую поддержку нашла позиция о том, что собрание кредиторов является органом управления обществом[3]. Тем не менее, этот подход не был широко принят.

---

[1] Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. д-ра юрид. наук. М. 2023. С. 172.

[2] Суворов Е.Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации за 2022–2024 гг.: обзор и комментарии. М.: Статут, 2025. С. 26-27.

[3] Бруско Б.С. Защита прав и законных интересов кредиторов в конкурсном праве: дисс. … канд. юрид. Наук – Иркутск, 2004. С.109; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2015 по делу №А21-5299/2013 // СПС «Консультант Плюс».

В определённой мере собрание кредиторов действительно обладает признаками органа управления. В частности, конкурсный управляющий, действующий от имени должника и отражённый в ЕГРЮЛ в качестве единоличного исполнительного органа, может рассматриваться как представитель должника. Учитывая, что собрание кредиторов наделено полномочиями по утверждению сделок, заключаемых управляющим, а также правом определения его кандидатуры, можно предположить, что собрание кредиторов выполняет функцию волеобразующего органа должника, аналогичного общему собранию участников или акционеров[1].

Однако при анализе природы корпоративного юридического лица можно выявить определённые фундаментальные противоречия. Например, одним из признаков корпорации является наличие членства и формирование высших органов из её членов (ст. 65.1 ГК РФ).

И.С. Шиткина справедливо отмечает, что под правом участия (членства) следует понимать «комплекс корпоративных прав, которыми наделяется участник (член) корпорации в зависимости от ее организационно-правовой формы»[2].

Ключевой особенностью корпоративных правоотношений является добровольное участие, подразумевающее недопустимость принуждения ко вступлению в корпорацию. Корпоративные отношения, в свою очередь, могут существовать исключительно в рамках таких правоотношений[3].

На наш взгляд, права кредиторов, в том числе права, связанные с участием в собрании кредиторов, не являются корпоративными, поскольку вытекают не из добровольного участия, а из правоотношения

---

[1] О волеобразующей функции собрания кредиторов см., напр.: Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. д-ра юрид. наук. М. 2023. С. 259.

[2] Шиткина И.С. Корпоративное право в таблицах и схемах. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2016. С. 5.

[3] Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 89.

обязательственной природы, в рамках которого должником была допущена просрочка исполнения.

Двойственный правовой статус конкурсного кредитора в совокупности с неопределённостью правовой природы взаимоотношений между кредиторами позволяет поставить два соответствующих вопроса:

1) какова природа собрания кредиторов и

2) какова природа взаимоотношений кредитора и иных лиц вне рамок участия в собрании.

Ответы на указанные вопросы представляются весьма значимыми в контексте ответственности отдельных кредиторов за причинение вреда конкурсной массе[1].

Полагаем, что на сегодняшний день в ситуации, когда один кредитор причиняет другим кредиторам вред при злоупотреблении собственными правами, вытекающими из участия в конкурсном правоотношении, отсутствует правовая определенность в части установления норм, подлежащих применению при разрешении вопроса об ответственности.

При этом закон предполагает сразу несколько возможных моделей ответственности различного содержания (т.е. по-разному разрешаются вопросы о бремени доказывания, круге субъектов ответственности, сроках и др.).

Наличие в руках кредиторов столь существенных рычагов воздействия на ход процедур банкротства безусловно подразумевает возможность злоупотребления ими, особенно с учетом конкуренции между кредиторами.

Категоризируя совокупность влияния кредиторов на процедуру банкротства С.С. Галкиным предложено использовать такой термин как «конкурсный контроль», содержанием которого являются совокупность прав и фактических возможностей конкурсного кредитора определять действия

[1] Определение Верховного Суда РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС17-10793 (26-28) по делу № А56-45590/2015 // СПС «Консультант Плюс».

должника[1].

Такое понятие представляется обоснованным для использования в рамках настоящей работы. Содержание конкурсного контроля предлагается определять через следующие признаки: (а) наличие у собрания кредиторов легальной возможности навязывать должнику свою волю; (б) наличие у мажоритарного кредитора легальной возможности навязывать свою волю иным кредиторам; (в) направленность на установление порядка согласования воль кредиторов для целей принятия управленческих решений[2].

При этом заметим, что несмотря на очевидное сходство категорий конкурсного и корпоративного контроля, они имеют категорически разное содержание.

Как и корпоративный контроль, конкурсный контроль порождает риск возникновения информационного дисбаланса, о котором говорилось в параграфе 1 главы 2 настоящей работы.

Указанные обстоятельства в совокупности обуславливают необходимость конструирования такой модели ответственности конкурсных кредиторов, которая бы учитывала особенности кредиторского конкурсного деликта. Такая необходимость нашла отклик и в судебной практике.

Впервые вопрос об ответственности мажоритарного конкурсного кредитора за вред, причиненный в связи с недобросовестной реализацией конкурсного контроля, был рассмотрен в рамках дела о банкротстве ООО «Выборгская лесопромышленная корпорация» (ВЛПК)[3].

В указанном деле Верховный Суд РФ отклонил доводы кассаторов о возможности применения специальных деликтов (субсидиарной ответственности или корпоративного деликта в соответствии со ст. 53.1 ГК

---

[1] Галкин С.С. Правовое положение должника - юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: дисс... к.ю.н.: Москва, 2016. С.14.
[2] Галкин С.С. Указ. соч. С.14. С. 186.
[3] Определение Верховного Суда РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС17-10793 (26-28) по делу № А56-45590/2015 // СПС «Консультант Плюс».

РФ) и применил правила о генеральном деликте, при этом поддержав доводы о необходимости наступления ответственности кредитора за злоупотребление конкурсным контролем.

Исходя из закреплённого в ст. 1064 ГК РФ принципа генерального деликта любое виновное причинение вреда должно влечь за собой наступление гражданско-правовой ответственности.

Под вредом, причинённым имущественным правам кредиторов, понимается «уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий либо бездействия, приводящие к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества» (ст. 2 Закона о банкротстве).

Таким образом, можно сформулировать следующие основания ответственности для контролирующего кредитора: вред имущественным правам должника и кредиторов возникает вследствие негативного воздействия на конкурсную массу и итоговый размер погашения требований каждого отдельного кредитора.

При этом полагаем, что действия конкурсного кредитора могут выступать причиной вреда как в отношении должника, так и в отношении других кредиторов как прямо, так и косвенно.

Такая ситуация обнажает необходимость наделения миноритарного кредитора, который пострадал от действий контролирующего кредитора, правом на предъявление самостоятельного иска к причинителю вреда.

Однако, на наш взгляд, конструкция генерального деликта при возмещении вреда непосредственно в конкурсную массу должника, не предполагает права миноритарного кредитора на предъявление косвенного иска, поскольку такое право не нашло своего отражения в законе.

Более того, не ясно, какие процессуальные основания позволяют

рассматривать иски по имущественным спорам между кредиторами в рамках дела о банкротстве.

Как итог, позиция, избранная Верховным Судом РФ, вызвала как одобрение, так и несогласие в юридической науке.

Фактически ВС РФ была выработана новая форма конкурсной ответственности, что подтверждается наличием противоречивой судебной практики, предшествовавшей делу ВЛПК, в т.ч. свидетельствовавшей о недопустимости привлечения конкурсного кредитора к ответственности по рассматриваемым основаниям. Так, например, в деле № А76-16891/2014 АС Уральского округа указал, что «наличие у должника статуса мажоритарного, а также залогового, кредитора само по себе не говорит о возможности каким-либо образом определять действия должника»[1].

Однако последующая судебная практика пошла по пути, предложенному ВС РФ, в том числе в части выводов о контроле мажоритарного кредитора над процедурой банкротства[2].

С учетом изложенного полагаем, что рассмотрение вопроса о надлежащей модели ответственности конкурсных кредиторов является обоснованным.

В качестве одной из концепций, позволяющих обосновать применение иной модели ответственности, в науке была предложена концепция нарушения взаимных обязанностей, возникающих между кредиторами, как

---

[1] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.11.2022 № Ф09-1823/22 по делу № А76-16891/2014 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.12.2021 № Ф09-9244/16 по делу № А76-14262/2014 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.03.2023 по делу № А27-6066/2007 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 23.11.2023 № 02АП-7308/2023 по делу № А28-10205/2014 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.04.2023 № Ф04-1235/2023 по делу № А70-20818/2021 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21.07.2023 № Ф10-794/2023 по делу № А54-7776/2021 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.10.2023 № Ф04-234/2021 по делу № А46-12387/2020 // СПС «Консультант Плюс».

участниками товарищества кредиторов[1]. В рамках такого подхода предлагается распространить на отдельных кредиторов «фидуциарные» обязанности, закреплённые в ст. 53.1 ГК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 53.1 ГК РФ и толкованием Постановления № 62 члены органов управления юридического лица обязаны действовать добросовестно и разумно.

Зачастую содержание указанных обязанностей связывается со свойственными праву США обязанностей директоров действовать с максимальной степенью прилежности (duty of care) и не конкурировать с представляемым обществом (duty of loyalty)[2]. Можно сделать вывод об аналогичности таких «товарищеских» отношений отношениям между участниками любого хозяйственного общества, которые по своей правовой природе являются товарищескими или аналогичными им[3]. ВС РФ также высказывался в аналогичном ключе[4].

Основой рассматриваемой теории является то, что деятельность товарищей осуществляется в общем интересе, а действия, совершаемые отдельными товарищами в рамках общего дела, влекут последствия для остальных товарищей[5], что предполагает наличие фидуциарных обязанностей между товарищами[6].

---

[1] Шайдуллин А.И. Комментарий к статье С.Л. Будылина к определению по делу «ВЛПК». Будылин С.Л. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 4. С. 53.

[2] См.: Григорьев К.М., Хаваяшхов А.А. Фидуциарные обязанности в российском и английском праве // Журнал «Акционерное общество: вопросы корпоративного управления» №1-2015.

[3] Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М., 2014. С. 33, 35.

[4] Определение Верховного Суда РФ от 17.03.2020 № 307-ЭС19-10177(4) по делу № А56-42355/2018 // СПС «Консультант Плюс».

[5] Савельев А.Б. Договор простого товарищества в российском гражданском праве // Актуальные вопросы гражданского права / Под ред. М.И. Брагинского. Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. – М.: Статут, 1998. С. 278.

[6] Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014, С. 222.

Именно наличие товарищеских отношений обуславливает наличие взаимных фидуциарных обязанностей между кредиторами, при этом товарищество кредиторов предполагается недобровольным[1].

Нельзя не согласиться с тем, что кредиторы в действительности обобщены целью максимального увеличения конкурсной массы для её дальнейшего распределения.

Также указанная теория представляется интересной, поскольку может предполагать возможность расширения списка возможных способов защиты прав кредиторов, например, замещение воли одного из кредиторов (по аналогии с п. 14 Обзора по хозяйственным обществам[2]).

Однако следует отметить и пробелы в указанной теории.

Например, заметим, что конкурсная масса является объектом правового интереса не только конкурсных кредиторов, но и иных участников дела о банкротстве (в т.ч. арбитражного управляющего, текущих кредиторов, контролирующих лиц и самого должника), которые не являются и не могут являться участниками описанного товарищества, несмотря на наличие аналогичного правового интереса. Однако полагаем, что отнесение перечисленных лиц к единому товариществу кредиторов является невозможным.

Более того, полагаем, что нельзя признать отношения между членами сообщества кредиторов фидуциарными, поскольку нельзя говорить о доверительных отношениях в рамках такой группы. Следует учитывать, что в отличие от хозяйственных обществ, участники которых добровольно вступают в соответствующие правоотношения и между которыми отсутствует конкуренция[3], конкурсные кредиторы не только заинтересованы

---

[1] Шайдуллин А.И. Кредиторы должника как товарищи // Юридическая работа в кредитной организации № 4 (74). 2022. С. 55.

[2] Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС «Консультант Плюс».

[3] Ломакин Д.В. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве // Хозяйство и право. 2019. № 1(504). С. 7.

в противодействии установлению требований друг друга, но и имеют целый ряд прав, направленных на его осуществление.

При этом установление корпоративной природы взаимоотношений между кредиторами, предопределило бы и корпоративную природу подинститута арбитражного управления, что, как было указано ранее, не соответствует действительности.

Главный недостаток рассматриваемой концепции заключается в том, что она не учитывает конкурентного состояния между кредиторами и, соответственно, собственного интереса каждого из кредиторов.

Также, на наш взгляд, такой подход может привести и к признанию собрания кредиторов органом управления должником, что предполагает практически уравнивание содержания конкурсного и корпоративного контроля.

Иным подходом к разрешению поставленных вопросов является определение правовой природы собрания кредиторов как явления sui generis (например, в качестве особого института «конкурсного права»)[1].

Так или иначе нельзя отрицать существенное влияние конкурсных кредиторов на ход и содержание процедур банкротства, что, в свою очередь, не исключает привлечение контролирующих кредиторов в случае совершения ими действий, в связи с которыми окончательно отпала возможность восстановить платёжеспособность должника, к субсидиарной ответственности.

Косвенно указанный вывод подтверждается тем, что закон не ставит возможность наступления субсидиарной ответственности в зависимость от участия контролирующего лица в корпоративных правоотношениях. Более того, именно фактический контроль может определять статус контролирующего лица, например в ситуации, когда наличие такого

[1] Телюкина М.В. Предмет, метод, цели, принципы, и иные характеристики конкурсного права // Труды института государства и права РАН. 2017. №6. С. 67.

контроля вытекает из обязательственной сделки.

На наш взгляд, конкурсный контроль, который, являясь содержанием прав конкурсного кредитора, также возникает из обязательства, может являться основанием для признания кредитора контролирующим должника лицом, что косвенно находит своё подтверждение в формулировках ВС РФ, использованных в рамках уже упомянутого дела ВЛПК, а также в текстах других судебных актов.

В таком контексте избранная ВС РФ модель генерального деликта для случаев ответственности контролирующего кредитора вызывает споры.

В науке отмечается, что российское право характеризуется смешанной моделью деликтной ответственности[1]. Как указывает Э.А. Евстигнеев, что глава 59 ГК РФ содержит достаточно большой и многоступенчатый массив регулирования, не свойственный странам, исповедующим классический принцип генерального деликта[2]. Также отмечается выделение в доктрине российского права такого условия ответственности как противоправность, что дополнительно указывает на смешанный характер[3].

Таким образом подразумевается, что не всякий вред является противоправным, пока факт его причинения не признается таковым нормой закона. Заметим, что указанное не совсем справедливо в контексте предусмотренной ст. 1064 ГК РФ противоправности вреда[4].

Описанные ранее в настоящей диссертации предположения о конкурсном деликте и конкурсном правоотношении вынуждают задаться

---

[1] Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. С. 1080; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.09.2022 № 309-ЭС22-3855 по делу № А60-40848/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2010 № 4515/10 по делу № А38-2401/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Евстигнеев, Э. А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 5. С. 72.

[3] Там же. С. 73

[4] Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. С. 1080 (автор гл. 55 – С.М. Корнеев); Постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2010 № 4515/10 по делу № А38-2401/2008 // СПС «Консультант Плюс».

вопросом о том, правильную ли модель ответственности избрал Верховный Суд РФ, не противоречит ли она существу правонарушения и является ли наиболее эффективной?

На наш взгляд, очевидные преимущества применения принципа генерального деликта, такие как его простота, гибкость в применении (которая имеет значение в постоянно изменяющихся экономических реалиях), а также возможность применения института солидарной ответственности при привлечении к ответственности не только контролирующего кредитора, но и связанных с ним третьих лиц, нивелируется разбалансированностью такого подхода.

Во-первых, полагаем, что, применяя ст. 1064 ГК РФ и генеральный деликт, ВС РФ необоснованно игнорирует правовую природу конкурсного контроля.

Во-вторых, есть основания полагать, что складывавшаяся годами судебная практика по делам со сходными обстоятельствами (о привлечении к корпоративной или субсидиарной ответственности) могла бы стать хорошим подспорьем для наиболее эффективного рассмотрения таких споров.

И, в-третьих, использование обычного стандарта доказывания может как существенно затруднить процесс доказывания для истца, так и ограничить ответчика в некоторых обыкновенно применяемых в спорах о корпоративной или субсидиарной ответственности гарантиях (например, в праве на использование принципа защиты делового решения). Таким образом процесс доказывания по данной категории споров может быть более сбалансирован.

На наш взгляд, описанные недостатки не являются неисправимыми и могут быть преодолены при использовании иных моделей ответственности.

Одной из предлагавшихся в юридическом сообществе моделей ответственности конкурсных кредиторов является механизм привлечения

контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности[1].

В пользу применения данной модели, как представляется, может говорить тот факт, что контролирующий кредитор действительно может быть признан контролирующим лицом.

Однако основания для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности на настоящий момент исчерпывающим образом отражены в законе. В силу самой логики процедуры банкротства контролирующий кредитор (в случае, если он не являлся контролирующим должника лицом до банкротства) не может быть привлечен ни к ответственности за доведение до банкротства, ни к ответственности за несвоевременную подачу заявления должника о банкротстве.

Также в таком случае могут возникать доктринальные противоречия в связи с отсутствием единой позиции о правовой природе субсидиарной ответственности[2].

При этом нами уже было отмечено, что существует вероятность совершения кредитором таких действий, которые повлекли наступление окончательной невозможности для восстановления платёжеспособности должника (например, в рамках процедуры внешнего управления). Такой подход позволяет распространить на контролирующего кредитора не только статус контролирующего лица, но и ответственность, предусмотренную п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве, которая наступает за совершение действий, повлекших окончательную утрату возможности восстановить платёжеспособность (п. 17 Постановления № 53).

В отношении остальных случаев (т.е. большинства) полагаем возможным учесть позицию ВС РФ, в соответствии с которой

---

[1] Видеозапись заседания Банкротного клуба в г. Москве 16.12.2022. URL: https://bankruptcyclub.ru/2023/01/16/msk_2022/ (выступление Д.М. Савченко см. 03:19:27: – 03:29:08) (дата последнего обращения: 05.02.2025).

[2] Евтеев К.И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Моск. гос. ин-т междунар. отношений. М.: 2017. С. 13-14.

контролирующее лицо, причинившее должнику вред, не оказавший влияние на его платёжеспособность, несет ответственность в форме взыскания убытков.

На наш взгляд, правильным является подход, в соответствии с которым контролирующий кредитор, причинивший вред должнику и кредиторам, должен подлежать ответственности на основании ст. 61.20 Закона о банкротстве.

Механизм, предлагаемый указанной статей, в отличие от модели генерального деликта, предполагает надлежащую нормативную базу для предъявления косвенного иска кредиторами в рамках дела о банкротстве. При этом стоит учитывать и позицию ВС РФ, в рамках которой была сформулирована конструкция кредиторских убытков[1].

Преимуществами такого подхода является более развитая судебная практика, а также относительная понятность механизма для участников гражданского оборота.

Отметим, что положения ст. 61.20 Закона о банкротстве не только не препятствуют применению положений ст. 53.1 ГК РФ в рамках споров о взыскании убытков, но, напротив, указанное основание активно используется в судебной практике.

Полагаем, что несмотря на отсутствие корпоративных или товарищеских отношений между конкурсными кредиторами, правильной является именно модель привлечения конкурсных кредиторов к ответственности на основании ст. 53.1 ГК РФ.

К сожалению, действующий Закон о банкротстве не предусматривает особой формы реагирования на правонарушения со стороны кредиторов. При этом случаи злоупотребления конкурсным контролем предполагают возможность возникновения информационного дисбаланса между сторонами

---

[1] См.: Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 г. № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018 // СПС «Консультант Плюс».

спора, в связи с чем, на наш взгляд, возникает потребность в специальном регулировании.

Аналогичными аргументами обусловлено и применение положений ст. 53.1 ГК РФ к ответственности арбитражных управляющих.

На наш взгляд, применение указанной модели не определяет характер отношений между кредиторами и должником. Напротив, её применение является обоснованным за неимением специального конкурсного механизма.

Заметим, что вопрос о природе взаимоотношений между кредиторами (и наличием у них взаимных обязанностей) в таком случае заслуживает отдельного исследования. Так, например, Е.Д. Суворовым сделан вывод о том, что «права кредиторов внутри сообщества кредиторов имеют корпоративную природу»[1], а собрание кредиторов может быть определено как «корпорация квазизалогодержателей»[2]. Полагаем, что указанная позиция также заслуживает внимания и, в случае её интеграции в закон или практику ВС РФ, равно как и ранее изложенной позиции о «товариществе кредиторов», использование модели, предусмотренной ст. 53.1 ГК РФ не приведет к возникновению противоречий.

В любом случае, как обе описанных выше позиции, так и мы рамках настоящего исследования исходим из вхождения всех конкурсных кредиторов должника в единое гражданско-правовое сообщество.

Участие в конкурсном правоотношении предполагает наличие у его субъектов обязанности действовать в отношении друг друга добросовестно. С учетом этого, каждый из пострадавших кредиторов и арбитражный управляющий, который является законным представителем такого сообщества кредиторов[3], приобретает право на обращение с иском о привлечении кредитора-правонарушителя к ответственности.

---

[1] Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. д-ра юрид. наук. М. 2023. С. 25

[2] Там же. С. 226.

[3] Определение ВС РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3) по делу № А22-941/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

По мнению диссертанта, предлагаемая модель исчерпывающе отвечает на запрос практики в части предоставления механизмов правовой защиты против недобросовестных кредиторов, а также надлежащим образом балансирует процесс доказывания в рамках соответствующих споров.

Вместе с тем отметим, что использование такой формы ответственности против конкурсных кредиторов возможно исключительно в случаях, когда причинение вреда вытекает непосредственно из злоупотребления конкурсным контролем.

Также полагаем заслуживающим внимания вывод о том, что конкурсный кредитор, приобретший контроль над должником в ситуации, когда ещё сохранялась возможность восстановить платёжеспособность, и в связи с действиями которого такая возможность была утрачена, подлежит привлечению к ответственности именно как контролирующее лицо на основании пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве.

Подводя итог настоящему параграфу и всей главе, считаем возможным заключить о следующем.

Конкурсная ответственность наступает в связи с совершением конкурсного деликта.

Под конкурсным деликтом предлагается понимать гражданско-правовой деликт, связанный с нарушением имущественных прав и интересов участников конкурсных правоотношений, являющихся содержанием конкурсных правоотношений, совершенный другим участником конкурсных правоотношений.

Одной из основных причин обособления конкурсного деликта является существование риска возникновения уже описанного в науке информационного дисбаланса между участниками правоотношений и состояние естественной конкуренции между кредиторами должника.

Конкурсная ответственность арбитражных управляющих может быть реализована в двух формах: в форме взыскания убытков и отстранения управляющего.

Взыскание убытков с арбитражного управляющего реализуется в общем порядке, при этом полагаем важным отметить необходимость доработки законодательного регулирования механизма ответственности арбитражного управляющего в части уточнения правил о доказывании, учитывающих существенный информационный дисбаланс, складывающийся во взаимоотношениях управляющего и иных субъектов конкурсных правоотношений.

Дополнительно подчеркнём, что процесс доказывания вины (как условия ответственности) арбитражного управляющего осложнён отсутствием проработанных стандартов деятельности управляющих. С учетом конкурсной природы ответственности управляющего полагаем обоснованным распространение в отношении убытков, взысканных с арбитражного управляющего, правового режима, предусмотренного ст. 61.17 Закона о банкротстве, что обусловлено направленностью вреда, причиняемого управляющим, на права и интересы конкурсных кредиторов.

Отстранение арбитражного управляющего также является формой конкурсной ответственности, характеризующейся смешением имущественного и неимущественного начал. При этом отстранение арбитражного управляющего не обязательно связано с совершением конкурсного деликта, в связи с чем в качестве формы конкурсной ответственности предлагается понимать исключительно отстранение, связанное с неисполнением или ненадлежащим исполнением управляющим своих обязанностей.

При этом не всякая гражданско-правовая ответственность, находящая свою реализацию в рамках дела о банкротстве, является конкурсной ответственностью.

Так, ответственность контролирующих должника лиц может быть реализована на корпоративно-правовом и конкурсном основаниях в зависимости от совершенного деликта (корпоративного или конкурсного).

Такое различие определяет применимые модели ответственности,

различные стандарты доказывания, сроки давности для привлечения к ответственности, способы определения размера ответственности, круг лиц, обладающих правом на предъявление иска и т.д.

Соответственно, видами и формами конкурсной ответственности контролирующих должника лиц являются: (а) субсидиарная ответственность за доведение до банкротства, (б) субсидиарная ответственность за причинение существенного вреда, не приведшего к возникновению признаков неплатежеспособности, (в) субсидиарная ответственность за неподачу заявления должника и (г) кредиторские убытки.

В свою очередь корпоративные убытки, несмотря на то что возможность их взыскания прямо установлена Законом о банкротстве, не являются формой конкурсной ответственности и являются формой корпоративной ответственности.

Несмотря на отсутствие особой закрепленной в Законе о банкротстве модели ответственности, ответственность конкурсных кредиторов также может наступать в связи с совершением конкурсного деликта. Примером такого деликта может служить, например, недобросовестная (ко вреду других кредиторов) реализация конкурсного контроля над должником.

При этом особенности конкурсного деликта обуславливают необходимость использования иной модели ответственности конкурсных кредиторов, нежели модель генерального деликта.

Из существующих на настоящий момент моделей ответственности наиболее обоснованным является применение модели, предусмотренной ст. 61.20 Закона о банкротстве и ст. 53.1 ГК РФ. Соответственно, текущая редакция п. 1 ст. 61.20 Закона о банкротстве нуждается в дополнении в части расширения круга деликтоспособных лиц конкурсными кредиторами.

Помимо указанной модели ответственность конкурсного кредитора может также наступить на основании пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве в связи с тем, что контролирующий процедуру банкротства кредитор способен оказывать влияние на возможность восстановления

платежеспособности должника.

Также полагаем невозможным согласиться с тем, что между участниками гражданско-правового сообщества кредиторов возникают какие-либо фидуциарные обязанности, при этом нельзя отрицать и того, что кредиторы находятся в состоянии правовой связанности в силу их участия в едином гражданско-правовом сообществе.

Таким образом, к типичным формам и видам конкурсной ответственности можно отнести: (а) субсидиарную ответственность по обязательствам должника (за доведение до банкротства, неподачу заявления о банкротстве, причинение существенного вреда, в связи с которым была утрачена возможность восстановления платежеспособности должника), (б) взыскание кредиторских убытков с контролирующих должника лиц, (в) взыскание убытков с арбитражного управляющего (ст.ст. 15, 53.1 ГК РФ) и (г) взыскание ущерба, причиненного конкурсным кредитором.

В свою очередь отстранение арбитражного управляющего за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей является нетипичной формой конкурсной ответственности, что обусловлено сочетанием имущественного и неимущественного компонентов.

ГЛАВА 3. НЕТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ И ВИДЫ КОНКУРСНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Как уже отмечалось, выделение самой категории нетипичных форм конкурсной ответственности обусловлено как объективными особенностями таких форм, так и доктринальными воззрениями касательно природы таких форм.

Так, природа форм конкурсной ответственности, отнесенных к нетипичным, не следует прямо из текста закона и осмысливается в качестве таковой на стадии правоприменения.

Также нетипичные формы подразумевают значительный неимущественный элемент, обусловленный особенностями содержания конкурсного правоотношения.

В качестве нетипичных форм конкурсной ответственности в рамках настоящей диссертации предлагается понимать (а) введение процедур банкротства как форму конкурсной ответственности должника и (б) субординацию требований кредиторов.

Такая классификация обусловлена в т.ч. тем, что каждое из описанных правовых явлений предполагается как реакция на правонарушение, сопряженная как с имущественными, так и с неимущественными последствиями, так или иначе ухудшающими положение субъекта ответственности.

Более того, каждая из описанных форм в полной мере реализует функции ответственности.

Определяя функции конкурсной ответственности следует учитывать, что основной функцией гражданско-правовой ответственности является компенсаторно-восстановительная функция[1].

---

[1] Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 235.

Указанная функция отражает направленность большинства форм гражданско-правовой ответственности на восстановление имущественных потерь пострадавшей стороны. Более того, как бы устанавливая нижний порог размера ответственности, компенсаторно-восстановительная функция закладывает и верхний порог – не более размера причинённого вреда.

При этом, как и любая юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность реализует и штрафную функцию.

Штрафная функция, т.е. функция, связанная с наказанием правонарушителя за совершённое правонарушение, тесно связана с двумя другими, выделяемыми Е.А. Сухановым функциями: стимулирующей и предупредительно-воспитательной.

Как представляется, указанные две функции направлены на достижение одной и той же цели: превентивное воздействие на участников гражданского оборота так, направленное на формирование нежелания совершать правонарушение.

При этом стимулирующая функция реализуется в целом в рамках оборота организуя поведение его участников в русле надлежащего поведения, в то время как предупредительно-воспитательная функция находит своё отражение на индивидуальном уровне и реализуется в т.ч. при применении мер превентивной защиты (см., например, ст. 1065 ГК РФ).

Указанные четыре функции выделялись еще в советский период и отражают классическое представление о функциях гражданско-правовой ответственности[1].

Некоторые учёные выделяют только две функции гражданско-правовой ответственности: предупредительно-воспитательную и восстановительную[2]. Указанные функции вбирают в себя ту направленность,

---

[1] Рыженков А.Я. Функции гражданского права: вопросы теории // Пробелы в российском законодательстве. №23. 2012. №4. С. 44-49.

[2] Тархов В.А. Понятие и значение гражданско-правовой ответственности // Гражданское право. Ч. 1 / Под ред. З.И. Цыбуленко. М., 1998. С. 425.

которая характерна для штрафной и стимулирующей функции.

Иные учёные выделяют дополнительные функции гражданско-правовой ответственности, такие как: регулятивная[1], сигнализационная[2], стабилизирующая[3] и др.

Практическая реализация функций гражданско-правовой ответственности происходит при применении мер гражданско-правовой ответственности.

Важным аспектом в понимании гражданско-правовой ответственности в целом и конкурсной ответственности в частности, является то, что санкции направлены в пользу потерпевшего лица.

Это представляется особенно важным в контексте того, что что лицо, обращающееся за судебной защитой для привлечения правонарушителя к ответственности, не всегда тождественно потерпевшему, что реализуется в рамках дел о банкротстве, корпоративных спорах, при законном представительстве и т.д.

Гражданское право знает примеры применения санкций в пользу государства, однако они единичны и не свойственны регулированию в целом.

Как отмечает большинство авторов, гражданско-правовая ответственность носит компенсационный характер, т.е. направлена на восстановление положения потерпевшей стороны, существовавшего до нарушения обязательства.

Между тем, как указывает Е.А. Суханов, в гражданском законодательстве есть примеры непропорциональной ответственности,

---

[1] Рыженков А.Я. Функции гражданского права: вопросы теории // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 44-49.

[2] Гражданское право. Ч. 1 / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. (автор главы – Малинина Н.М.) М. 1997. С. 442.

[3] Камышинский В.П. Гражданское право. В 2 ч. Ч.1: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. М.: ЮНИТИДАНА, 2012. С.327.

например, при защите прав потребителей[1], а также меры, в строгом смысле не связанные с нарушением субъективных прав конкретного лица.

Возможность привлечения к ответственности сверх фактического вреда объясняется тем, что правопорядок стремится к стимулированию участников оборота к исполнению обязанностей и добросовестному поведению.

Таким образом несмотря на то, что общим правилом, касающимся размера ответственности в гражданском праве, является эквивалентность санкции причинённому вреду, допускается также и применение санкций, ограниченных в размере, а также применение санкций, размер которых превышает причинённый вред.

Как указывал В.П. Грибанов, санкции в гражданском праве могут быть подразделены на конфискационные, штрафные и компенсационные[2].

Природа компенсационных санкций представляется понятной. Указанные санкции направлены на восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Основным видом компенсационных санкций является взыскание убытков.

Конфискационная санкция на настоящий момент предусмотрена ст. 243 ГК РФ, и реализуется, например, в ст. 169 ГК РФ, закрепляющей возможность принудительного изъятия дохода, полученного в связи с совершением сделки, противоречащей основам правопорядка или нравственности.

Штрафные санкции применяются помимо компенсации причинённого вреда, однако, в отличие от конфискации, взыскиваются в пользу пострадавшего лица. Такие санкции взыскиваются без учета размера и наличия убытков. Основанием для их применения является сам факт

---

[1] Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. С. 444.

[2] Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 3-е. М.: «Статут», 2022. С. 316.

гражданского правонарушения, например, факт неисполнения договорных обязательств. К категории штрафных санкций можно отнести, например, неустойку, штраф и пеню[1].

Таким образом, можно заметить, что основная масса мер гражданско-правовой ответственности связана с перемещением капитала между двумя частными лицами в связи с совершением правонарушения.

Между тем, очевидно, что конфискационные санкции, несмотря на то что являются частноправовыми, направлены на взыскание с правонарушителя в пользу государства, при том, что государство не претерпело вреда как частный собственник.

Учитывая это, при исследовании конкурсной ответственности отдельный интерес вызывает вопрос о правовой природе ряда мер гражданско-правовой ответственности, в т.ч. о месте принудительной ликвидации в системе цивилистической ответственности. Отметим, что правовая природа принудительной ликвидации, как представляется, может иметь значения при установлении места введения процедур банкротства в системе конкурсной ответственности, поскольку именно принудительная ликвидация является наиболее частым итогом введения процедур банкротства в отношении юридических лиц.

Следуя правовой позиции Конституционного Суда РФ, высказанной в Постановлении от 18 июля 2003 г. №14-П, принудительная ликвидация юридических лиц по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 61 ГК РФ, представляет собой ***санкцию*** за нарушение данными лицами соответствующих положений закона[2].

---

[1] Грибанов В.П. Указ. соч. С. 316.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2003 г. №14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», статей 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская независимая вещательная корпорация» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 30. Ст. 3102.

Для целей настоящего исследования представляется значимым определение отраслевой принадлежности такой санкции и природы её реализации.

В науке гражданского права высказываются полярные позиции. Так, например, Д.С. Щеглов относит принудительную ликвидацию к гражданско-правовым санкциям[1]. А.А. Лукьянцев, в свою очередь, рассматривает принудительную ликвидацию юридического лица как ***форму*** ответственности[2].

Одновременно с этим в науке высказывается позиция о том, что принудительная ликвидация является санкцией административно-правовой природы, поскольку в реализации указанной санкции участвует публичный субъект, что не свойственно частноправовым отношениям, а также поскольку принудительная ликвидация преследует цель наказания субъекта, что также не свойственно частноправовым отношениям[3].

Полагаем, что принудительная ликвидация юридического лица является формой гражданско-правовой ответственности.

Во-первых, следует отметить, что существенный публично-правовой элемент, имеющий место при реализации такой санкции, действительно не характерен гражданско-правовой ответственности. Между тем, гражданскому праву, как уже было отмечено, известна конфискация как санкция за совершение гражданского правонарушения (в виде совершения сделки, заведомо противоречащей добрым нравам (ст. 169 ГК РФ), которая характеризуется аналогичной степенью публично-правового присутствия.

---

[1] Щеглов Д.С. Место принудительной ликвидации юридических лиц в системе гражданско-правовой ответственности // Крымский научный вестник. 2015. №3. С. 36.

[2] Лукьянцев А.А. Ответственность при осуществлении предпринимательской деятельности в гражданском законодательстве России: теория и судебная практика : дис. … д-ра юрид. наук. Ростов-На-Дону. 2006. С. 19.

[3] Баранова А.Н. Принудительная ликвидация юридических лиц как мера юридической ответственности и мера защиты нарушенных прав // Образование и общество. 2009. № 4. С. 105-109.

Во-вторых заметим, что указанная санкция является разновидностью корпоративной ответственности самой корпорации в составе гражданско-правовой ответственности. При этом корпоративное право, в особенности в части правового статуса юридических лиц, вынужденно имеет существенный публично-правовой элемент в связи с участием в деятельности, связанной с созданием и осуществлением деятельности юридических лиц органов юстиции, налоговых органов (например, в части ведения ЕГРЮЛ), профессиональных участников рынка ценных бумаг (например, реестродержателей) и т.д.

Поскольку ликвидация, равно как и создание и реорганизация юридического лица, является урегулированной ГК РФ деятельностью, связанной с правовым статусом субъектов гражданского права, объемом прав субъектов в обороте и т.д., представляется неправильным выводить ликвидацию, в т.ч. принудительную, за рамки гражданско-правового регулирования.

При этом следует отметить, что принудительная ликвидация, в отличие от большинства мер гражданско-правовой ответственности является в большей степени неимущественной санкцией.

В связи с этим, как отмечает Т.В. Мельникова, принудительная ликвидация не подразумевает наличие потерпевшего, в пользу которого бы была направлена мера ответственности[1].

Полагаем, что принудительная ликвидация, равно как и принудительное прекращение статуса индивидуального предпринимателя, применение принципа эстоппель или исключение участника из хозяйственного общества являются мерами гражданско-правовой ответственности, по природе своей являющимися ***лишением или ограничением права***.

[1] Мельникова Т.В. Некоторые аспекты правовой природы ликвидации юридического лица // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №57. С. 222.

На возможность применения мер ответственности, связанных с лишением права, и их гражданско-правовую природу указывал О.С. Иоффе: «гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав, либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей»[1].

В науке предлагается относить меры защиты, характеризующиеся лишением субъективного права к конфискационным мерам[2].

Заметим, что лишение предусмотренного гражданским законодательством права в науке зачастую относится к мерам ответственности (например, лишение родительских прав)[3].

С точки зрения анализа субординации требований кредиторов как формы конкурсной ответственности, интересной представляется ответственность участника хозяйственного общества в виде его исключения из общества, закрепленная в п. 2 ст. 67 ГК РФ.

Так, участник общества вправе требовать исключения из общества другого участника, если тот своими действиями причинил вред обществу или затрудняет его деятельность, с выплатой действительной стоимости доли.

На наш взгляд в указанном случае также имеет место ответственность в виде лишения права, поскольку несмотря на то, что основанием ответственности в данном случае может являться вред обществу, компенсация такого вреда будет происходить в рамках иска о взыскании убытков, а сама мера ответственности будет иметь неимущественный характер (т.к. выплачивается действительная стоимость доли в обществе).

Таким образом, в российском гражданском праве существует

---

[1] Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Госюриздат, 1975. С. 97.

[2] Кархалев Д.Н. Гражданско-правовые формы охранительных отношений // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 58.

[3] См. Григорьева А.Г. Мера семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав // Теория и практика общественного развития. 2013. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mera-semeyno-pravovoyotvetstvennosti-v-vide-lisheniya-roditelskih-prav (дата обращения: 25.02.2025).

значительное количество примеров мер ответственности, связанных с принудительным ограничением лица в его гражданских правах в связи с совершением того или иного правонарушения.

В связи с этим видится обоснованным обособленное рассмотрение указанных выше форм конкурсной ответственности относительно типичных её форм.

1. Введение процедуры банкротства как самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности должника

В первую очередь предлагаем рассмотреть введение процедур банкротства как самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности должника.

Для начала отметим, что определение правовой природы процедур банкротства является дискуссионным.

Например, Е.Д. Суворов указывает, что дело о банкротстве является не более чем особым порядком исполнения обязательств, обеспечивающим коллективный расчет должника с кредиторами. В связи с этом ученый квалифицирует банкротство как институт обязательственного права[1].

Похожую позицию высказывал и Г.Ф. Шершеневич: ««Если в конкурсном производстве имеет место также признание требований, то это не составляет его существенного условия, а может произойти вне его, общим судебным порядком. Если в конкурсном производстве допускается признание требований кредиторов, это объясняется исключительно практическими удобствами, какие представляет этот способ. Устранение

[1] Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостояельного должника: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М. 2023. С. 21; Суворов Е.Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации за 2022–2024 гг.: обзор и комментарии. М.: Статут, 2025. С. 12.

этой возможности не лишило бы конкурсного производства присущей ему в настоящее время юридической природы»[1].

В то же время введение процедур банкротства являлось предметом рассмотрения нескольких работ с точки зрения гражданско-правовой ответственности.

Так, например, А.Б. Агеев указывает, что банкротство в целом можно рассматривать как меру гражданско-правовой ответственности должника за ненадлежащее исполнение обязательств перед кредиторами. В таком случае ученый предлагает рассматривать процедуры наблюдения и внешнего управления в качестве стадий конкретизации юридической ответственности, а конкурсное производство – в качестве стадии реализации ответственности[2].

Также отдельно отмечено, что принудительная ликвидация должника является способом реализации юридической ответственности должника[3]. Отмечается, что принудительная ликвидация является санкцией неимущественного характера, которая наступает не в связи с нарушением обязательства или причинением вреда, а в связи с прямым указанием закона[4].

Похожие выводы были сделаны и Д.А. Медведевым ещё в момент зарождения российского (советского) правового регулирования института банкротства. Так, по мнению Д.А. Медведева «ничто не препятствует квалификации ликвидационного процесса[5] в качестве ***специфического вида гражданской ответственности***»[6].

Как указывает ученый, такая квалификация обусловлена следующим:

---

[1] Шершеневич Г. Ф. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М. : Статут, 2003. С. 180. цит. по: Суворов Е.Д. К вопросу о понятии банкротства // Lex russica. 2020. 73(11). С. 31.
[2] Агеев А.Б. Банкротство в гражданском праве, проблемы теории. автореф. дис. … канд. юрид. наук. М. 2001. С. 8.
[3] Там же. С. 9.
[4] Агеев А.Б. Банкротство как форма юридической ответственности // Законодательство. 2001. № 2 // СПС «Гарант» (дата обращения 21.01.2025).
[5] Под ликвидационным процессом автором подразумевается в т.ч. конкурсное производство. Также отметим, что правовое регулирование того времени не предполагало такой процедуры как наблюдение.
[6] Медведев Д.А. Указ. соч. С. 192.

1) совокупным основанием конкурсного производства являются правонарушения, которые были допущены должником в рамках хозяйственной деятельности перед банкротством;

2) конкурсное производство является реализацией особой санкции, субъектом которой является сам должник, и выражается в полном разделении его имущества;

3) конкурсное производство осуществляется в рамках специального обязательственного охранительного правоотношения, которое складывается между должником и кредитором.

Особенностями такой ответственности является, во-первых, наличие права самого должника инициировать дело о банкротстве, а, во-вторых, то, что ответственность всегда наступает в отношении всего имущества, принадлежащего должнику, а сам должник прекращает свое существование.

Таким образом, в науке гражданского права нашла отражение позиция о санкционной природе процедур банкротства.

Между тем, существуют и противоположные позиции.

Так, например, А.А. Тарасенко была выражена позиция, согласно которой введение процедур банкротства обусловлено не правонарушением, а несостоятельностью. В свою очередь, несостоятельность (имеющая, по мнению ученого, в основном экономическое содержание) не является противоправной, что «исключает рассмотрение и несостоятельности как вида или меры ответственности должника»[1].

Также А.А. Тарасенко указывает, что противоправностью характеризуется «нарушение первоначального регулятивного обязательства»[2], а «признание должника банкротом является своеобразной кульминацией реализации ответственности должника»[3]. С учетом понимания под таким первоначальным обязательством обязательства должника перед

[1] Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 150-151.
[2] Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 150-151.
[3] Там же. С. 154.

кредитором, в рамках которого сформировалась задолженность, считаем правильным согласиться с изложенным.

Полагаем, что сама по себе несостоятельность действительно может не являться противоправной, поскольку является юридическим фактом, характеризующим статус, отражающий экономическое состояние должника[1].

Соответственно, сама по себе несостоятельность действительно не может являться формой ответственности должника.

Однако полагаем, что изложенная позиция А.А. Тарасенко и приведенная ранее позиция Д.А. Медведева не являются взаимоисключающими.

Как правильно указывает Д.А. Медведев, правонарушения, в связи с которыми возбуждается дело о банкротстве (и в дальнейшем вводится первая процедура), совершаются в рамках предшествующей банкротству хозяйственной деятельности. Именно «нарушение первоначального регулятивного обязательства» и является основанием для введения первой процедуры банкротства.

Отметим, что, например, введение первой процедуры банкротства происходит не в связи с наличием эфемерных признаков банкротства самих по себе, а в связи с наличием просрочки исполнения конкретного обязательства (обязательств) должника перед конкретным кредитором (кредиторами).

Также заметим, что несостоятельность не может являться и санкцией, и правонарушением, являющимся основанием такой санкции одновременно.

На наш взгляд несостоятельность нельзя воспринимать ни как форму ответственности, ни как её основание, поскольку несостоятельность – это установленное судом правовое состояние должника, которое, однако, является дополнительным элементом юридического состава, необходимого

[1] Такая точка зрения находит отражение в доктрине. См., напр., Суворов Е.Д. К вопросу о понятии банкротства // Lex russica. 2020. 73(11). С. 22.

для введения процедуры банкротства (например, открытия конкурсного производства), т.е. является условием ответственности.

Та же логика применима и, например, к введению наблюдения, обязательным условием которого является наличие просрочки должника перед заявителем (заявителями) в определенном законом размере и в течение определенного времени.

Санкция же выражается не в признании должника банкротом как факте, а в наступлении характерного для той или иной процедуры банкротства комплекса негативных правовых последствий.

Полагаем, что введение любой процедуры банкротства является сложным многоаспектным правовым явлением, имеющим ряд самостоятельных правовых последствий.

При этом последствия введения любой процедуры характеризуется ограничением правоспособности как самого должника, так и органов его управления. Более того, введение любой процедуры подразумевает и ограничение имущественных прав участников (акционеров) должника, что выражается, например, в прямом запрете выплаты дивидендов, действительной стоимости долей и т.д. (ст. 63 Закона о банкротстве).

В рамках банкротства физических лиц должник также ограничивается в правоспособности, о чем свидетельствует необходимость согласовывать сделки должника с финансовым управляющим в процедуре реструктуризации долгов (п. 5 ст. 213.11 Закона о банкротстве) и статус финансового управляющего как единственного лица, которое вправе выражать волю должника в имущественных правоотношениях – в процедуре реализации имущества.

Более того, отметим, что в соответствии со ст. 213.30 Закона о банкротстве признание должника-гражданина банкротом приводит к ограничению ряда его прав на определенный срок, включая ограничение права на принятие обязательств по кредитным договорам, ограничение права на занятие должностей в органах управления юридического лица (или иное

участие в управлении юридическим лицом), в т.ч. кредитных, страховых, инвестиционных и иных организаций.

Отметим, что реализация указанных последствий вне зависимости от процедуры осуществляется в рамках уже возникшего конкурсного правоотношения и более того, в связи с возникновением такого правоотношения.

При этом в науке обращалось внимание на то, что ограничение дееспособности (п. 1. ст. 30 ГК РФ), отказ в защите права (ст. 10 ГК РФ) и т.п. можно отнести к мерам[1] гражданско-правовой ответственности[2].

Отнесение введения процедур банкротства к гражданско-правовой ответственности подразумевает, что этому предшествует наступление определённого юридического состава – основания и условий ответственности.

Особенностью такой ответственности является особый (отчасти усеченный) состав правонарушения, влекущего её наступление, поскольку закон не содержит презумпций вины должника в наступлении банкротства.

Заметим, что вина как умысел или неосторожность вполне могут иметь место, что в свою очередь не влияет на разрешение вопроса о введении процедуры, либо об отказе в удовлетворении требований заявителя.

Следовательно, вина не является элементом юридического состава, необходимого для наступления ответственности, не является условием такой ответственности.

Однако нельзя не отметить, что умышленное банкротство, например, совершение должником (как юридическим, так и физическим лицом) действий, целенаправленно приводящих к банкротству, могут являться как

---

[1] Отметим, что во многих работах Е.А. Суханова термины «мера ответственности» и «форма ответственности» употребляются как синонимы. См., напр.: Куликов Е.С. Проблемы в терминологии и классификации гражданско-правовой ответственности // Вестник УМЦ. 2018. №3 (20). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-v-terminologii-i-klassifikatsii-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti (дата обращения: 27.05.2025).

[2] Гражданское право: Учебник / Под ред. Е.А. Суханова. М., 1998. Т. 1. С. 433.

основаниями для самостоятельной ответственности (уголовной, административной), так и выступать своего рода «квалифицирующими» признаками, определяющими конечное содержание рассматриваемой формы ответственности (например, должник-гражданин может быть не освобожден от обязательств по итогам процедуры реализации имущества).

Ключевым вопросом является основание ответственности в виде введения процедуры банкротства.

Полагаем, что при разрешении данного вопроса возможно отталкиваться от правового статуса потерпевшего и фактического характера правонарушения.

Не вызывает споров тот факт, что возбуждение дела о банкротстве и введение процедуры всегда обусловлены не только возникновением признаков банкротства, но и наличием волеизъявления кредиторов должника на вступление в дело или на его инициирование. В противном случае, даже в ситуации, когда дело о банкротстве возбуждено по заявлению самого должника, но при отсутствии кредиторов, дело подлежит прекращению (п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве).

Полагаем, что потерпевшим лицом применительно к ответственности в виде введения процедуры является гражданско-правовое сообщество кредиторов. Как уже указывалось, к моменту возникновения признаков банкротства такое сообщество уже возникло, хотя и может находиться в «спящем» состоянии.

Такой вывод подчеркивается тем, что требования о минимальном размере просроченной задолженности, необходимой для признания заявления кредитора обоснованным, распространяются не на каждого кредитора отдельно, а на всех кредиторов, перед которыми имеется просрочка, в совокупности[1].

[1] Т.е. имеется в виду, что, например, заявление о банкротстве компании будет признано обоснованным, если его совестно подали 4 кредитора с требованиями по 500 тыс. руб.

При этом в судебной практике ВС РФ нашла отражение позиция о том, что заявитель по делу о банкротстве обладает особыми, не присущими другим кредиторам правами, например, правом на определение кандидатуры временного (либо конкурсного, финансового) управляющего[1].

Особый статус кредитора-заявителя позволяет предположить о следующем.

Вред, причинённый самим фактом банкротства должника, безусловно направлен на всех его кредиторов, совокупность которых обрамлена границами соответствующего гражданско-правового сообщества.

Однако окончательный состав такого сообщества неизвестен, поскольку, во-первых, кредитор может и не изъявить воли на предъявление требований к должнику, что в конечном итогу приведет к его выбытию из соответствующего сообщества, а во-вторых, требования всех кредиторов подлежат предварительной судебной проверке (за исключением отдельных случаев, когда требования налогового органа включаются в реестр требований конкурсным управляющим самостоятельно[2]).

Фактически, к моменту проверки обоснованности заявления о банкротстве заявитель является единственным кредитором, обоснованность и размер требований которого известны суду.

Соответственно, именно отношения с кредитором-заявителем, который вместе с тем является представителем всего гражданско-правового сообщества, определяют основание ответственности для целей применения рассматриваемой формы ответственности.

Из изложенного следует, что в основании ответственности в виде введения процедуры банкротства неизбежно лежит просрочка исполнения обязательства.

---

[1] Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2022 №309-ЭС22-7051 по делу № А60-57226/2021 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Определение Верховного Суда РФ от 03.06.2024 №305-ЭС23-19921 по делу № А41-63047/2017 // СПС «Консультант Плюс».

Однако та строгость, с которой правопорядок реагирует на просрочку исполнения, прямо указывает на её особый характер.

Видимо, можно сделать вывод о том, что значительный размер и длительность просрочки сами по себе предполагают, что должник скорее всего не сможет исполнить свои обязательства и перед другими кредиторами, в т.ч. будущими.

Соответственно санкция, имеющая место в настоящем случае, направлена не только на реализацию компенсаторной функции, но и связана с превентивной защитой прав иных лиц (права которых еще не нарушены или о нарушении прав которых еще не стало известно).

Таким образом законодатель обеспечивает защиту не только конкретных кредиторов, но и стабильности гражданского оборота вообще[1].

Из изложенного можно предположить, что основанием рассматриваемой ответственности будет являться не вред, а нарушение обязательства, подлежащего денежной оценке, и подтвержденного решением суда (по общему правилу). При этом такое нарушение должно быть сопряжено с наличием установленных законом формальных признаков или с наличием качественной системной невозможности погасить требования одних кредиторов без причинения вреда другим.

Иначе говоря, такая ответственность наступает в связи с повышенным риском причинения вреда кредиторам в будущем, размер которого мог бы определяться как часть требований кредиторов, которую не удалось погасить.

Представленная логика также одновременно исчерпывающе описывает содержание условия о противоправности, необходимого для наступления гражданско-правовой ответственности.

Субъектом ответственности является сам должник, виновно или

---

[1] Указанный вопрос являлся предметом исследования множества работ, см., напр., Суходольский И.М. Участие государства в процессе несостоятельности (банкротства): монография. Юстицинформ. 2024. // СПС «КонсультантПлюс».

безвинно не способный удовлетворить требования всех кредиторов.

Нельзя не отметить различные вариации последовательности различных процедур банкротства[1]. Например, позиция, изложенная А.А. Тарасенко позволяет рассматривать смену процедур банкротства как «развитие специальных правовых статусов» должника[2]. Полагаем, что указанное утверждение верно, поскольку от процедуры к процедуре правосубъектность должника и его органов может существенно изменяться.

При этом полагаем, что различные последствия последовательного введения различных процедур не могут являться свидетельством неоднократного применения ответственности.

Полагаем, что в настоящем случае действительно имеет место развитие конкурсного правоотношения, связанного с собственной ответственностью должника, а различное наполнение правового статуса должника в рамках различных процедур скорее связано с направленностью правового регулирования на достижение баланса интересов должника, его участников и кредиторов, а также предотвращением возможного злоупотребления институтом несостоятельности со стороны недобросовестных кредиторов.

Также нельзя не отметить и того, что одним из последствий введения в отношении должника процедуры банкротства может являться ***обращение взыскания на всё его имущество***.

Так, Закон о банкротстве, в частности ст. ст. 138, 139, 148 и 149 упомянутого закона, предполагает, что в рамках банкротства должника всё его имущество подлежит реализации в пользу третьих лиц в том числе путём проведения публичных торгов, заключения прямых договоров или отступного. В случае сохранения в конкурсной массе нереализованного имущества, имеющего экономическую ценность, при наличии непогашенных

---

[1] Имеется в виду то, что общее правило предполагает необходимость введения в первую очередь санационной процедуры (наблюдения, реструктуризации) и лишь затем реализационной (конкурсное производство, реализация имущества), а также возможности перехода в финансовое оздоровление или внешнее управление для юридических лиц.

[2] Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 168.

требований конкурсных кредиторов, реализационная процедура банкротства не может быть завершена.

Единственным исключением из указанного правила является наличие у должника имущества, на которое в силу прямого указания закона не может быть обращено взыскание, например, в соответствии со ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ[1]. Впрочем, такого рода имущество в целом не может быть включено в конкурсную массу должника.

Отметим, что в доктрине содержатся достаточные основания для того, чтобы рассматривать обращение взыскания на имущество должника как форму его ответственности.

Как указывает Р.В. Файзуллин, категория реализации имущественной ответственности должника в немецком праве понимается как принудительное обращение взыскания на все имеющееся и не освобожденное от описи и ареста имущество[2].

Отметим, что немецкое право в целом рассматривает процедуры несостоятельности должника как «инструмент реализации имущества несостоятельного должника, составляющего конкурсную массу, и осуществления его имущественной ответственности (Verwirklichung der Vermögenshaftung) в интересах кредиторов»[3]. Например, как указывает профессор П. Готтвальд, аспект реализации имущественной ответственности должника стоит на первом плане для процедуры несостоятельности, и только во вторую очередь рассматривается вопрос о субъекте[4].

Таким образом, в немецкой доктрине сложились представления о конкурсоспособности именно в аспекте имущественной ответственности должника в процедуре сводного исполнительного производства. Понятием

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
[2] Файзуллин Р.В. Категория должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии : дисс. ... канд. юрид. Наук. Красноярск : СФУ, 2022. С. 120.
[3] Там же. С. 99.
[4] Insolvenzrechthaddbuch / Hrsg.von Prof. P. Gottwald. S.120.

Insolvenzfähigkeit (способность быть несостоятельным) обозначается допустимость процедуры несостоятельности над единым имуществом[1].

В российском праве вопрос о природе обращения взыскания на имущество должника как аспекте ответственности не столь развит, однако являлся предметом исследования в рамках ряда работ.

Например, А.Н. Спиркина рассматривает природу обращения взыскания на имущество его собственника через призму дуалистического подхода. По мнению ученого обращение взыскания на имущество может быть рассмотрено как мера принуждения в случае лишения права собственности по решению суда и как мера гражданско-правовой ответственности в случае лишения права собственности на основании договора, существующего между кредитором и должником: «в отличие от других случаев принудительного прекращения права собственности возможность обращения взыскания на имущество собственника по его обязательствам программируется им самим в момент возникновения соответствующего обязательства, так как принудительное обращение взыскания на имущество выступает санкцией за неисполнение обязательств»[2].

Некоторыми авторами также отмечается, что вопрос об отнесении такого способа исполнения, как обращение взыскания на имущество должника, к мерам принуждения либо к мерам гражданско-правовой ответственности остаётся дискуссионным[3]. При этом подчёркивается, что институт обращения взыскания необходимо рассматривать широко, учитывая специфику и мер принуждения, и мер гражданско-правовой

---

[1] Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung. Bd. 2 / Hrsg. von H.P. Kirschof, Dr. H.-J. Lwowski, Dr. R. Stürner. 2. Aufl. München, 2007. S. 266.

[2] Спиркина А.Н. Обращение взыскания на имущество по обязательствам как основание прекращения права собственности : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 11-12.

[3] Перова М.С. Организационно-правовые основы исполнительного производства в сфере обращения взыскания на заложенное имущество должников: российский и зарубежный опыт // Практика исполнительного производства. 2015. № 6. С. 43-44.

ответственности.

Аналогичная дискуссия ведется и вокруг того, является ли обращение взыскания на предмет залога мерой защиты или мерой ответственности[1].

Ю.А. Кожина указывает, что «...привлечение к ответственности должника по договору ипотеки влечет за собой прекращение залога, поскольку единственной мерой ответственности в подобном обязательстве является возможность обращения взыскания на имущество должника, являющееся предметом договора ипотеки»[2]. Такой подход разделяется рядом российских правоведов[3].

Е.Ю. Конев прямо указывает на то, что обращение взыскания на заложенное недвижимое имущество необходимо квалифицировать как меру гражданско-правовой ответственности, в т.ч. подчёркивая, что «необходимыми условиями для привлечения к ответственности по договору об ипотеке являются противоправность деяния и вина залогодателя»[4].

Таким образом, обращение взыскания на имущество должника, включая обращение взыскания на предмет залога представляется допустимым рассматривать в контексте конкурсной ответственности как с точки зрения российской доктрины, так и с точки зрения немецкого права.

Учитывая изложенное, полагаем возможным прийти к следующим выводам.

Введение в отношении имущества должника процедур несостоятельности является элементом системы конкурсной ответственности.

---

[1] Мочалова В. А. Гражданско-правовые вопросы обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество : научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2013. С. 27-28.

[2] Кожина Ю.А. Договор ипотеки жилых помещений: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 143. Цит. по: Мочалова В. А. Гражданско-правовые вопросы обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество : научно-практическое пособие. Москва : Юстицинформ, 2013. С. 28.

[3] Там же. С. 28.

[4] Конев Е. Ю. Гражданско-правовая ответственность по договору ипотеки: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : Белгород, 2004. С. 6.

В свою очередь введение процедуры банкротства предполагает наступление ряда различных негативных правовых последствий для должника, которые могут выражаться как в ограничении его сделкоспособности и принудительной ликвидации (что предполагает наличие неимущественного элемента), так и в обращении взыскания на всё его имущество, включая предмет залога (имущественный элемент).

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что введение процедуры банкротства является видом конкурсной ответственности, поскольку устанавливает основание и правовой режим реализации ответственности, а также реализуется в нескольких формах.

При этом в качестве форм конкурсной ответственности в виде введения в отношении имущества должника процедуры банкротства предлагается рассматривать следующие:

а) ограничение сделкоспособности должника, которое выражается в частичном или полном лишении органов его управления возможности свободно изъявлять волю на вступление в гражданские правоотношения, их изменение или прекращение;

б) обращение взыскания на имущество должника в целом и на предмет залога в частности;

в) принудительная ликвидация должника - юридического лица, а также ограничение отдельных гражданских прав должника-гражданина.

Итак, можно заключить следующее.

Само по себе введение в отношении должника процедуры банкротства может быть квалифицировано в качестве вида конкурсной ответственности. Субъектом такой ответственности выступает должник по делу о банкротстве.

При этом введение процедуры банкротства не тождественно несостоятельности, которая является отражением экономического состояния должника. Несостоятельность не является ни формой, ни основанием ответственности. Между тем несостоятельность может выступать в качестве условия ответственности, наступающей в виде введения в отношении

должника процедуры банкротства.

В связи со сложностью и многоаспектностью института банкротства, ответственность в виде введения процедуры банкротства реализуется на многих уровнях (например, ограничение дееспособности должника, принудительная ликвидация и др.). Ответственность в виде введения процедуры банкротства может быть реализована в нескольких формах, включая ограничение сделкоспособности должника, обращение взыскания на имущество должника и принудительную ликвидацию должника – юридического лица, а также ограничение отдельных гражданских прав должника-гражданина.

Основанием применения такой ответственности является конкурсный деликт, проявляющийся в квалифицированной просрочке должника по обязательству перед кредитором, о чем свидетельствует особо строгий характер ответственности, далеко выходящей за рамки первоначального обязательственного правоотношения.

Полагаем, что значительный размер и длительность просрочки можно рассматривать таким образом, что их наличие само по себе в достаточной степени свидетельствуют о невозможности исполнить обязательства должника перед другими участниками гражданско-правового сообщества кредиторов, в т.ч. перед будущими кредиторами.

2. Субординация требований кредиторов как форма конкурсной ответственности

В рамках осмысления правовых явлений, свойственных институту банкротства с точки зрения гражданско-правовой ответственности отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает субординация требований кредиторов.

Вопрос о правовой природе субординации требований кредиторов уже

являлся предметом диссертационных исследований, однако на настоящий момент отсутствуют исследования, в рамках которых субординация требований кредиторов была бы исследована в качестве элемента системы конкурсной ответственности.

Как правило под субординацией требований кредиторов в науке понимается понижение требований отдельных кредиторов относительно иных кредиторов, чьи требования подлежат удовлетворению в очередности, предусмотренной ст. 134 Закона о банкротстве[1]. При этом, например, ВС РФ использует как термин «субординация», так и термин «понижение очередности удовлетворения» в синонимичном значении.

Такое понижение очередности удовлетворения требований может иметь различное нормативное и ненормативное закрепление.

Так, первоначально субординация на законодательном уровне предполагалась для двух ситуаций:

1) пропуск кредитором срока на предъявление требований к должнику в соответствии со ст. 142 Закона о банкротстве;

2) предъявление ко включению в реестр требований кредиторов реституционного требования, вытекающего из признания сделки недействительной по основаниям, предусмотренным п. 2. ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Очевидно, что указанные основания для понижения очередности удовлетворения не однородны. Если первое основание представляется механизмом установления правовой определенности, то второе – механизмом реагирования на недобросовестные действия сторон сделки, что прямо вытекает из положений ст. 61.6 Закона о банкротстве.

Иным источником субординации являются разъяснения ВС РФ и разрозненная судебная практика, динамично создающая «правила игры» для аффилированных и недобросовестных кредиторов. Впервые разрозненная

[1] См., напр., Лотфуллин Р.К. Субординация требований кредиторов. М. 2024. С. 32.

практика судов по вопросу о субординации требований была систематизирована в 2020 году, с опубликованием Обзора судебной практики от 29.01.2020 (далее – «Обзор от 29.01.2020»)[1].

По вопросу об основаниях субординации, вытекающих из практики ВС РФ, существуют различные подходы, однако наиболее точной с точки зрения судебной практики представляется позиция Е.Д. Суворова, согласно которой основаниями субординации являются:

1) изначальная недостаточная капитализация и

2) компенсационное финансирование[2].

Помимо этого, примечательной является позиция о том, что субординация требований кредитора (являющегося контролирующим лицом) обусловлена нарушением с его стороны закрепленной в ст. 9 Закона о банкротстве обязанности по публичному информированию участников гражданского оборота об имущественном кризисе должника[3].

Также отметим, что законом предусмотрена и своего рода «автоматическая» субординированность требований, прямо вытекающих из корпоративных правоотношений (например, о выплате стоимости доли участия в уставном капитале), которую, впрочем, как справедливо отмечено в доктрине, следует отграничивать от приведенных выше случаев[4]. Такая позиция находит отражение в немецком праве, где подобное ограничение прав участника компании рассматривается как «плата» за такую привилегию

---

[1] «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. №7.

[2] Суворов Е.Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации за 2022–2024 гг.: обзор и комментарии. М. : Статут, 2025. С. 92.

[3] Лотфуллин Р.К. Субординация требований кредиторов. М. 2024. С. 33.

[4] Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ / дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 34.

как ограниченная ответственность по долгам общества[1]. Отмечается, что следует разграничивать требования аффилированных лиц, вытекающих из корпоративных и гражданских правоотношений ввиду различных правовых последствий их предъявления[2].

Таким образом, научный интерес в контексте конкурсной ответственности представляет субординация, связанная с понижением очередности удовлетворения требований кредиторов, вытекающих из гражданских правоотношений и не связанных с пропуском срока на предъявление требований до закрытия реестра требований кредиторов.

На настоящий момент можно выделить несколько подходов к определению правовой природы субординации требований кредиторов.

Например, внимания заслуживает позиция, согласно которой «основанием субординации обязательственных требований контролирующих лиц <…> является то, что они способны более эффективно управлять риском банкротства должника в силу наличия права контроля и претендовать на извлечение неограниченной прибыли в случае удачи бизнеса»[3], а для понижения в очередности таких требований требуется доказать, что целью совершения сделки являлось предоставление компенсационного финансирования должнику[4]. Также ученый указывает, что субординация обусловлена в первую очередь повышенным риском контролирующего лица.

Из представленных воззрений также следует, что субординация не является формой гражданско-правовой ответственности, выступая чем-то

---

[1] Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства - неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2013. № 12. С. 22.

[2] Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ / дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 34.

[3] Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 17.

[4] Там же. С. 18.

вроде механизма перераспределения риска[1].

Полагаем возможным не согласиться с указанным подходом.

Похожая позиция нашла отражение в диссертации Е.В. Широковой, согласно которой механизм субординации является системой правовых средств, «обеспечивающих формирование и реализацию наиболее справедливой модели ранжирования требований кредиторов, предъявленных в деле о банкротстве корпорации»[2]. Интересной представляется и позиция ученого о том, что субординация требований кредиторов осуществляется в рамках особого субординационного правоотношения[3].

Полагаем, что изложенная позиция отражает ту же идею о природе субординации как о механизме справедливого распределения риска различных категорий кредиторов должника.

Заслуживает внимания диссертационная работа Н.В. Родиной. Не предлагая иного понимания правовой природы субординации, ученый совершенно справедливо указывает, что механизм субординации является способом защиты прав, правовые последствия применения которого наступают при наличии определенных условий, а именно: (а) недобросовестность поведения кредитора при формировании и предъявлении требования; (б) возникновение требования в результате совершения «вредоносной» сделки; (в) нарушение защищаемого законом интереса отдельного кредитора, который заключается в приоритетном удовлетворении требований; (г) направленность на предотвращение ущерба, возникновение которого вызвано исполнением требований закона об

---

[1] Шайдуллин А.И. Модель понижения в очередности (субординации) займов участников юридических лиц в России: в поисках оптимального регулирования // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 10. С. 24-46.

[2] Широкова Е.В. Гражданско-правовой механизм субординации требований кредиторов при банкротстве корпораций. дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск., 2021. С. 12-13.

[3] Широкова Е.В. Гражданско-правовой механизм субординации требований кредиторов при банкротстве корпораций. дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск., 2021. С. 12-13. С. 14.

очередности удовлетворения[1].

Отметим, что последние два условия отражают ситуации, не являющиеся предметом рассмотрения настоящего исследования и связанные с субординацией в более общем понимании, нежели в других приведенных выше работах или настоящей диссертации.

Однако выделение недобросовестности и вредоносной сделки как источника требования в качестве условий для субординации вызывает у нас полное согласие.

С иной стороны вопрос о правовой природе субординации рассматривает А.А. Тарасенко в рамках собственного анализа категории «банкротной» ответственности.

Не проводя глубокого предметного анализа, ученый, между тем, указывает на санкционную правовую природу субординации, однозначно относя её к «банкротной» ответственности[2].

Сама по себе субординация в рамках системы «банкротной» ответственности рассматривается как (а) специальная ответственность[3] (б) иных лиц, участвующих в деле о банкротстве, (в) являющаяся неимущественной и (г) наступающая за злоупотребление принципом ограниченной ответственности, «состоящей по существу в обременении права требования взаимосвязанного лица особым условием исполнения»[4].

Полагаем верным приведенный общий вывод о том, что субординация может быть отнесена к ответственности с точки зрения её правовой природы. Однако сформулированное А.А. Тарасенко основание ответственности, а именно – злоупотребление принципом ограниченной ответственности, вызывает сомнения.

---

[1] Родина Н.В. Механизм субординации требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: проблемы правовой регламентации дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 13.
[2] Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 16.
[3] Там же. С. 54.
[4] Там же. С. 55.

Также представленная позиция не позволяет установить предполагаемые условия ответственности и её субъектный состав.

Отметим, что сведение оснований субординации исключительно к злоупотреблению принципом ограниченной ответственности, т.е. фактически к корпоративным правоотношениям, существенно сужает её потенциальную применимость, а также не учитывает уже сложившиеся на практике подходы.

Заметим, что принцип ограниченной ответственности является одним из основополагающих начал корпоративного права. Указанный принцип подразумевает разграничение ответственности участников (акционеров) корпорации по долгам корпорации и наоборот. Таким образом действие принципа ограниченной ответственности по общему правилу распространяется исключительно на отношения корпорации и её участников.

При этом отметим, что, как уже было указано ранее, корпоративные отношения между указанными лицами в части установления требований в реестре отдельно урегулированы Законом о банкротстве и не связаны с рассматриваемой категорией субординации.

Также нельзя не отметить, что и закон, и судебная практика предусматривают возможность понижения очередности удовлетворения требований лиц, даже косвенно не связанных с должником корпоративными правоотношениями.

Принцип ограниченной ответственности приобретает значение в ситуациях так называемого «прокалывания корпоративной вуали» или отдельных случаях субсидиарной ответственности, что было рассмотрено подробнее в параграфе 3 главы 2 настоящей диссертации. Полагаем, что злоупотребление указанным принципом может быть рассмотрено в качестве одного из возможных оснований субординации, но не в качестве единственного.

Таким образом обращаем внимание на то, что существующие в настоящий момент в науке позиции, касающиеся правовой природы

субординации, не являются бесспорными и не отражают единого подхода.

Нет единства в определении правовой природы субординации требований кредиторов и в зарубежных правопорядках.

Во-первых, во многих правопорядках (например, в Англии и Франции) судебная субординация не признается в полной мере.

Например, в решениях английских судов признаётся невозможность предварительной субординации одного из кредиторов относительно других необеспеченных кредиторов, поскольку субординация в любом её проявлении подрывает принцип равенства кредиторов (pari passu)[1]. Существует и иная позиция, свидетельствующая о допустимости добровольного понижения очередности удовлетворения требований на основании соглашения[2]. Более того, отмечается, что такое соглашение не может быть оспорено[3]. Также можно обнаружить, что возможность субординации требований кредиторов ставится под сомнение в связи с возможным конфликтом субординации с правилами об автоматическом зачёте встречных требований должника и кредитора[4].

Французское право также признает договорную субординацию. Однако вопрос о субординации требований в рамках процедуры банкротства на законодательном уровне упоминается только в контексте понижения очередности требований участников должника при распределении ликвидационной квоты[5].

В США, а также других странах континентальной правовой системы ситуация обстоит иначе.

---

[1] Дело National Westminster Bank Ltd, [1972] 1 Все ER 641.; British Eagle International Airlines, [1975] 1 Все ER 390 *цит. по*: Mika J. Lehtimaki, Debt subordination in corporate liquidation (2007). P. 3-4 // URL: https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:487c871a-951a-4373-8d40-ba756ed4d248/files/dqb98mf63z (дата обращения 26.11.2024).

[2] Дело Re Maxwell Communications, 1993 1 WLR 1402. цит. по: Mika J. Lehtimaki, Указ. соч. P. 3-4.

[3] Дело Re SSSL Realisations, [2006] EWCA Civ 7 // URL: https://vlex.co.uk/vid/re-sssl-realisations-2002-793648557 (дата обращения 26.11.2024).

[4] Mika J. Lehtimaki, Указ. соч. P. 3-4.

[5] Articles L. 237-14 et seq. of the Commercial Code.

Например, в итальянском законодательстве существует категория субординированных требований (*crediti postergati*). К этой категории относятся требования, которые подлежат удовлетворению только при наличии достаточных средств после погашения требований других кредиторов. Субординация может быть установлена как на законодательном уровне (например, для корпоративных требований или требований, вытекающих из займов, предоставленных компаниям с недостаточным капиталом), так и на основании соглашения сторон[1]. Примером субординации, установленной законом, является понижение очередности удовлетворения требований аффилированных с должником лиц. Это может касаться, например, участников группы компаний, акционеров, владеющих долей более 10 % в непубличных компаниях, директоров (включая фактических контролирующих лиц, ликвидаторов и других связанных лиц).

Следует отметить, что право Европейского Союза также допускает субординацию требований участников корпорации к должнику.

В немецком праве акционеры обычно рассматриваются как субординированные кредиторы[2]. Кроме того, субординации подлежат любые займы, предоставленные этими лицами должнику.

В рамках процедуры ликвидации в Великобритании требования акционеров также понижаются в очередности удовлетворения что практически лишает их возможности влиять на ход процедуры банкротства. Основное влияние на ход процедуры и действия управляющего находится в руках кредиторов, которые действуют через общее собрание или комитет.

Из изложенного можно сделать вывод, что в рамках правовых систем большинства стран Европы не проводится разделения на акционеров и

---

[1] Restructuring & Insolvency Laws & Regulations Italy 2024. [Электронный ресурс]: ICLG. P.92. URL: https://iclg.com/practice-areas/restructuring-and-insolvency-laws-and-regulations/italy.

[2] Note of the Directorate-General for Internal Policies, Policy Department Citizens' Rights and Constitutional Affairs (C), Legal an Parliamentary Affairs (No. PE 419.633), "Harmonisation of Insolvency Law at EU level", P. 14.

аффилированных кредиторов с точки зрения субординации.

Интересным представляется подход, избранный польским законодателем. Так, в соответствии с польским законодательством очередность погашения требований, приобретенных третьим лицом через уступку уже после признания должника банкротом, может быть изменена. Это, полагаем, может оказывать существенное негативное влияние на стоимость таких требований при их реализации на торгах.

В отличие от ситуации, сложившейся в праве Великобритании, в праве Германии проводится граница между субординацией, основанной на соглашении[1], и субординацией в силу закона (абз. 2 пар. 39 Положения о несостоятельности Германии)[2]. При этом соглашения о субординации выведены за рамки регулирования законодательства о банкротстве.

Также отличительной чертой немецкого конкурсного законодательства является особая проработанность вопросов субординации.

В Положении о несостоятельности Германии выделяются следующие виды субординации:

1) простая (einfacher Rangrücktritt), предполагающая понижение требований до очереди, предшествующей распределению ликвидационной квоты;

2) квалифицированная (qualifizierter Rangrücktritt), предполагающая понижение требований до ликвидационной квоты.

При этом подходы немецких юристов к правовой природе субординации также зачастую противоречивы и развивались со временем.

---

[1] Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. - 4-е изд., перераб.- М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 715.

[2] Insolvenzordnung. Gesetz vom 05.10.1994 (BGBl. I S. 2866), in Kraft getreten am 19.10.1994 bzw. 01.01.1999 zuletzt geändert durch Gesetz vom 15.07.2024 (BGBl. I S. 236) m.W.v. 01.01.2025 // URL: https://dejure.org/gesetze/InsO; Положение о несостоятельности ФРГ (Insolvenzordnung), вступившее в действие с 1 января 1999 г. § 270 - 285 // Германское право. Ч. III. Закон об общих условиях сделок, Закон об ответственности за недоброкачественную продукцию, Закон о праве собственности на жилье, Закон о чеках, Закон о векселях, Положение о несостоятельности. М.: МЦФЭР, 1999. С. 200-204.

В первую очередь отметим, что в немецкой доктрине, по мнению А.И. Шайдуллина, многократно высказывалась позиция о том, что понижение обязательственных требований участников должника является формой гражданско-правовой ответственности за использование ненадлежащего способа докапитализации[1]. При этом указанная позиция является не единственной, например, имеют место подходы к правовой природе субординации как к механизму стимулирования скорейшего открытия процедуры банкротства[2], механизму перераспределения рисков[3] и др.

Помимо изложенного, в качестве оснований субординации рассматривались, например, эстоппель, запрет переносить риски финансирования должника на кредиторов, запрет злоупотребления принципом ограниченной ответственности[4].

Отметим, что немецкий подход к субординации характеризуется выделением объективных критериев, в связи с наличием которых происходит понижение очередности.

В праве США, напротив, реализована «мягкая модель». В рамках такой модели, например, выделяются:

1) справедливая субординация (*equitable subordination*)[5], которую можно назвать формой ответственности, и

---

[1] Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ / дис. … канд. юрид. наук. М.: 2022. С. 87.; Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративной вуали // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 22.

[2] Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ. Дис. … канд. юрид. наук. М.: 2022. С. 91.

[3] Там же. С. 97, 100.

[4] Шайдуллин А.И. Понижение в очередности (субординация) займов участников юридических лиц в Германии и Австрии. Компаративная справка к научно-практическому круглому столу Юридического института «М-Логос» на тему «Судьба договорных требований контролирующих компанию лиц и иных аффилированных кредиторов при банкротстве компании» (Москва, 27.04. 2018) [Электронный ресурс]. URL: https://m-logos.ru/img/M-Logos_Shaidullin_27042018.pdf (дата обращения: 26.11.2024).

[5] Art. 510 US Bankruptcy Code // URL: http://www.law.cornell.edu (дата обращения 26.11.2024).

2) переквалификация требования (*recharacterization of debt to equity*), т.е. раскрытие истинной природы сделки, совершенной без цели обмануть независимых кредиторов[1].

В праве России, как уже было отмечено, субординация требований кредиторов находит своё регулирование на только в законе, но и на уровне судебной практики.

Так, существовавшие разрозненно судебные акты арбитражных судов кассационной инстанции, в которых содержались различные позиции касательно понижения очередности удовлетворения требований отдельных кредиторов, впервые были систематизированы в рамках Обзора от 29.01.2020.

В рамках указанного обзора впервые были сформулированы общие правила, которыми должны руководствоваться суды при установлении очередности требований.

Несмотря на наличие общих правил, судебная практика, т.ч. практика ВС РФ, отчасти осталась противоречивой. Указанное справедливо особенно применительно к правовой природе субординации требований. Например, как указал ВС РФ, «если в реестре требований кредиторов отсутствуют иные требования к должнику, кроме корпоративного требования, то дело о банкротстве не может быть возбуждено»[2].

В Определении от 30.09.2021 № 305-ЭС19-27640(2) ВС РФ указал что субординация требований контролирующих должника лиц осуществляется постольку, поскольку, предоставляя компенсационное финансирование должнику, находящемуся в кризисе, такие лица осознанно взяли на себя

---

[1] Будылин С. Субординация займов акционеров: Так говорил Заратустра. [Электронный ресурс]: Закон.ру. 2018. 24 апр. URL: https://zakon.ru/blog/2018/4/24/subordinaciya_zajmov_akcionerov_tak_govoril_zaratustra (дата обращения 26.11.2024).

[2] Определение Верховного Суда РФ от 07.04.2022 № 305-ЭС21-25552 // СПС «Консультант Плюс».

повышенный риск[1].

Также ВС РФ указал, что корпоративные требования любого добросовестно вышедшего из состава участников должника лица (до возникновения признаков объективного банкротства) должны удовлетворяться за счет самого общества, однако после погашения требований субординированных кредиторов[2].

Из позиции ВС РФ следует что субординация производится исключительно для случаев компенсационного финансирования, которое искусственно уравнивает «внешних» и «внутренних» кредиторов[3]. Соответственно субординация должна рассматриваться как механизм, направленный на недопущение подобных ситуаций.

С точки зрения приведённой практики можно говорить о субординации как о механизме раскрытия притворности в действиях кредиторов, который реализуется в иной процессуальной форме и имеет иные материально-правовые последствия, нежели оспаривание сделок.

Однако существует и позиция, согласно которой субординированный кредитор не лишается права на инициирование процедуры банкротства должника[4].

Субординированный кредитор сохраняет часть прав, присущих конкурсному кредитору, под которым следует понимать кредитора по денежным обязательствам, одновременно обладающего правом на инициирование процедуры банкротства и правом на управление[5].

---

[1] Определение Верховного Суда РФ от 30.09.2021 № 305-ЭС19-27640(2) // СПС «Консультант Плюс».

[2] Определение Верховного Суда РФ от 10.08.2023 № 305-ЭС19-22252 (4) по делу № А40-23687/2017 // СПС «Консультант Плюс».

[3] Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ. Дис. … канд. юрид. наук. М.: 2022. С. 94.

[4] Определение Верховного Суда РФ от 15.03.2024 №305-ЭС23-21489 // СПС «Консультант Плюс».

[5] Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник / отв. ред. И. В. Ершова, Е. Е. Енькова. Москва : Проспект. 2016. С. 58.

Приведённые выше позиции ВС РФ, на наш взгляд, отражают верное разграничение между корпоративными требованиями участников корпорации (которые не могут являться реестровыми в силу прямого указания закона), и субординированными кредиторами, чьи права вытекают из гражданско-правовой сделки, хотя и совершенной недобросовестно.

Изложенное порождает вопрос о правовой природе субординации, а также критериях, позволяющих провести разграничение внутренних и внешних кредиторов.

Полагаем, что ответ можно косвенно обнаружить в п. 6 «Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности за 2023 год» от 15.05.2024[1], который устанавливает возможность приоритетного удовлетворения требований добросовестного «кредитора» по корпоративным требованиям относительно требований кредиторов. субординированных в связи с недобросовестностью.

Именно такое четкое разделение, на наш взгляд, указывает на санкционную природу субординации.

Указанная позиция явно свидетельствует о том, что именно недобросовестность кредитора определяет его итоговое положение в очередности удовлетворения требований[2].

Приведенные выше соображения в совокупности с изложенной позицией на наш взгляд, позволяют сделать однозначный вывод о том, что субординация в действительности является формой конкурсной ответственности.

Рассматривая последствия реализации такой ответственности следует обратить внимание на то, что субординированный кредитор лишается многих присущих конкурсному кредитору прав, в т.ч. права на удовлетворение

---

[1] «Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г.» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.05.2024) // СПС «Консультант Плюс».
[2] Яковенко А.А. Субординация требований недобросовестных кредиторов должника как форма гражданско-правовой ответственности // Хозяйство и право. 2025. №2 (577). С.115.

требования наравне с другими кредиторами (т.е. происходит отступление от принципа равенства кредиторов), а также лишен прав, составляющих содержание конкурсного контроля (например, голосовать на собраниях) и др.

Однако такой кредитор сохраняет свой статус как лица, участвующего в деле о банкротстве, что предполагает сохранение за ним большинства процессуальных прав.

Таким образом полагаем, что при субординации в отношении кредитора наступает ответственность за недобросовестность, санкция в рамках которой выражается в виде лишения или ограничения материальных прав.

Полагаем возможным согласиться с позицией А.А. Тарасенко о наличии неимущественной составляющей в субординации требований кредиторов как форме ответственности[1].

Однако необходимо оговориться, что такая ответственность не является в полной мере неимущественной и предполагает значительный имущественный элемент.

На наш взгляд, само по себе понижение очередности в контексте экономической природы института банкротства[2] существенно снижает вероятность погашения требований «зареестровых» кредиторов, поскольку, как уже отмечалось, лишь незначительное число процедур банкротства характеризуется полным погашением требований третьей очереди реестра[3].

Таким образом, понижение очередности удовлетворения требований кредитора фактически нивелирует шансы на погашение хотя бы части требований субординированного кредитора.

Не вызывает сомнений, что правовой интерес кредитора, связанный с

---

[1] Тарасенко А.А. Указ. соч. С. 16.

[2] Карелина С.А. Экономическая сущность несостоятельности и правовая форма ее реализации // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 24-30.

[3] Согласно статистическому бюллетеню ЕФРСБ за 2023 г. в делах о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц доля удовлетворенных требований кредиторов составляет 9,2%.

погашением его требований, является имущественным. Также нельзя игнорировать и очевидное снижение стоимости требования такого кредитора при его продаже на публичных торгах.

Следовательно, субординация требований реализуется в т.ч. как имущественно-неимущественная ответственность.

Устанавливая круг ситуаций, в которых возможна субординация, и, соответственно, круг субъектов ответственности, можно обнаружить, что субординированы могут быть не только корпоративные требования или требования аффилированных лиц.

Примером может служить нашедшая отражение в п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве ситуация, при которой субординации подлежат требования не связанных с должником лиц. Которые, между тем, были информированы о наличии кризисного состояния должника в силу иных причин.

Полагаем, что позиция ВС РФ о распределении рисков предполагает, что субординация должна наступать и в случае предъявления требований не аффилированным к должнику, но осведомленным о кризисе кредитором. В таком контексте не возникает оснований для согласия с позицией, согласно которой субординация наступает исключительно в связи с наличием статуса контролирующего лица или аффилированности[1].

Соответственно, считаем возможным не согласиться с позицией А.И. Шайдуллина, согласно которой субординация подразумевает наличие права контроля или права участия в прибыли[2], поскольку такие признаки прямо указывают на корпоративный характер взаимоотношений кредитора с должником и фактически соответствуют признакам, используемым для

---

[1] Шинякова Е.В. Проблемы субординации требований кредиторов в конкурсном праве // Юридическая наука. 2022. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-subordinatsii-trebovaniy-kreditorov-v-konkursnom-prave (дата обращения: 17.08.2024).

[2] Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ. Дис. … канд. юрид. наук. М.: 2022. С. 66.

определения корпорации[1].

На наш взгляд существо субординации заключается не только в реагировании правопорядка на то, что кредитор вступил с должником в гражданские правоотношения, обладая большей информированностью, но и в том, что требования такого кредитора причиняют вред должнику.

Такой вред, является основанием ответственности в виде субординации и заключается в том, что недобросовестные действия кредитора привести к необоснованному уменьшению размера погашения требований добросовестных кредиторов.

Более того, имеются основания говорить и о неимущественном конкурсном деликте, совершение которого приводит к необоснованному приобретению недобросовестным кредитором части конкурсного контроля, что размывает конкурсный контроль, причитающийся добросовестным кредиторам.

Полагаем, что в этой ситуации уместно говорить о недобросовестной конкуренции в конкурсных (гражданских) правоотношениях, запрет которой установлен в п. 3 ст. 10 ГК РФ. Нарушение конкурентного состояния, на наш взгляд, достигается через злоупотребление осведомленностью о финансовом состоянии должника, которой другие кредиторы не обладают.

При этом подчеркнём, что состояние конкуренции является естественным для взаимоотношений между конкурсными кредиторами в банкротстве, о чем свидетельствует сам термин «конкурс»[2].

Также полагаем уместным говорить и о действиях недобросовестного кредитора в состоянии шиканы, под которой понимаются действия, связанные исключительно с целью причинить вред другому лицу[3]. Очевидно,

---

[1] Лаптев В. А. К вопросу о понятии «корпорация» в российском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1. С. 24.

[2] Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань: Исслед. прив.-доц. Казан. ун-та Г. Ф. Шершеневича, 1890. С. 170.

[3] Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 124.

что не всякий случай субординации обусловлен таким состоянием, однако нельзя исключать такую вероятность.

Таким образом полагаем возможным говорить о едином комплексном основании ответственности в виде субординации требований кредитора, включающем в себя как недобросовестные действия, связанные с недобросовестной конкуренцией или иным злоупотреблением правом (в т.ч. в состоянии шиканы), а также вред, причиняемый добросовестным кредиторам в связи с уменьшением причитающейся им квоты распределения имущества должника и размытием конкурсного контроля.

Условиями такой ответственности выступают вина, противоправность и причинно-следственная связь.

Полагаем не требующим дополнительного доказывания то, что противоправность в настоящем случае может быть установлена как в связи с нарушением установленного в ст. 10 ГК РФ общего запрета действовать недобросовестно, так и в связи с установленной ст. 1064 ГК РФ недопустимостью причинения вреда.

Вина также играет ключевое значение в вопросе применения ответственности в виде субординации, поскольку п. 2 Обзора от 29.01.2020 г. прямо указывает на недопустимость субординации требований кредитора «если внутреннее финансирование с использованием конструкции договора займа осуществляется добросовестно».

Дополнительно подчеркнём однородность субординации, наступающей в связи с злоупотреблением информированностью в порядке, предусмотренном положениями Обзора от 29.01.2020 г., и субординацией, наступающей в силу положений ст. 61.6 Закона о банкротстве, поскольку и положения Обзора, и закон связывают наступление ответственности с одними и теми же обстоятельствами (в т.ч. вина, осведомленность о кризисе, вред). Признание сделки должника недействительной на указанных основаниях суд изначально (и преюдициально) устанавливает наличие основания и условий для субординации.

Полагаем, что признание за субординацией требований кредиторов природы гражданско-правовой (конкурсной) ответственности позволяет подвести единый теоретический базис и систематизировать как все случаи субординации, предусмотренные законом, так и ситуации, нашедшие отражение в судебной практике.

Дополнительно подчеркнём, что определение субординации как формы гражданско-правовой ответственности позволяет предположить о её допустимости и в делах о банкротстве физических лиц, что по утверждению А.И. Шайдуллина на настоящий момент не допускается судебной практикой[1] и обусловлено «основной идеологией, лежащей в основе необходимости субординации обязательственных требований контролирующих лиц в российском праве»[2].

Примечательным представляется и то, что одной из особенностей субординации как формы ответственности является процессуальная форма установления санкции за правонарушение.

Так, ответственность недобросовестного кредитора в указанном случае наступает не в связи с предъявлением иска потерпевшей стороной к правонарушителю, а наоборот, в результате недобросовестного предъявления иска самим правонарушителем.

Более того, защита прав конкурсных кредиторов от действий правонарушителя в настоящем случае происходит превентивно, поскольку окончательное причинение вреда должнику может произойти лишь после включения требования недобросовестного кредитора в реестр требований кредиторов должника.

Подытоживая изложенное, считаем возможным сделать следующие выводы.

---

[1] Определение Верховного Суда РФ от 30.09.2021 № 305-ЭС19-27640(2) // СПС «Консультант Плюс».

[2] Шайдуллин А.И. О допустимости субординации требований аффилированных кредиторов в делах о банкротстве физических лиц // Закон. 2023. № 6. С. 40.

Субординацию, связанную с понижением очередности удовлетворения требований кредиторов, вытекающих из гражданских правоотношений и не связанных с пропуском срока на предъявление требований до закрытия реестра требований кредиторов, следует квалифицировать в качестве формы конкурсной ответственности.

Подобная квалификация вытекает из оснований субординации, нашедших отражение в законе и судебной практике: субординированный кредитор лишается неимущественных прав, связанных с оказанием воздействия на ход дела о банкротстве, а также имущественного права на приоритетное удовлетворение своих требований относительно требований, вытекающих из финансовых санкций, требований лиц, пропустивших срок на их предъявление и требований участников (акционеров) должника, вытекающих из корпоративных оснований.

Полагаем возможным говорить о едином комплексном основании ответственности в виде субординации требований кредитора, включающем в себя как недобросовестные действия, связанные с недобросовестной конкуренцией или иным злоупотреблением правом (в т.ч. в состоянии шиканы), а также вред, причиняемый добросовестным кредиторам в связи с уменьшением причитающейся им квоты распределения имущества должника и размытием конкурсного контроля. Условиями такой ответственности выступают вина, противоправность и причинно-следственная связь.

Т.е. субординация имеет своей целью устранение ситуаций недобросовестно конкуренции в рамках гражданско-правового сообщества кредиторов за счёт поражения недобросовестного кредитора в правах.

Объектом правонарушения, влекущего наступление ответственности в виде субординации, являются права конкурсных кредиторов, связанные с распределением конкурсного контроля и конкурсной массы.

При этом отсутствуют основания связывать субординацию исключительно с корпоративным происхождением требований, равно как и наличием у кредитора статуса контролирующего лица или

аффилированности в отношении такого лица (таких лиц).

Затрагивая как имущественные, так и неимущественные права кредитора, чьи требования были понижены в очередности удовлетворения, субординация, на наш взгляд, входит в особую подкатегорию форм конкурсной ответственности, основания которых также характеризуется неимущественной составляющей.

Среди указанной подкатегории также следует выделять введение в отношении должника процедур банкротства. Такая форма ответственности также затрагивает как имущественные, так и неимущественные права должника.

При этом указанная форма ответственности занимает особое место в системе конкурсной ответственности, поскольку является первичной относительно некоторых других форм. Однако сам факт того, что ни одна из процедур банкротства так и не была введена в отношении должника, не устраняет возможности для применения конкурсной ответственности как таковой.

Подводя итог исследованию отдельных форм ответственности, реализуемой в рамках дел о банкротстве, полагаем сформулировать следующую систему конкурсной ответственности:

I. Типичные формы ответственности

1. Субсидиарная ответственность по обязательствам должника:

- за доведение до банкротства;
- за неподачу заявления о банкротстве;
- за причинение существенного вреда, в связи с которым была утрачена возможность восстановления платежеспособности должника.

2. Взыскание кредиторских убытков с контролирующих должника лиц.

3. Взыскание убытков с арбитражного управляющего.

4. Взыскание ущерба, причиненного конкурсным кредитором, в рамках дела о банкротстве.

II. Нетипичные формы ответственности

1. Введение процедур банкротства.

2. Субординация требований недобросовестных кредиторов.

3. Отстранение арбитражного управляющего за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ответственность является неотъемлемой частью института банкротства и конкурсного процесса, более того юридическая ответственность является основным содержанием банкротства.

Реализация функций гражданско-правовой ответственности находит своё отражение на всех этапах банкротства и выражается как в предупреждении недобросовестного поведения участников гражданского оборота, которое может выражаться в попытках необоснованного уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами, вывода имущества или оказания давления на третьих лиц в рамках корпоративных конфликтов, так и в восстановлении прав кредиторов посредством привлечения имущественных масс третьих лиц для пополнения конкурсной массы и наиболее полного удовлетворения требований кредиторов.

При этом проблематика реализуемой в банкротстве юридической ответственности остаётся актуальной в связи с динамично изменяющимися условиями осуществления предпринимательской деятельности и усложнения общественных отношений вместе с развитием общества и рыночной экономики.

Текущее положение дел в доктрине российского гражданского права и судебной практике характеризуется тем, что отсутствуют выработанные подходы к определению системы конкурсной ответственности и общие принципы её функционирования несмотря на то, что характерная для банкротства ответственность обладает известной спецификой не свойственной иным сферам гражданского права.

Такая непроработанность выражается как в появлении множества противоречивых доктринальных позиций, касающихся отдельных форм и видов конкурсной ответственности, так и в несогласованности и непредсказуемости позиций, появляющихся в судебной практике, в т.ч. в

практике Верховного Суда РФ.

В связи с этим в настоящей диссертационной работе проведен анализ конкурсной ответственности как самостоятельного подинститута института банкротства.

Использование сочетания индуктивного метода при исследовании форм и видов ответственности, реализуемых на практике, и дедуктивного метода при рассмотрении вопросов ответственности отталкиваясь от природы конкурсного правоотношения, позволили предложить систему конкурсной ответственности, отражающую не только закрепленные в законе формы ответственности, но и такие формы, которые нашли своё отражение исключительно на практике.

При этом отметим, что в рамках настоящей диссертации не ставилась задача глубокого исследования отдельных форм конкурсной ответственности. Исследование отдельных форм ответственности производилось с точки зрения их правовой природы и классифицирующих признаков, что необходимо для установления внутренней структуры системы конкурсной ответственности.

В диссертации отмечен определяющий для исследованной ответственности характер правоотношений, складывающихся в связи с несостоятельностью, именуемых в настоящей работе конкурсными.

Так, доказано, что впервые такое правоотношение возникает вместе с возникновением признаков неплатежеспособности должника, что предопределяет как возможность дальнейшего введения процедуры банкротства, так и применения отдельных форм ответственности вне дела о банкротстве.

При этом именно участие лиц, участвующих в деле о банкротстве, в рамках конкурсного правоотношения, предопределяет характер такой ответственности и позволяет отграничивать случаи применения форм конкурсной ответственности от смежных явлений, например, таких как корпоративная ответственность.

На основании предложенной концепции конкурсного правоотношения предложена концепция конкурсной ответственности, которая может рассматриваться как совокупность форм гражданско-правовой ответственности, вытекающей исключительно из конкурсных правоотношений, что предполагает особый круг оснований и субъектов ответственности, а также предопределяет определенные особенности в процессе привлечения к ответственности, обусловленные спецификой банкротства.

Обосновано существование специфического конкурсного деликта, предполагающего не только особый объект и круг деликвентов, но и специфику, которая находит своё отражение, например, в информационном дисбалансе между деликвентом и потерпевшим лицом.

Одновременно с этим в настоящей диссертации были исследованы и отдельные формы конкурсной ответственности.

В первую очередь были рассмотрены формы и виды ответственности, именуемые в настоящей работе типичными, в связи с их классическим отнесением к гражданско-правовой ответственности.

Установлено, что под такими формами ответственности следует понимать ответственность арбитражного управляющего в форме взыскания убытков, ответственность контролирующих должника лиц в виде привлечения к субсидиарной ответственности и взыскания убытков, а также ответственность конкурсных кредиторов за злоупотребление конкурсным контролем.

Доказано, что субсидиарная ответственность не основана на общегражданском деликте в связи с особой природой совершенного правонарушения, особым кругом субъектов ответственности и потерпевших лиц и особым порядком реализации ответственности, который не сочетается с доктринальными представлениями об общегражданском деликте.

Предложен подход, согласно которому субсидиарная ответственность не является разновидностью корпоративной или квазикорпоративной

ответственности, поскольку проистекает не из корпоративных, а из особых конкурсных правоотношений.

Обосновано, что ответственность арбитражных управляющих как в форме взыскания убытков, в том числе при привлечении внешнего или конкурсного управляющего к субсидиарной ответственности, так и в форме отстранения также относится к конкурсной ответственности. Подобный вывод обусловлен тем, что основания ответственности арбитражного управляющего могут иметь место исключительно в рамках дела о банкротстве и в связи с его участием в конкурсных правоотношениях. При этом отмечается наличие у арбитражного управляющего собственной правосубъектности в рамках конкурсного правоотношения и наличия собственного, отличного от иных лиц, правового интереса. Также отмечается, что ответственность арбитражного управляющего в форме отстранения носит имущественно-неимущественный характер, поскольку может наступать в связи с совершением неимущественного конкурсного деликта, однако неизбежно имеет негативное влияние на правовой интерес управляющего, который является имущественным.

На основании исследованных особенностей ответственности арбитражного управляющего предложено распространить на убытки, взыскиваемые с арбитражного управляющего, правовой режим, предусмотренный ст. 61.17 Закона о банкротстве.

Установлено, что в практике Верховного Суда РФ нашла отражение такая особая форма конкурсной ответственности как ответственность конкурсных кредиторов за злоупотребление конкурсным контролем.

Доказано, что основанием такой ответственности выступает вред, причиненный должнику и кредиторам, в совокупности с недобросовестной реализацией контроля над процедурой банкротства. При этом отмечено, что избранная Верховным Судом РФ модель ответственности конкурсного кредитора (генеральный деликт) не является оптимальной с точки зрения её эффективности и баланса интересов сторон спора. Также установлено, что

реализация косвенного иска одного кредитора против иного кредитора в рамках дела о банкротстве невозможна в связи с объективными законодательными ограничениями.

В связи этим предложено внести изменения в действующую редакцию п. 1 ст. 61.20 Закона о банкротстве с целью расширения круга субъектов ответственности и дополнения указанием на возможность привлечения к ответственности конкурсного кредитора.

Также в рамках настоящей работы была исследована группа форм и видов конкурсной ответственности, именуемая нетипичными. Установлено, что таковыми можно признать субординацию требований недобросовестного кредитора, введение процедуры банкротства над имуществом должника и отстранение арбитражного управляющего.

Доказано, что ответственность в виде введения процедуры банкротства наступает в связи с совершением конкурсного деликта и неизбежно связана с наступлением для должника заранее определенного комплекса неблагоприятных последствий, сопряженных в т.ч. с ограничением правосубъектности должника.

Установлено, что субординация требований кредиторов как отраженная в ст. 61.6 Закона о банкротстве, так и вытекающая из подходов правоприменительной практики, является формой реагирования правопорядка на недобросовестное поведение более информированного кредитора и причинение вреда должнику и кредиторам. Доказано, что подобное поведение кредитора является противоправным, в связи с чем сделан вывод о правовой природе субординации как форме конкурсной ответственности. При этом отмечается, что субъектами такой ответственности могут выступать как контролирующие и аффилированные с должником лица, так и лица, не состоящие с должником в подобных отношениях.

Полагаем, что результаты проведенного диссертационного исследования вносят вклад в науку предпринимательского права и могут

иметь доктринальную и практическую значимость в рамках исследований, связанных с ответственностью лиц, участвующих в деле о банкротстве, а также при вынесении судебных актов по спорам о привлечении таких лиц к гражданско-правовой ответственности.

Полагаем, что на настоящий момент некоторые аспекты конкурсной ответственности требуют более глубокой научной проработки.

В первую очередь дополнительного осмысления требует вопрос о правовой природе и системе правоотношений несостоятельности (конкурсных правоотношений), поскольку, несмотря на значительное разнообразие доктринальных позиций, отсутствует какое-либо единство по указанному вопросу.

Также, на наш взгляд, углублённого исследования требуют отдельные вопросы ответственности лиц, участвующих в деле о банкротстве, в частности, связанные с привлечением контролирующих и иных лиц к ответственности в форме кредиторских убытков, а также вопросы о механизме и моделях ответственности контролирующих кредиторов.

Требует своего перспективного исследования и проблема установления стандартов деятельности арбитражных управляющих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 13.12.2024 г. №459-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2025. № 31. Ст. 4669.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп. от 24.07.2023 г. № 339-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2025. № 31 (Ч. 3). Ст. 5765.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [в ред. от 24.09.2022] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 06.04.2024 г. № 74-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2024. № 15. Ст. 1967.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп. от 07.04.2025 № 70-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
7. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
8. Постановление Правительства РФ от 22.05.2024 № 634 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2004 г. № 257» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 22.

Ст. 2960.

Руководящие письма государственных органов

9. Письмо ФНС России от 30.12.2021 № КЧ-4-18/18 «О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным со взысканием убытков с арбитражных управляющих, за период 2019–2021 год» // СПС «КонсультантПлюс».

Материалы судебной практики

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.06.2023 № 30-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 35 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», статьи 42 и пункта 4 части 4 статьи 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Страховая компания «ТИТ» // Российская газета. – 2022. – № 133 (9078).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2022 № 4-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Т Плюс» // Российская газета. – 2022. – № 30 (8678).
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 41-П «По делу о проверке конституционности подпункта 15 пункта 2 статьи 146 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Центрального округа» // Российская газета. – 2019. – № 295 (8053).
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2015 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта "а" части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Кряжева» // Собрание законодательства

РФ. – 2015. – № 16 – Ст. 2460.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 3 (ч. 1). – Ст. 335.
15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2003 г. №14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», статей 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская независимая вещательная корпорация» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 30. – Ст. 3102.
16. Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 «Дело «Котов (Kotov) против Российской Федерации» (жалоба № 54522/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека – 2012 – № 6.
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. – 2017. – № 297.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Российская газета. – 2017. – № 280 (7446).
19. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с уплатой организацией и гражданином-предпринимателем государственной пошлины при обращении в

арбитражные суды» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 3.

20. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 10.
21. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 8.
22. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
23. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.05.2024) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
24. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом ВС РФ 11.10.2023) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 12.
25. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 7.
26. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Документ опубликован не был.

СПС «КонсультантПлюс».

27. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением из ЕГРЮЛ юридических лиц, фактически прекративших свою деятельность» // Вестник экономического правосудия РФ. – 2012. – 08.
28. Определении Верховного Суда РФ от 07.07.2025 № 307-ЭС20-2151 (73) по делу № А44-1127/2019// Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
29. Определение Верховного Суда РФ от 03.06.2024 № 305-ЭС23-19921 по делу № А41-63047/2017 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
30. Определение Верховного Суда РФ от 03.05.2024 № 35-ЭС21-19337 (2) по делу № А40-242492/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
31. Определение Верховного Суда РФ от 28.03.2024 № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
32. Определение Верховного Суда РФ от 15.03.2024 № 305-ЭС23-21489 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
33. Определение Верховного Суда РФ от 07.11.2023 № 307-ЭС23-8079 по делу № А66-19241/2017 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
34. Определение Верховного Суда РФ от 19.09.2023 № 305-ЭС23-8302 по делу № А40-81332/2022 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».
35. Определение Верховного Суда РФ от 25.08.2023 № 03-ЭС21-21101 по делу № А59-6596/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
36. Определение Верховного Суда РФ от 10.08.2023 № 305-ЭС19-22252

(4) по делу № А40-23687/2017 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

37. Определение Верховного Суда РФ от 05.05.2023 г. № 306-ЭС20-14681(13) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
38. Определение Верховного Суда РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС17-10793 (26-28) по делу № А56-45590/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
39. Определение Верховного Суда РФ от 03.11.2022 № 305-ЭС22-11632 по делу № А40-73945/2022 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
40. Определение Верховного Суда РФ от 20.09.2022 № 309-ЭС22-3855 по делу № А60-40848/2020 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
41. Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2022 № 309-ЭС22-7051 по делу № А60-57226/2021 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
42. Определение Верховного Суда РФ от 02.08.2022 № 307-ЭС21-25812(3) по делу № А56-28632/2017 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
43. Определение Верховного Суда РФ от 07.04.2022 № 305-ЭС21-25552 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
44. Определение Верховного Суда РФ от 30.09.2021 № 305-ЭС19-27640(2) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
45. Определение Верховного Суда РФ от 23.08.2021 г. № 303-ЭС20-10154(2) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
46. Определение Верховного Суда РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС19-17553 по делу № А40-64173/2017 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
47. Определение Верховного Суда РФ от 26.08.2020 № 308-ЭС20-2721 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

48. Определение Верховного Суда РФ от 20.08.2020 № 307-ЭС20-10788 по делу № А56-124198/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
49. Определение Верховного Суда РФ от 17.03.2020 № 307-ЭС19-10177(4) по делу № А56-42355/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
50. Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3) по делу № А22-941/2006 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
51. Определение Верховного Суда РФ от 26.10.2017 № 305-ЭС17-8225 по делу № А40-154653/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
52. Определение Верховного Суда РФ от 07.06.2016 № 309-КГ16-7485 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
53. Постановление Президиума ВАС РФ от 04.03.2014 № 17283/13 по делу № А40-67717/12-73-582 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – №7.
54. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2010 № 4515/10 по делу № А38-2401/2008 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
55. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.11.2024 № Ф08-10138/2024 по делу № А53-32643/2020 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
56. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.04.2024 по делу № А40-167352/23-3-1320 // СПС «Консультант Плюс».
57. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.10.2023 № Ф04-234/2021 по делу № А46-12387/2020 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
58. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21.07.2023 № Ф10-794/2023 по делу № А54-7776/2021 // Документ

опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

59. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.04.2023 № Ф04-1235/2023 по делу № А70-20818/2021 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
60. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.03.2023 по делу № А27-6066/2007 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
61. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.12.2022 по делу А07-32126/2017 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
62. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.11.2022 № Ф09-1823/22 по делу № А76-16891/2014 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
63. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.08.2022 № Ф10-4679/2015 по делу № А62-427/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
64. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.12.2021 № Ф09-9244/16 по делу № А76-14262/2014 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
65. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11.10.2021 № Ф10-5418/2018 по делу № А48-7486/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
66. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.02.2020 № Ф06-57788/2020 по делу № А12-20029/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
67. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 23.11.2023 № 02АП-7308/2023 по делу № А28-10205/2014 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
68. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2015 по делу № А21-5299/2013 // Документ опубликован не был.

СПС «КонсультантПлюс».

Зарубежное законодательство

69. US Bankruptcy Code // http://www.law.cornell.edu (дата обращения: 26.11.2024).
70. The French Commercial Code In English, 2024-2025 ed.: Le Code de Commerce Francais Traduit En Anglais. TRO.
71. Insolvenzordnung. Gesetz vom 05.10.1994 (BGBl. I S. 2866), in Kraft getreten am 19.10.1994 bzw. 01.01.1999 zuletzt geändert durch Gesetz vom 15.07.2024 (BGBl. I S. 236) m.W.v. 01.01.2025 // https://dejure.org/gesetze/InsO (дата обращения: 24.02.2025).

Монографии, учебные издания, комментарии

72. Афанасьев, В. Г. Научное управление обществом. (Опыт системного исследования) / В. Г. Афанасьев. – Изд. 2-е, доп. – М., 1973. – 400 с.
73. Банкротство хозяйствующих субъектов : учебник / И. В. Ершова, Е. Е. Енькова, Я. О. Алимова [и др.] ; отв. ред. И. В. Ершова, Е. Е. Енькова. – Москва : Проспект, 2016. – 336 с.
74. Белых, В. С. Правовые основы банкротства юридических лиц : учебное пособие / В. С. Белых. – Екатеринбург, 1996. – 87 с.
75. Бергманн, В. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению / В. Бергманн. – 4-е изд., перераб. – Москва : Инфотропик Медиа, 2015. – 888 с.
76. Большой Российский энциклопедический словарь. – М. : БРЭ, 2003. – 1888 с.
77. Бондарев, А. С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права / А. С. Бондарев. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – 185 с.
78. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая: Общие

положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М., 2007. – 800 с.

79. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М., 2002. – 1040 с.
80. Васильев, А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография / А. М. Васильев. – репр. изд. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 264 с.
81. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности / Н. В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : НОРМА, 2009. – 431 с.
82. Германское право. Ч. III. Закон об общих условиях сделок, Закон об ответственности за недоброкачественную продукцию, Закон о праве собственности на жилье, Закон о чеках, Закон о векселях, Положение о несостоятельности. – М. : МЦФЭР, 1999. – 224 с.
83. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / [Ем В. С. и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 736 с.
84. Гражданское право : учебник / под ред. Е. А. Суханова. – М., 1998. – Т. 1. – 816 с.
85. Гражданское право : учебник. Ч. 1 / М. В. Антокольская, Т. В. Богачева, Л. И. Глушкова ; под ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. – М. : Юристъ, 1997. – 472 с.
86. Гражданское право России. Часть первая : учебник / под ред. З. И. Цыбуленко. – М. : Юристъ, 1998. – 464 с.
87. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – Изд. 3-е. – М. : Статут, 2022. – 414 с.
88. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве : учебное пособие / отв. ред. М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2017. – 376 с.
89. Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М. :

Госюриздат, 1975. – 880 с.

90. Гражданское право. В 2 ч. Ч. 1 : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. – М. : ЮНИТИ, 2012. – 543 с.
91. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – М. : Мысль, 1972. – 472 с.
92. Кузьмин, И. А. Юридическая ответственность и ее реализация : учебное пособие / И. А. Кузьмин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 219 с
93. Кузнецов, А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью / А. А. Кузнецов. – Москва : Статут, 2014. – 141 с.
94. Лотфуллин, Р. К. Субординация требований кредиторов / Р. К. Лотфуллин. – М., 2024. – 405 с.
95. Лотфуллин, Р. К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве / Р. К. Лотфуллин. – М., 2018. – 860 с.
96. Малеин, Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях / Н. С. Малеин ; АН СССР, Ин-т государства и права. – М., 1968. – 207 с.
97. Молотников, А. Е. Ответственность в акционерных обществах / А. Е. Молотников. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 230 с.
98. Мочалова, В. А. Гражданско-правовые вопросы обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество : научно-практическое пособие / В. А. Мочалова. – Москва : Юстицинформ, 2013. – 192 с.
99. Несостоятельность (банкротство) : учебный курс. В 2 т. Т. 1 / под ред. С. А. Карелиной. – М. : Статут, 2019. – 925 с.
100. Ойгензихт, В. А. Нетипичные договорные отношения в гражданском праве : учебное пособие / В. А. Ойгензихт ; Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Душанбе, 1984. – 128 с.

101. Остроумов, Г. С. Правовое осознание действительности / Г. С. Остроумов. – М. : Наука, 1969. – 173 с.
102. Попондопуло, В. Ф. Банкротство: Научно-практическое пособие / В. Ф. Попондопуло. – М., 2013. – 432 с.
103. Попондопуло, В. Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства) : учебное пособие / В. Ф. Попондопуло. – М., 2001. – 331 с.
104. Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : Инфра-М, 2017. – 992 с.
105. Российское гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 2: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2015. – 1216 с.
106. Серков, П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : монография в трех частях. Части вторая и третья / П. П. Серков. – М., 2018. – 1088 с.
107. Суворов, Е. Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации за 2022–2024 гг.: обзор и комментарии / Е. Д. Суворов. – Москва : Статут, 2025. – 266 с.
108. Суворов, Е. Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника / Е. Д. Суворов. – М. : Статут, 2020. – 207 с.
109. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2014. – 456 с.
110. Суходольский, И. М. Участие государства в процессе несостоятельности (банкротства) : монография / И. М. Суходольский. – М. : Юстицинформ, 2024. // СПС «КонсультантПлюс».
111. Филиппова, С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С. Ю. Филиппова. – Москва : Статут, 2011. – 320 с.

112. Черепахин, Б. Б. Труды по гражданскому праву. – 2-е изд. – Москва : Статут,. 2020. – 479 с.

113. Шевченко, А. С. Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учебное пособие / А. С. Шевченко, Г. Н. Шевченко. – Москва : Статут, 2013. // СПС «Консультант Плюс».

114. Шершеневич, Г. Ф. Учение о несостоятельности / Г. Ф. Шершеневич. – Казань : Исслед. прив.-доц. Казан. ун-та Г. Ф. Шершеневича, 1890. – 446 с.

115. Шершеневич, Г. Ф. Конкурсный процесс / Г. Ф. Шершеневич – 3-е изд. – Москва : Статут, 2021. – 478 с.

116. Шиткина, И. С. Корпоративное право в таблицах и схемах / И. С. Шиткина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2016. – 556 с.

117. Шишмарева, Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии / Т. П. Шишмарева. – М., 2015. // СПС «Консультант Плюс».

Научные статьи

118. Агеев, А. Б. Банкротство как форма юридической ответственности / А. Б. Агеев // Законодательство. – 2001. – № 2. // СПС «Гарант» (дата обращения: 21.01.2025). URL: https://base.garant.ru/980118/

119. Ахмедов, А. Я. Нетипичные институты гражданского права России: постановка вопроса / А. Я. Ахмедов // Вестник СГЮА. – 2017. – № 4 (117). – С. 127–130.

120. Баранова, А. Н. Принудительная ликвидация юридических лиц как мера юридической ответственности и мера защиты нарушенных прав / А. Н. Баранова // Образование и общество. – 2009. – № 4. – С. 105–109.

121. Богданов, Е. В. Ответственность арбитражного управляющего в деле о банкротстве / Е. В. Богданов // Адвокат. – 2014. – № 8. – С. 5–10.

122. Будылин, С. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной

вуали в зарубежных странах и в России / С. Л. Будылин, Ю. Л. Иванец // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2013. – № 7. – С. 80–125.

123. Быков, В. П. Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве должника / В. П. Быков, Е. Б. Черникова, И. В. Маркелова // Современное право. – 2018. – № 7–8. – С. 61–68.

124. Бирклей, В. Оспаривание бездействия в банкротстве по праву Германии и России / В. Бирклей // Цивилистика. – 2022. – № 3. – С. 101–115.

125. Веригин, А. Н. Развитие общей теории систем / А. Н. Веригин, Н. А. Незамаев, Л. А. Королёва // ЭВ. – 2017. – № 3 (10). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-obschey-teorii-sistem (дата обращения: 17.04.2024).

126. Вопленко, Н. Н. Понятие, основные признаки и виды правонарушения / Н. Н. Вопленко // Legal Concept. – 2005. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-osnovnye-priznaki-i-vidy-pravonarusheniya (дата обращения: 05.01.2025).

127. Горбашев, И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ / И. В. Горбашев // Вестник гражданского права. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 154–202.

128. Григорьев, К. М. Фидуциарные обязанности в российском и английском праве / К. М. Григорьев, А. А. Хаваяшхов // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. – 2015. – № 1. – URL: https://ao-journal.ru/fiduciarnye-objzannosti-v-rossijskom-i-anglijskom-prave (дата обращения: 25.02.2025).

129. Григорьева, А. Г. Мера семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав / А. Г. Григорьева // Теория и практика

общественного развития. – 2013. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mera-semejno-pravovoy-otvetstvennosti-v-vide-lisheniya-roditelskih-prav (дата обращения: 25.02.2025).

130. Груздев, О. С. Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц: вопросы квалификации / О. С. Груздев, А. Н. Артемова // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 461. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-na-upravlenie-korporatsiey-so-storony-kontroliruyuschih-ee-lits-voprosy-kvalifikatsii (дата обращения: 25.02.2025).

131. Губаева, А. К. Деликтное право России: современные вызовы и перспективы развития / А. К. Губаева // ЗАКОН. – 2020. – № 3. – С. 38–48.

132. Гутников, О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России / О. В. Гутников // Журнал российского права. – 2018. – № 3 (255). – С. 39–52.

133. Дедковский, И. В. Соотношение субсидиарной ответственности и убытков в делах о банкротстве / И. В. Дедковский // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 7 (194). – С. 247–249.

134. Дождев, Д. В. Сравнительное право: состояние и перспективы / Д. В. Дождев // Российский ежегодник сравнительного права. 2007 / под ред. Д. В. Дождева. – СПб., 2008. – С. 7–28.

135. Дозорцев, В. А. Доверительное управление / В. А. Дозорцев // Вестник ВАС РФ. – 1996. – № 12. – С. 117–128.

136. Дорохина, Е. Г. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства) / Е. Г. Дорохина // Журнал российского права. – 2006. – № 5. // СПС «Гарант».

137. Евстигнеев, Э. А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (часть вторая) / Э. А. Евстигнеев // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17, № 5. – С.

55–84.

138. Егоров, А. В. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота / А. В. Егоров, К. А. Усачева // Вестник гражданского права. – 2014. – Т. 14, № 1. – С. 31–73.

139. Егоров, А. В. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства - неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова / А. В. Егоров, К. А. Усачева // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 12. – С. 6–61.

140. Ермилов, В. Б. Виды гражданско-правовой ответственности лиц при банкротстве организаций / В. Б. Ермилов // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Т. 6, № 12А. – С. 211–219.

141. Жигитов, А. Стимулирующее вознаграждение арбитражного управляющего: регулирование, актуальные проблемы судебной практики [Электронный ресурс] / А. Жигитов // ЭЖ-Юрист. – URL: https://www.eg-online.ru/article/482872/ (дата обращения: 23.05.2025).

142. Захаров, Д. Е. Гражданско-правовая ответственность как правоотношение / Д. Е. Захаров // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 1. – С. 62–65.

143. Каверзина, А. В. Системный кризис института банкротства через призму практики привлечения арбитражных управляющих к имущественной ответственности / А. В. Каверзина // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 10. – С. 41–47.

144. Карелина, С. А. Категория интереса и институт несостоятельности (банкротства) как средство разрешения конфликта интересов / С. А. Карелина // Законодательство. – 2007. – № 3. – С. 24–33.

145. Карелина, С. А. Экономическая сущность несостоятельности и правовая форма ее реализации / С. А. Карелина // Предпринимательское право. – 2019. – № 2. – С. 24–30.

146. Кархалев, Д. Н. Гражданско-правовые формы охранительных отношений / Д. Н. Кархалев // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – Т. 20, № 1. – С. 55–63.

147. Кивленок, Т. В. Некоторые виды атипичных правовых актов / Т. В. Кивленок // Вестник Владимирского юридического института. – 2009. – № 2 (11). – С. 99–104.

148. Колонтаевская, И. Ф. Проблемы взаимодействия корпоративного права России и зарубежных стран. Доктрина «снятия корпоративной вуали» / И. Ф. Колонтаевская // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. – 2014. – № 3. – С. 43–48.

149. Комаров, Д. А. Арбитражный управляющий как лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации / Д. А. Комаров // Вестник ВятГУ. – 2014. – № 10. – С. 98–104.

150. Кондрат, Е. Н. Неэффективность законов и пробелы в законодательстве как угроза финансовой безопасности государства / Е. Н. Кондрат // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 6 (42). – С. 71–78.

151. Куликов, Е. С. Проблемы в терминологии и классификации гражданско-правовой ответственности / Е. С. Куликов // Вестник УМЦ. – 2018. – № 3 (20). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-v-terminologii-i-klassifikatsii-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti (дата обращения: 27.05.2025).

152. Лаптев, В. А. К вопросу о понятии «корпорация» в российском праве / В. А. Лаптев // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 1. – С. 23–26.

153. Липинский, Д. А. Правонарушение как фактическое основание юридической ответственности / Д. А. Липинский // Право и политика. – 2013. – № 2. – С. 208–217.

154. Ломакин, Д. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве / Д.

Ломакин // Хозяйство и право. – 2019. – № 1 (504). – С. 3–26.

155. Лопаткина, А. С. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав: сравнительно-правовой аспект / А. С. Лопаткина // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 7. – С. 232–236.

156. Мельникова, Т. В. Некоторые аспекты правовой природы ликвидации юридического лица / Т. В. Мельникова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 57. – С. 221–226.

157. Моргунова, Н. В. Нетипичные формы юридической ответственности / Н. В. Моргунова // Актуальные вопросы юридической науки и практики : материалы III Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 30–31 окт. 2018 г. – Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет, 2019. – С. 233–236.

158. Минина, М. Г. К вопросу о правоотношениях по арбитражному управлению / М. Г. Минина // Молодой ученый. – 2018. – № 51. – С. 132–135.

159. Небратенко, О. О. О моделях состава гражданского правонарушения / О. О. Небратенко // ЮП. – 2009. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-modelyah-sostava-grazhdanskogo-pravonarusheniya (дата обращения: 15.04.2024).

160. Одинцов, С. В. Субсидиарная ответственность руководителя и собственника должника: актуальные вопросы доктрины и правоприменительной практики / С. В. Одинцов, Н. С. Чикин // Имущественные отношения в РФ. – 2019. – № 12 (219). – С. 68–79.

161. Перова, М. С. Организационно-правовые основы исполнительного производства в сфере обращения взыскания на заложенное имущество должников: российский и зарубежный опыт / М. С. Перова // Практика исполнительного производства. – 2015. – № 6. – С. 43–48.

162. Полшкова М. И. Статут несостоятельности и lex fori concursus как основная коллизионная привязка / М. И. Полшкова // Вестник

Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – №3 (79). – С. 178-189

163. Рыженков, А. Я. Функции гражданского права: вопросы теории / А. Я. Рыженков // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 4. – С. 44–49.

164. Савельев, А. Б. Договор простого товарищества в российском гражданском праве / А. Б. Савельев // Актуальные вопросы гражданского права : сборник статей / под ред. М. И. Брагинского ; Исследовательский центр частного права, Российская школа частного права. – М. : Статут, 1998. – С. 276–329.

165. Самигулина, А. В. Назначение и цели процедур несостоятельности (банкротства) юридических лиц / А. В. Самигулина // Право и экономика. – 2023. – № 3 (421). – С. 39–43.

166. Синицын, С. А. Деликтная ответственность в корпоративном праве / С. А. Синицын // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deliktnaya-otvetstvennost-v-korporativnom-prave (дата обращения: 06.01.2025).

167. Солодилов, А. В. Правоотношения по современному российскому конкурсному праву (некоторые теоретические аспекты) (часть 1) / А. В. Солодилов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2021. – № 2. – С. 90–111.

168. Суворов, Е. Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства / Е. Д. Суворов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 42–49.

169. Суворов, Е. Д. К вопросу о понятии банкротства / Е. Д. Суворов // Lex russica. – 2020. – Т. 73, № 11. – С. 21–34.

170. Телюкина, М. В. Предмет, метод, цели, принципы и иные характеристики конкурсного права / М. В. Телюкина // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – Т. 12, № 6. – С. 63–73.

171. Халфина, Р. О. Критерий истинности в правовой науке / Р. О. Халфина // Советское государство и право. – 1974. – № 9. – С. 20–28.

172. Шайдуллин, А. И. Комментарий к статье С. Л. Будылина. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота / А. И. Шайдуллин // Юридическая работа в кредитной организации. – 2022. – № 4. – С. 53–55.

173. Шайдуллин, А. И. Модель понижения в очередности (субординации) займов участников юридических лиц в России: в поисках оптимального регулирования / А. И. Шайдуллин // Вестник экономического правосудия РФ. – 2019. – № 10. – С. 24–46.

174. Шайдуллин, А. И. О допустимости субординации требований аффилированных кредиторов в делах о банкротстве физических лиц / А. И. Шайдуллин // Закон. – 2023. – № 6. – С. 40–51.

175. Шинякова, Е. В. Проблемы субординации требований кредиторов в конкурсном праве / Е. В. Шинякова // Юридическая наука. – 2022. – № 9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-subordinatsii-trebovaniy-kreditorov-v-konkursnom-prave (дата обращения: 17.08.2024).

176. Ширвиндт, А. М. Сравнительное правоведение как научная дисциплина и унификация частного права (по поводу работы Р. Циммерманна «Европеизация частного права и сравнительное правоведение») / А. М. Ширвиндт // Ежегодник сравнительного правоведения. 2007 / под ред. Д. В. Дождева. – СПб., 2008. – С. 631–647.

177. Шишмарева, Т. П. Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника и иных лиц в процедурах несостоятельности (банкротства) / Т. П. Шишмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 3–8.

178. Шишмарева, Т. П. Гражданско-правовая ответственность

арбитражного управляющего: основания, условия, страхование / Т. П. Шишмарева // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2023. – № 4. – С. 92–103.

179. Щеглов, Д. С. Место принудительной ликвидации юридических лиц в системе гражданско-правовой ответственности / Д. С. Щеглов // Крымский научный вестник. – 2015. – № 3. – С. 34–46.

180. Ягудина, В. М. Система юридической ответственности / В. М. Ягудина // Юридический мир. – 2009. – № 10. – С. 74–78.

181. Энгельгардт, В. А. О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, узнавание / В. А. Энгельгардт // Вопросы философии. – 1976. – № 7. – С. 65–81.

182. Яковенко, А. А. Модели ответственности конкурсных кредиторов за вред, причиненный в процедурах банкротства / А. А. Яковенко // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 2 (111). – С. 50–58.

183. Яковенко, А. А. Субординация требований недобросовестных кредиторов должника как форма гражданско-правовой ответственности / А. А. Яковенко // Хозяйство и право. – 2025. – №2 (577). – С. 109–122.

184. Яковенко, А. А. К вопросу о распределении расходов на страхование гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих / А. А. Яковенко // Имущественные отношения в Российской Федерации. –2025. – № 8 (287). – С. 104-112.

Диссертации и авторефераты диссертаций

185. Агеев, А. Б. Банкротство в гражданском праве, проблемы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Б. Агеев. – М., 2001. – 28 с.

186. Агеев, А. Б. Банкротство в гражданском праве. Проблемы теории : дис. ... канд. юрид. наук / А. Б. Агеев. – М., 2001. – 144 с.

187. Богданова, М. С. Юридическая ответственность: основания, виды, субъекты : дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Богданова. – 1998. – 187 с.

188. Бруско, Б. С. Защита прав и законных интересов кредиторов в конкурсном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Б. С. Бруско. – Иркутск, 2004. – 204 с.

189. Быканов, Д. Д. Проникающая ответственность в зарубежном и российском корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Д. Д. Быканов. – М., 2018. – 269 с.

190. Галкин, С. С. Правовое положение должника - юридического лица в российском законодательстве о банкротстве : дис. ... канд. юрид. наук / С. С. Галкин. – Москва, 2016. – 245 с.

191. Гутников, О. В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. В. Гутников ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М., 2018. – 57 с.

192. Гутников, О. В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами : дис. ... д-ра юрид. наук / О. В. Гутников ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М., 2018. – 599 с.

193. Дергачева, Н. К. Банкротство в системе методов реформирования предприятий : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Н. К. Дергачева. – М., 1999. – 166 с.

194. Дудченко, А. В. Гражданско-правовая ответственность по договорам перевозки груза и пассажира : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Дудченко. – М., 2016. – 184 с.

195. Евтеев, К. И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук / К. И. Евтеев. – М., 2018. – 190 с.

196. Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства): автореферат диссертации ... д-ра юрид. наук. / С. А. Карелина. – М., 2008. – 51 с.

197. Конев, Е. Ю. Гражданско-правовая ответственность по договору

ипотеки: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Ю. Конев. – Белгород, 2004. – 26 с.

198. Липинский, Д. А. Общая теория юридической ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук / Д. А. Липинский. – Самара, 2004. – 487 с.

199. Ломакин, Д. В. Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ : дис. ... д-ра юрид. наук / Д. В. Ломакин. – М., 2009. – 514 с.

200. Лукьянцев, А. А. Ответственность при осуществлении предпринимательской деятельности в гражданском законодательстве России: теория и судебная практика : дис. ... д-ра юрид. наук / А. А. Лукьянцев. – Ростов-на-Дону, 2006. – 384 с.

201. Медведев, Д. А. Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия : дис. ... канд. юрид. наук / Д. А. Медведев. – СПб., 1990. – 216 с.

202. Михайлов, С. С. Оценка доказательств судом второй инстанции в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. С. Михайлов ; Моск. гос. юрид. акад. – Москва, 2001. – 212 с.

203. Родина, Н. В. Механизм субординации требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: проблемы правовой регламентации : дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Родина. – М., 2022. – 238 с.

204. Рубцова, Н. В. Процедуры банкротства юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. В. Рубцова. – Екатеринбург, 2003. – 217 с.

205. Смирнов, Р. Г. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства) : дис. ... канд. юрид. наук / Р. Г. Смирнов. – СПб., 2004. – 195 с.

206. Спиркина, А. Н. Обращение взыскания на имущество по обязательствам как основание прекращения права собственности :

автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Спиркина. – Краснодар, 2003. – 19 с.

207. Суворов, Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника : дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Д. Суворов. – М., 2023. – 655 с.

208. Суворов, Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостояельного должника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Д. Суворов. – М., 2023. – 52 с.

209. Тарасенко, А. А. Ответственность в правоотношениях несостоятельности (банкротства): понятие и механизм правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Тарасенко. – М., 2024. – 214 с.

210. Файзуллин, Р. В. Категория должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии : дис. ... канд. юрид. наук / Р. В. Файзуллин ; СФУ. – Красноярск, 2022. – 336 с.

211. Широкова, Е. В. Гражданско-правовой механизм субординации требований кредиторов при банкротстве корпораций : дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Широкова. – Ульяновск, 2021. – 206 с.

212. Шишмарева, Т. П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии : дис. ... д-ра юрид. наук / Т. П. Шишмарева. – М., 2022. – 546 с.

Литература на иностранных языках

213. Brunstad G. E., Jr. The Three Faces of Bankruptcy Law : Doctoral thesis : J.S.D. / G. E. Brunstad, Jr. – New Haven : Yale Law School, 2014. – 408 p.

214. Insolvenzrechthandbuch / Hrsg. von Prof. P. Gottwald. // 6., neu bearbeitete Auflage. 2020, XLI, – 3037 S.

215. Lehtimaki, M. J. Debt subordination in corporate liquidation / M. J. Lehtimaki. – 2007. – URL: https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:487c871a-

951a-4373-8d40-ba756ed4d248/files/dqb98mf63z (дата обращения: 26.11.2024).

216. Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung. Bd. 2 / Hrsg. von H. P. Kirchhof, H.-J. Lwowski, R. Stürner. – 2. Aufl. – München, 2007. – 883 S.

217. INSOL Europe Authors. Harmonisation of Insolvency Law at EU Level (PE 419.633 European Parliament, Directorate General for Internal Policies: Policy Department C: Citizen's Rights and Constitutional Affairs, Legal Affairs 2010) – 162 p. – URL: https://www.insol-europe.org/uploads/files/documents/INSOLVENCY_REPORT_TO_EP_FINAL_WEBSITE_VERSION.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

218. Restructuring & Insolvency Laws & Regulations Italy 2024 / ICLG. – URL: https://iclg.com/practice-areas/restructuring-and-insolvency-laws-and-regulations/italy.

Электронные ресурсы

219. Будылин, С. Субординация займов акционеров: Так говорил Заратустра / С. Будылин // Закон.ру. – 2018. – 24 апр. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/4/24/subordinaciya_zajmov_akcionerov_tak_govoril_zaratustra (дата обращения: 26.11.2024).

220. Видеозапись заседания Банкротного клуба в г. Москве 16.12.2022. – URL: https://bankruptcyclub.ru/2023/01/16/msk_2022/ (выступление Д. М. Савченко см. 03:19:27: – 03:29:08) (дата обращения: 05.02.2025).

221. Видеозапись сессии «Роль суда в контроле над делом о банкротстве» на XIII Петербургском международном юридическом форуме 16.12.2022. – URL: https://legalforum.info/programme/business-programme/7800/#broadcast (выступление А.В. Варварина, см. 58:05-01:05:49) (дата обращения: 25.05.2025).

222. Дело Re SSSL Realisations, [2006] EWCA Civ 7 // https://vlex.co.uk/vid/re-sssl-realisations-2002-793648557 (дата обращения: 26.11.2024).

223. Интервенция в чужие договорные отношения: оспаривание сделки или взыскание убытков : науч.-практ. круглый стол. – 2019. – 1 февр. – URL: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchno-prakticheskiy_kruglyi_stol_intervenciya_v_chugie_dogovornye_otnosheniya_osparivanie_sdelki_ili_vzyskanie_ubytkov (дата обращения: 10.05.2024).

224. Исследование Центра международных и сравнительно-правовых исследований «Назначение арбитражных управляющих в России и иностранных юрисдикциях». – URL: https://iclrc.ru/storage/publication_pdf/ЦМСПИ_Назначение-арбитражных-управляющих-в-России-и-иностранных-юрисдикциях_1649172505.pdf.

225. Ответственность руководства: новые подходы к взысканию убытков // Право.РУ. – URL: https://pravo.ru/story/255346/?ysclid=m6xoxhwb724868902 (дата обращения: 09.02.2025).

226. Михайлова, Е. Практика применения института частных определений в банкротстве / Е. Михайлова. – URL: https://probankrotstvo.ru/expert-pro/praktika-primeneniia-instituta-castnyx-opredelenii-v-bankrotstve-1903 (дата обращения: 06.01.2025).

227. Основные принципы ЕБРР, касающиеся эффективной системы урегулирования дел о несостоятельности. – URL: https://www.ebrd.com/legal-reform/ebrd-insolvency-coreprinciples-russian.pdf (дата обращения: 27.02.2025).

228. Разъяснения ФНС России постановления Правительства РФ от 22.05.2024 № 634 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2004 г. № 257», предоставленные в ответ на письмо генерального директора НО СОАУ «НСПАУ» А. В. Каверзиной. – URL: https://www.paucfo.ru/upload/iblock/5b2/bcch31tqp9b84mwtm2vfp13l4

wf5rv9v.pdf (дата обращения: 23.02.2025).

229. Регистр арбитражных управляющих. – URL: https://rau.nalog.gov.ru/home/main (дата обращения: 23.02.2025).

230. Список редакций ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» см.: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527.

231. Статистический бюллетень Федресурса за 2023 год. – URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%2030%20июн%202023.pdf.

232. Статистический бюллетень Федресурса за 2024 год. – URL: https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%202024.pdf

233. Шайдуллин, А. И. Понижение в очередности (субординация) займов участников юридических лиц в Германии и Австрии. Компаративная справка к научно-практическому круглому столу Юридического института «М-Логос» на тему «Судьба договорных требований контролирующих компанию лиц и иных аффилированных кредиторов при банкротстве компании» [Электронный ресурс] / А. И. Шайдуллин. – URL: https://m-logos.ru/img/M-Logos_Shaidullin_27042018.pdf (дата обращения: 26.11.2024).